

ЭНДРЮ РОТШТЕЙН

КОГДА АНГЛИЯ ВТОРГЛАСЬ

WHEN   ANDREW ROTHSTEIN
BRITAN INVADED
SOVIET RUSSIA
THE CONSUL
WHO REBELLED

THE JOURNEYMAN PRESS LONDON AND WEST NYACK

КОГДА ЭНДРЮ РОТШТЕЙН
АНГЛИЯ
ВТОРГЛАСЬ
В СОВЕТСКУЮ
РОССИЮ ...

Автор предисловия В. В. Овчинников

МОСКВА «ПРОГРЕСС» 1982

Перевод с английского В. Н. МАЧАВАРИАНИ

Редактор Т. Л. КОМАРОВА

Редакция литературы по международным отношениям

© 1979 by Andrew Rothstein

© Перевод на русский язык, предисловие и послесловие, издательство
«Прогресс», 1982

P $\frac{11105-753}{006(01)-82}$ 28—82

0804000000

ПРИЧАСТНОСТЬ К ТЕМЕ

С Эндрю Ротштейном мне довелось познакомиться в доме 37-А по лондонской улице Клеркенуэлл Грин. Мы впервые встретились в той самой комнате с косым чердачным потолком, где отец этого человека в начале нашего столетия помогал В. И. Ленину редактировать «Искру».

На старомодном двухэтажном особняке в сотую годовщину со дня рождения основателя Советского государства была открыта мемориальная доска. Этот дом пользуется широкой известностью не только как музей, но и как библиотека марксистской литературы. Выдающаяся роль в ее создании принадлежит автору данной книги — Эндрю Ротштейну.

Жизнь этого человека являет собой интернациональный подвиг первого поколения зарубежных друзей Страны Советов. Людей, которые приветствовали Октябрь как осуществление надежд всего человечества и пронесли эту убежденность через все бури и испытания нашего века, неутомимо возвращая чувство дружбы к родине социализма в сердцах новых и новых поколений своих соотечественников.

За годы работы в Лондоне в качестве корреспондента «Правды» мне много раз доводилось обращаться к Эндрю Ротштейну за советом и помощью. И встречаясь с ним, я всякий раз поражался его деятельной натуре и душевной молодости, его умению оценивать любые события с позиций рабочего класса.

На протяжении многих лет Эндрю Ротштейн отдавал свою энергию и опыт делу взаимопонимания и сотрудничества между нашими странами как президент Общества англо-советской дружбы. Когда ему исполнилось 80 лет, ЦК КПСС от имени советских коммунистов приветствовал юбиляра, «неутомимого борца за

жизненные интересы рабочего класса Великобритании и всего трудового народа страны, последовательного марксиста-ленинца, отдающего все свои силы и знания делу распространения марксизма-ленинизма, верного друга советского народа, внесшего большой вклад в развитие и укрепление дружбы между народами Великобритании и Советского Союза».

Редко бывает, чтобы автор фундаментального исторического исследования, посвященного событиям шестидесятилетней давности, был бы к тому же участником этих событий. А на сей раз дело обстоит именно так. Вот записанный мною со слов Эндрю Ротштейна знаменательный эпизод из его жизни.

Середина декабря 1918 года. Рота, в которой служил Ротштейн, построили на плацу, объявив, что с солдатами будет говорить майор из генштаба. О чем пойдет речь, все уже знали. С тех пор как 11 ноября на европейских фронтах вступило в силу перемирие, в казармах только и говорили о демобилизации: попасть бы в приказ до рождества, чтобы встретить Новый, 1919, год дома с родными! Но для британской армии война, оказывается, не кончилась: в частях набирали людей для отправки в Архангельск.

Усатый майор, сверкая пуговицами и нашивками безукоризненного мундира, изрекал:

— Большевики предали Антанту, заключили мир с немцами. Мы обязаны помочь нашим верным союзникам, у которых красные силой отобрали власть, спасти Россию от анархии и террора...— Майор сделал многозначительную паузу и добавил доверительно:— Вы сейчас получаете пятнадцать шиллингов в неделю. Тому, кто вступит в ряды экспедиционного корпуса добровольно, будут платить двадцать пять шиллингов в день. Повторяю: двадцать пять, и не в неделю, а в день... Итак,— майор снова перешел на патетический тон,— кто готов выполнить наш великий исторический долг в России— два шага вперед!

Рота не шелохнулась. Эндрю Ротштейн смотрел из второй шеренги на побагровевшее лицо майора и ликовал. Двадцатилетний капрал, призванный в армию полтора года назад со студенческой скамьи, он накануне произнес в казарме первую в своей жизни политическую речь. И, судя по поведению роты, выиграл заочный диспут с вербовщиком из генштаба.

Эндрю изучал в Оксфорде историю, был членом Британской социалистической партии и хорошо понимал подлинные цели интервенции. Ведь если высадка десанта в Мурманске весной 1918 года мотивировалась «защитой севера России от угрозы германского вторжения», то чем можно было оправдать насильственный и вероломный захват Архангельска в августе? Или появление интервентов в Баку и Владивостоке?

«Западная цивилизация перед лицом большевистской угрозы» — более зловещей, чем вторжение орд Чингисхана», — этот заголовок лондонской газеты «Дейли кроникл» дает представление о яростной антисоветской кампании, которой сопровождалась военная интервенция в Мурманске и Архангельске.

Но вот 14 декабря 1918 года в левом еженедельнике «Геральд» появилась статья «Британия и Россия». Ее автор, Дуглас Янг, был консулом в Архангельске до его военной оккупации. Он был убежден, что действия Великобритании на севере России представляют собой трагическую ошибку, и считал долгом проинформировать правительство об истинном положении вещей. Однако министр иностранных дел лорд Керзон уклонился от встречи с ним. Глава департамента отказался принять даже его письменный доклад.

На свою беду Дуглас Янг не знал в ту пору о меморандуме Бальфура, который был принят военным кабинетом как генеральный план антисоветской интервенции и помощи контрреволюционным силам в России. Секретный меморандум всем британским посольствам гласил: «Союзные правительства твердо решили сделать все, чтобы свергнуть Советское правительство в России в возможно кратчайший срок». Руководство борьбой против Советов предлагалось сосредоточить в Лондоне. Для этого был создан «Комитет для решения русского вопроса». Во главе его встал военный министр Черчилль.

Непосредственная цель высадки британских войск в Мурманске и Архангельске состояла в том, чтобы создать на севере России контрреволюционное правительство, которое поощряло бы проникновение в Россию британского капитала. Снаряжая экспедиционный корпус, в Лондоне лелеяли мечту о том, что оккупированный север станет местом рождения «национальной» армии (половина офицерского состава которой состояла бы из англичан) и что, разрастаясь как снежный ком, войско это дойдет до Москвы и навсегда уничтожит «гидру большевизма».

Натолкнувшись на глухую стену в ведомствах Уайтхолла*, Янг решил нарушить субординацию и обратиться непосредственно к общественности через печать. И тут же был отстранен от дипломатической службы.

Тем временем в Англии набирало силу могучее движение протеста против антисоветской интервенции. 18 января 1919 года в английской столице был образован комитет «Руки прочь от России!». Его первая листовка, которую Эндрю прочел в Оксфорде, называлась «Британскому рабочему—от британского рабочего»:

«Сейчас много говорят о России. Газеты кричат о большевистской анархии, о красном терроре. Но вдумайся, друг: Россия—первая страна в мире, где рабочие стали сами решать свои дела. Британский народ не хочет воевать с Россией. Только богачи, капиталисты жаждут уничтожить свободу в этой стране, боясь, как бы мы не захотели, как и русские рабочие, стать хозяевами собственной судьбы. Друг! Если мы позволим нашим правителям-богачам посылать войска в Россию, наши сыновья и братья будут гибнуть за то, чтобы русские рабочие лишились свободы, а богачи богатели. Помни—британские капиталисты ненавидят Россию потому, что они ненавидят свободу, а свободу капиталисты ненавидят потому, что она мешает им богатеть!»

Вернувшись в Оксфорд после демобилизации, Эндрю быстро сблизился с группой прогрессивно настроенных студентов, вместе с ними установил связи с активистами местных профсоюзов. Инициатива Лондона нашла отклик, и в университетском городе вскоре был создан местный комитет «Руки прочь от России!», одним из активистов которого стал Эндрю Рогштейн.

В ту же пору объединенная конференция Британского конгресса тред-юнионов и лейбористской партии решила поддержать массовую кампанию под лозунгом «Руки прочь от России!» Профсоюзы горняков, железнодорожников, транспортников пригрозили парализовать экономическую жизнь страны, если правительство не прислушается к этому требованию. Под нажимом нарастающих протестов премьер-министру Ллойд

---

* Whitehall (англ.)—улица в центре Лондона, на которой находятся важнейшие правительственные учреждения. *Здесь и далее примечания, отмеченные звездочкой, сделаны редактором.*

Джорджу 9 ноября 1919 года пришлось объявить о выводе британского экспедиционного корпуса из Архангельска и Мурманска.

Однако Лондон по-прежнему поддерживал контрреволюцию на юге и западе России, британский флот не прекращал враждебных действий в Черном и Балтийском морях, оставалась в силе экономическая блокада.

Британский империализм искал лишь удобного момента, чтобы нанести по Стране Советов новый удар, предпочтительно чужими руками. Такой повод представился летом 1920 года, когда правящие круги Лондона и Парижа вознамерились примкнуть к новому антисоветскому походу на стороне белополяков.

На сей раз во главе движения против антисоветской интервенции встали рабочие лондонских доков и верфей; где тогда трудился молодой котельщик Гарри Поллит*. Портовики блокировали транспорт «Джолли Джордж», обнаружив на нем военные грузы, предназначенные для белополяков. Действия докеров получили широкую поддержку.

Август 1920 года стал наивысшей точкой кампании «Руки прочь от России!». Во многих промышленных городах появились «советы действия». И вновь британские правящие круги вынуждены были пойти на попятный и отказаться от участия в походе белополяков.

Как раз накануне бурных событий августа 1920 года Эндрю Ротштейн стал делегатом учредительного съезда Коммунистической партии Великобритании. Он имел все основания подписаться под словами члена Исполкома КПВ Джона Кэмпбелла: «Если британское империалистическое правительство было самым лютым врагом Советской страны на международной арене, то рабочий класс, прогрессивные силы Англии принадлежат к числу самых стойких ее защитников».

Не приходится удивляться, что Октябрь вызвал наибольшую ненависть и страх у тех, кто боялся потерять империю. Естественно и то, что именно в стране с давними традициями интернационализма в профсоюзном движении пролетарская солидарность с родиной Октября проявилась наиболее сильно.

---

* Гарри Поллит (1890—1960)—деятель английского и международного рабочего движения, один из основателей КПВ. Принимал активное участие в движении «Руки прочь от России!»

Движение «Руки прочь от России!» оставило глубокий след в общественно-политическом развитии Великобритании, способствовало консолидации демократических сил, рождению Коммунистической партии. С этими событиями тесно связана судьба Ротштейна. И если в семидесятые годы он взялся за монографию о британской интервенции в Архангельске, то это объясняется политической актуальностью темы.

Действительно ли Советский Союз собирается напасть на Британию? Подобный вопрос мне не раз задавали в Лондоне. И, отвечая, я всякий раз дивился политической наивности британского обывателя, его неосведомленности. Когда такому собеседнику доказываешь, что «советская угроза» — это абсурд, беспочвенная фантазия, в то время как вторжение британских вооруженных сил в нашу страну — это не вымысел, а исторический факт, то встречаешь удивленный взгляд.

— Что вы имеете в виду — Крымскую войну? Осаду Севастополя?

И когда поясняешь, что речь идет о британской интервенции 1918 года в Архангельске, о реальной, хотя и бесплодной, попытке силой оружия «задушить большевизм в колыбели», слышишь недоуменный вопрос: «Разве было такое? Почему же мы об этом ничего не знаем?»

Хотя шесть десятилетий спустя открыт доступ к секретным архивам министерства иностранных дел, неблагоприятная страница прошлого, по существу, неизвестна английской общественности. Тем большую ценность представляет книга Эндрю Ротштейна «Когда Англия вторглась в Советскую Россию», переведенная теперь на русский язык. Каждая страница этой монографии воспринимается как назидательный урок истории.

Когда оглядываешься на шесть с лишним десятилетий, прошедших со времени британской интервенции на севере России, видишь, как созвучны тогдашние кликушества о «красной опасности» современным антисоветским измышлениям в прессе и эфире, сколь схожи по своей близорукости и твердолобости антисоветизм британской правящей верхушки в 1918 и 1982 годах!

— Ослепление злобой рождает опасную близорукость, — говорил мне Эндрю Ротштейн уже после того, как эта книга вышла в свет в Англии. — В отношении британских консерваторов к процессу революционного обновления мира есть общая, неизменная черта: упря-

мое нежелание слышать правду о происходящем, склонность верить лишь тому, во что хотелось бы верить. Именно эта политическая близорукость правящей верхушки мешает ныне Британии полнее приобщиться к магистральным тенденциям современной международной жизни.

Содержание книги «Когда Англия вторглась в Советскую Россию» убедительно иллюстрирует этот вывод автора. Книга заставляет читателей задумываться над уроками прошлого, имеющими прямое отношение к сегодняшнему дню.

Всеволод Овчинников

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

В начале января 1919 года, за несколько дней до демобилизации из британской армии, я ознакомился в газете «Таймс» с письмами об интервенции в России контр-адмирала Дж. У. Кемпа, бывшего старшего командира британских военно-морских сил на Белом море, и Дугласа Янга, тогдашнего британского консула в Архангельске. Авторы писем придерживались противоположных мнений в оценке интервенции. Письма адмирала, по существу, вторили пропаганде, которая каждодневно велась в прессе, в парламенте и на публичных собраниях в пользу интервенции в Россию и которая объявляла большевиков врагами цивилизации. Ответы консула были поразительно смелыми в своем откровенном осуждении политики британского правительства, на службе которого он все еще сохранял официальный пост.

В конце февраля 1919 года письма эти были изданы отдельной брошюрой Народным бюро информации о России. Брошюра называлась: «Британский консул отвечает на антибольшевистскую клевету». К этому времени рабочее движение в Англии начинало энергично откликаться на кампанию против интервенции «Руки прочь от России!», и брошюра имела значительный успех. Однако ни тогда, ни в течение многих последующих лет общественность ничего не знала о Дугласе Янге.

В 1967 году, после смерти Дугласа Янга, о которой известило траурное объявление в «Таймс», я опубликовал заметку в газете «Морнинг стар», содержащую основные факты его жизни. Мне было предложено от имени вдовы Янга распорядиться его записками. Результатом явилась эта книга.

Я выражаю глубочайшую благодарность г-же Нине Янг и ее друзьям—покойному Лесли Веббу и г-же Барбаре Вебб—за разъяснение многочисленных вопросов, возникавших при чтении записок Дугласа Янга. Я

должен также выразить признательность за помощь, неизменно оказывавшуюся мне со стороны Государственного архива в Лондоне и отдела периодики Британской библиотеки в Колиндейле. Большую помощь мне оказал библиотекарь колледжа Сент-Данстан в Лондоне, где учился Янг. При добром содействии, неизменно получаемом мной со стороны Общества СССР—Великобритания, Государственная библиотека имени В. И. Ленина в Москве прислала мне в Лондон ряд редких работ советских историков о событиях в Архангельске с 1917 по 1919 год, за что я приношу большую благодарность. Чехословацкое посольство в Лондоне любезно помогло мне получить некоторые ценные справки из национальных архивов ЧССР о некоторых событиях 1917—1918 годов.

Информация и краткие выдержки из охраняемых авторским правом документов в Государственном архиве приведены с разрешения контролера постоянной канцелярии Ее Величества.

Лондон, март 1979 года

Эндрю Ротштейн

ПРОЛОГ

Середина декабря 1918 года. Прошло чуть больше месяца с момента окончания первой мировой войны. Рухнули великие империи в Центральной и Восточной Европе. Миллионы людей все еще находились под ружьем, но в Англии сотни тысяч солдат, вступивших в армию «на три года или на период войны», с нетерпением ожидали демобилизации, о чем свидетельствовали их многочисленные письма в редакции газет. В пограничных областях с бывшей Российской империей английские солдаты и матросы убивали и гибли под аккомпанемент яростной антибольшевистской пропаганды в прессе и парламенте. По этому поводу шли постоянные запросы в палату общин и следовали уклончивые ответы министров. Жестокие сражения на Западном фронте, умышленное замалчивание почти всей благожелательной по отношению к Советской России информации и тяжелая рука Закона о защите королевства* — все это, вместе взятое, мешало росту движения против интервенции в Россию. Подписание перемирия с Германией 11 ноября 1918 года способствовало изменению ситуации. Во многих городах Англии прошли митинги против интервенции.

25 ноября был распущен парламент, и коалиционное правительство Ллойд Джорджа объявило о новых выборах («выборы хаки»)**; рассчитанных на то, чтобы

---

* Defence of the Realm Act (англ.) — Закон о защите королевства. Был принят английским парламентом в 1914 году. Закон предоставлял чрезвычайные полномочия правительству в связи с войной — ограничивал гражданские и личные свободы населения, чем облегчал буржуазии борьбу с рабочим движением.

** Либерально-консервативная коалиция сложилась в ходе первой мировой войны. Консерваторы и либералы стремились провести выборы на волне шовинистического угара, охватившего некоторые слои английского народа в связи с победой над Германией. Они хотели сохранить власть в своих руках и ослабить растущее революционное движение народных масс. Выборы, проведенные в военной обстановке, иногда называют «выборами хаки».

вернуть к власти «человека, выигравшего войну». В ходе предвыборной борьбы антибольшевистская пропаганда усилилась. Правящие круги Англии пытались создать впечатление, что западной цивилизации угрожают большевики — «опасность более страшная, чем германский милитаризм». Рупор премьер-министра газета «Дейли кроникл» сообщила 18 декабря 1918 года о существовании «большевистской угрозы», которая также серьезна, «как нашествие Чингисхана и Тамерлана».

В самый разгар этой кампании, 14 декабря, когда до выборов оставалось еще две недели, в левой лейбористской еженедельной газете «Геральд», которая во время войны сменила выходящую до 1914 года газету «Дейли геральд», появилась примечательная статья за подписью Дугласа Янга. Она была озаглавлена: «Британия и Россия». Статью предваряла следующая справка: «Г-н Янг был единственным представителем интересов Великобритании в Архангельске с декабря 1917 года вплоть до военной оккупации 2 августа 1918 года». Ниже приводился текст статьи:

«За одиннадцать лет моей службы в системе министерства иностранных дел я убедился, что руководство нашей внешней политикой составляет прерогативу привилегированного класса и что жизненно важные международные вопросы решаются чиновниками зачастую низкого ранга, не имеющими элементарных знаний о странах, которыми они занимаются по долгу службы. Они игнорируют и даже враждебно воспринимают любые предложения или советы со стороны лиц компетентных, но не принадлежащих к их кругу. Чтобы скрыть свои грубые просчеты, часто приводящие к гибели тысяч людей, эти бюрократы обычно ссылаются на «государственную тайну». Наши дипломатические представительства за границей также являются сферой исключительной компетенции касты, члены которой в большинстве случаев даже не говорят на языке страны пребывания, черпают информацию в четырех стенах своих канцелярий или в великосветских кругах, где они постоянно вращаются.

За три года моей службы британским консулом в Архангельске я видел, как деньги английских налогоплательщиков растрачиваются безразличными ко всему бюрократами.

Двойная игра

Британское правительство вело грязную двойную игру с Советской Россией. Сначала оно сделало торжественное заявление, которое за моей подписью было опубликовано в архангельской прессе, что у него нет никаких аннексионистских намерений и что оно не будет вмешиваться во внутренние дела России. Заявление было воспринято мной и всеми, кто его читал и кто не придавал особого значения дипломатическим тонкостям игры слов, как гарантия того, что Великобритания не предпримет каких-либо военных действий против Советского правительства. Затем она нанесла удар в спину этому правительству, форсировав под лицемерным предлогом высадку союзных войск в Архангельске.

Советское правительство отнюдь не нарушало неприкосновенности британского посольства в Петрограде — посольство уже не существовало, поскольку его персонал позорно покинул страну несколько месяцев назад, а официальные представители британского адмиралтейства и военного ведомства, злоупотребляя дипломатическими привилегиями, на которые они не имели права, организовали совместно с русскими контрреволюционерами под прикрытием британского посольства заговор, имевший целью свержение Советской власти.

Британское правительство не сумело понять ни значения Октябрьской революции, ни целей Советского правительства*. Оно продолжало замалчивать любую информацию о России. Тот, кто выражал мнение, которое не совпадало с точкой зрения английских властей, и указывал на их грубые просчеты, подвергался преследованиям. Те немногие независимые члены различных партий, которые пытались путем запросов в парламенте выудить истину о деятельности Советского правительства, получали преднамеренно ложные либо уклончивые ответы. Вполне возможно, что государственные чиновники утаивали от своих министров правду о том, что происходило в действительности.

---

* Янг заблуждается относительно неведения своего правительства о том, что в действительности происходит в России. Верно стоящее на страже интересов британского империализма, оно увидело в революции угрозу этим интересам и с самого начала стало главным организатором интервенции. Стремление Янга открыть правительству глаза на происходящее стоило ему дипломатической карьеры.

Рискованная операция в Архангельске

Архангельская экспедиция, если ее рассматривать только как военное мероприятие, вне связи с вопросами морали и политической целесообразности, окончилась, и это уже признано даже ее организаторами, еще большим провалом, чем можно было бы предположить. Нависла реальная угроза того, что экспедиционный корпус будет сброшен в Белое море. Провал этой экспедиции вызван в первую очередь тем, что наши наивные власти явно недооценили не только моральную силу, но и военную мощь Советской России, будучи, вероятно, убежденными в том, что стены большевистской цитадели в Москве, удаленной на 700 миль от Архангельска, рухнут при приближении с берегов Белого моря британских разряженных генералов во главе разношерстного отряда из нескольких сот человек, которых им удалось «наскрести».

Этот злополучный эксперимент только погубил те классы в России, которым он, по наивным предположениям, должен был помочь. Опасность теперь состоит в том, что он может быть повторен на Черном море неизбежно с теми же последствиями.

Британское пруссачество

Мне довелось видеть в Архангельске, как английский генерал обращался с русскими людьми в их собственной стране с деспотизмом, присущим разве что царю, и вел себя так же позорно, как те русские старорежимные генералы, которых англичане, проживающие в России, высокомерно критиковали. Из этого можно сделать лишь тот вывод, что война против прусского милитаризма породила уайтхоллский милитаризм, мало отличающийся от своей потсдамской разновидности*, и британскую бюрократию, возможно менее продажную, но столь же бездарную, как и петербургское чиновничество.

Большевизм, по моему мнению, возник на почве усталости нации от войны и народного недовольства. Я убежден, что политика (или отсутствие политики) британского правительства в отношении России послужила

---

* Потсдам — бывшая резиденция королей Пруссии. Потсдамская разновидность милитаризма — прусский милитаризм.

распространению идей большевизма. Из-за просчетов британских властей Англия утратила свое влияние на Россию, которая оказалась в еще большей зависимости от Германии. Я убежден, что внезапному краху Германии способствовала большевистская пропаганда в такой же мере, как и наши военные действия. Я боюсь, что в настоящий момент, когда наиболее неотложные внутренние проблемы ждут своего разрешения в Англии, мы будем растрачивать наши силы и ресурсы на восстановление порядка в России. Делая это, мы рано или поздно вызовем вспышку большевизма в Соединенном королевстве, способствуя тем самым распространению русских идей по всей Западной Европе.

Новая война?

Россию невозможно оккупировать. Ее территория огромна, большевики сильны и становятся все сильнее. Речь идет не о «восстановлении порядка» в Мурманске или в Крыму, а о том, чтобы по меньшей мере достичь Москвы. Это означает войну большого масштаба, на которую уйдет много лет, которая поглотит тысячи человеческих жизней, миллионы денег,— войну, цели и результаты которой известны лишь провидению. Ограниченная интервенция не решит вопроса. Если ее продолжать, то на широкой основе, со всеми вытекающими последствиями.

Но есть и другой путь. Я убежден, что, если делегация, состоящая не из чиновников или милитаристов, а из здравомыслящих людей, представляющих все политические партии Англии, встретится в нейтральной стране с советской делегацией, соглашение будет достигнуто после нескольких часов переговоров. Я считаю, что это соглашение окажется приемлемым как для наших левых социалистов, так и для британских капиталистов, которые заинтересованы в том, чтобы вернуть свои деньги в России.

Газеты сообщают, что М. Литвинов* находится в

---

* М. М. Литвинов (1876—1951)—советский государственный и партийный деятель. В 1918 году был назначен представителем Советской России в Англии. Ввиду отсутствия дипломатических отношений между двумя странами британское правительство отказалось признать Литвинова послом, поддерживая с ним отношения де-факто. Будучи командирован в Стокгольм, Литвинов по поручению Советского правительства сделал предложение о мире всем странам, воевавшим тогда против РСФСР.

Стокгольме и предлагает начать переговоры. Англии представляется случай исправить роковую ошибку и смыть пятно, которое легло на нашу национальную честь».

Ниже мы рассмотрим, какие последствия имело публичное осуждение правительственной политики авторитетным государственным чиновником, непосредственно наблюдавшим описываемые им события в Архангельске. Отметим лишь то, что это, возможно, был беспрецедентный случай в истории британской дипломатической службы! Напрашивается вопрос о личности самого автора статьи. Кем он был?

ЧАСТЬ I

1

Дуглас Янг родился 11 июля 1882 года. Все, что известно о ранних годах его жизни, давало основания предположить, что он станет обыкновенным буржуазным служащим, лояльным в отношении признанных принципов британской политической жизни. Его отец, Чарлз Вудро Янг, был ответственным чиновником в Управлении Ост-Индской железнодорожной компании в Лондоне. Ко времени выхода в отставку он дослужился до должности секретаря этого Управления — одной из самых почетных должностей в Сити. Дуглас был послушным ребенком и внимательным сыном. Покинув отчий дом, он каждую неделю писал нежные письма своей матери, вплоть до ее смерти. В доме царила атмосфера набожности: его отец пел в церковном хоре, вся семья регулярно посещала службы в англиканской церкви. Музыка связывала семью воедино. Один из друзей описывает их музыкальные вечера: отец пел, мать аккомпанировала на фортепьяно, а сыновья (у Дугласа был старший брат) играли на скрипках. В общем, это была типичная семья лондонского пригорода с тишичным лондонским пригородным адресом: «Сидней-вилла, Брекспир-роуд, Гринвич». Дуглас получил образование, соответствующее своей социальной среде. После нескольких лет учебы в частном пансионе для мальчиков в Итоне он в возрасте одиннадцати лет поступил в Сент-Данстан-колледж — закрытое привилегированное среднее учебное заведение в юго-восточном Лондоне. Этот колледж, как и многие другие привилегированные учебные заведения, расположен в самом сердце средневекового Лондона. Здесь он провел семь лет, отличившись во всех видах школьного спорта: в выпускном 1900 году он был капитаном крикетной команды, капитаном Атлетического комитета, игроком основного состава первой команды регбистов; на ежегодных атлетических соревнованиях он занимал первые места в беге на 100 и 220 ярдов и в барьерном беге. В

декабре 1896 года он получил высшие оценки на отборочных экзаменах при Лондонском университете. В 1899 году он получил награды по латыни и греческому языку. Кроме того, Янг был редактором школьного журнала. С фотографий школьного периода на нас смотрит удивительно приятное и умное лицо, само воплощение ювеналовского юноши с «честным взглядом и чистыми помыслами». Его исключительная разносторонность отмечалась всеми, кто знал Янга. «Школа стала лучше благодаря тому, что ты учился в ее стенах»,— писал его одноклассник, ставший редактором журнала после поступления Янга в Кембриджский университет. «Он пользовался прекрасной репутацией благодаря своему трудолюбию и честности и хорошо влиял на товарищей как староста и спортсмен»,— писал в 1904 году в характеристике директор школы.

Черты его характера в юношеском возрасте я описываю с такими подробностями только потому, что они сохранились на всю жизнь, и многие из них проявились в его делах.

В Тринити-колледж, в Кембридже, он имел специальную классическую стипендию. После первых трех лет учебы Янг в силу некоторых трудностей личного порядка получил на языковых экзаменах отличие третьей степени. Год спустя, после нескольких месяцев пребывания в Париже и Ганновере, где Янг совершенствовался в французском и немецком языках, он был удостоен отличия первой степени на экзаменах по современным языкам. Это предопределило его будущую карьеру. В университете он вновь отличился в занятиях спортом. В характеристике Янга руководитель его группы Дж. Д. Дафф писал, что «его поведение всегда было отличным, а его работа тщательной» и что он был «благоразумным, уравновешенным человеком». Д-р Х. Ф. Стюарт (впоследствии известный университетский профессор) подчеркивал способности Янга к языкам и говорил, что он «хорошо подготовлен в моральном, интеллектуальном и социальном отношении и может быть педагогом и ученым».

В течение последующих трех лет (1905—1907) он много путешествовал по Европе в качестве руководителя группы английских юношей (один из них был внуком Чарлза Дарвина). К этому времени он свободно говорил по-французски и немецки. В весьма короткий срок он изучил русский язык, позже овладел болгарским, испанским и итальянским. Даже в возрасте 84 лет, как

писала его вдова, он все еще читал по латыни для собственного удовольствия¹.

Знание языков очень помогло Янгу, когда летом 1907 года он был допущен к конкурсным экзаменам на зачисление в британскую консульскую службу и, успешно выдержав их, был назначен вице-консулом в августе этого же года. 18 ноября 1907 года он прибыл в первое место своего назначения — на Занзибар.

На Занзибаре он прослужил немногим более года, до декабря 1908-го. Единственным документом, сохранившимся от того времени, является благодарственное письмо, полученное Янгом шесть месяцев спустя (24 июля 1909 года) от сэра Эдварда Грея, тогдашнего министра иностранных дел. Он хвалит его «за трудолюбие и усердие, проявленные при подготовке подробного и блестящего отчета о торговле и других аспектах жизни Германской Восточной Африки».

29 декабря 1908 года он был назначен вице-консулом в Севастополь. Здесь он встретился с Варварой Люхнакевич, 20-летней дочерью генерал-майора Люхнакевича, мелкого тульского помещика и родственника Хвостова, хорошо известного реакционного губернатора Нижнего Новгорода (позже министра внутренних дел). 13 ноября 1910 года они обвенчались. В течение нескольких месяцев Янг отдыхал в имении генерала. Его несколько удивило (как он писал в последующие годы) отсутствие какого-либо внимания к условиям жизни крестьян, тем не менее ничто не поколебало его веры в высокую культуру русского дворянства.

Из Севастополя Янг был переведен в ноябре 1910 года, все еще в ранге вице-консула, в Боготу. Он исполнял также обязанности делопроизводителя и архивариуса британской дипломатической миссии. Однако с конца апреля 1911 года и до начала марта 1912 года он был временным поверенным в делах миссии. Даже после прибытия нового британского посланника Янг играл главную роль в переговорах по мирному урегулированию спора между британской железнодородной

---

¹ Я глубоко признателен г-ну У. Торберну, библиотекарю колледжа Сент-Данстан, за любезно предоставленную мне возможность ознакомиться с подшивками школьного журнала за 1893—1901 годы, а также г-же Нине Янг, которая показала мне копии школьных и университетских документов ее мужа, а также за то, что она сообщила мне множество подробностей личного характера, использованных в этой книге.

компанией и правительством Колумбии¹.

С 1 января 1913 года Янг (после краткого пребывания в отпуске в Англии)—вице-консул в Сан-Франциско. Несколько позже он становится исполняющим обязанности генерального консула. Как только началась первая мировая война, Янг направил письмо в министерство иностранных дел с просьбой отчислить 10 процентов его жалованья в военный фонд. Грей в письменной форме выразил ему благодарность за «этот великодушный жест».

Очевидно, в связи со сложной обстановкой на Балканах Янг летом 1915 года был переведен в Болгарию, в город Руцук. Деятельность на этом посту он должен был совместить с консульскими обязанностями в Бухаресте. На этом посту он пребывал недолго, поскольку Болгария в октябре 1915 года вступила в войну на стороне центральных держав. 17 ноября того же года Янг прибыл в качестве «временного консула» в Архангельск, этот пост он занимал в течение трех лет.

Таким образом, его работа на консульской службе была типичной для молодого и серьезного государственного чиновника, который пытается завоевать доверие начальства усердным и добросовестным исполнением своих обязанностей, подобно тому как в свои ранние годы он являл образец примерного ученика привилегированной школы и вдумчивого студента. Увиденное Янгом во время путешествия через Россию по Транссибирской железной дороге навело его на мысль о неизбежности политического взрыва в России. Об этом он писал в своих воспоминаниях. Нет оснований сомневаться в искренности Янга, ведь сходные суждения бытовали среди всех здравомыслящих англичан, которые проживали в России накануне первой мировой войны. Они, конечно, не делали глубоких обобщений и ограничивались тем, что сочувствовали кадетам, выступавшим в Государственной думе. Росту симпатий к кадетам способствовали посещение Англии делегацией Думы в 1909 году и ответный визит британской парламентской делегации в 1912 году.

---

¹ Среди бумаг Янга имеется письмо, датированное 6 июля 1912 года, от представителя компании с выражением благодарности за его содействие, а также письмо сэра Эдварда Грея от 13 апреля 1912 года, в котором Грей поручает посланнику передать Янгу его одобрение «тем, как он вел дела миссии Его Величества, когда представлял британские интересы в Колумбии».

Об Архангельской губернии В. И. Ленин в 1889 году писал: «...Необъятные пространства земли и природных богатств эксплуатируются еще в самой ничтожной степени». Одно из главных местных богатств — лес — шло в Англию. Фактически «данный район Европейской России служил внешним рынком для Англии, не будучи внутренним рынком для России»¹. Русские предприниматели надеялись, что с проведением железной дороги до Архангельска роль губернии на внутреннем рынке страны изменится.

Пятнадцать лет спустя Гарольд Вильямс, известный корреспондент в России одной из английских газет, писал, что «богатые природные ресурсы» Архангельской губернии, в частности густые леса, все еще «едва используются», а обширные пространства «в большинстве пустыют» и являются преимущественно местом политической ссылки. В основном земли Архангельской губернии были непригодны для сельского хозяйства². Британское судоходство до войны занимало первое место в экспорте лесоматериалов, которые составляли крупнейшую статью торговли Архангельска. Две трети экспорта шло в Англию³. Лишь в одном отношении губерния представляла собой значительный рынок для внутренних областей России. Из-за плохих земель среднегодовое производство зерна в губернии в 1909 и 1913 годах не превышало 40 тысяч тонн — в четыре раза меньше того, что требовалось. Недостаток нужно было покрывать за счет ввоза хлеба из Сибири и с Волги. Несмотря на огромные размеры губернии (ее территория равнялась общей территории Британии, Франции, Бельгии и Голландии), население губернии до начала первой мировой войны насчитывало около 500 тысяч человек — меньше, к примеру, чем в Бирмингеме (Англия). Девять десятых населения составляли крестьяне. Их деревушки были разбросаны по берегам рек в бескрайних лесах. Около одной трети составляли работ-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 596.

² Russia of the Russians. London, 1914, p. 396. См. также The Russian Gear Book. London, 1918, p. 659.

³ Шумилов М. И. Октябрьская революция в Северной России. Петрозаводск, 1973, с. 23. Из 44 лесопильных заводов в губернии 26 принадлежали иностранцам.

ники, не имевшие ни рабочего скота, ни коров¹. С этим связан ежегодный большой отток людей в промышленные города на сезонную работу или на постоянное проживание — обстоятельство, уже отмеченное Гарольдом Вильямсом.

Большинство населения занималось рыболовством, заготовкой леса (основное занятие неимущих сельскохозяйственных работников), кустарничеством. В то время как в Европейской России средние заработки составляли 240—250 рублей в год, в Архангельске они колебались от 130 до 200 рублей. Несколько более высокие заработки на лесопильных заводах в Архангельске (от 180 до 240 рублей в год) при двенадцатичасовом рабочем дне уравнивались значительно более низкими заработками рабочих в порту и на речном транспорте.

Война, конечно, принесла некоторые изменения. Хотя, по данным 1917 года, в губернии около 40 тысяч рабочих различных категорий было призвано в армию, что губительно отразилось на лесопильной промышленности², население города возросло за счет притока солдат, моряков и рабочих с 43 до 72 тысяч³. Большое количество английских и русских кораблей с углем, металлами, оборудованием и другими товарами в 1915—1916 годах вмерзло во льды в устье Северной Двины или в Архангельском порту из-за метеорологических просчетов британского департамента по военным поставкам. По данным Янга, приведенным в его неопубликованных воспоминаниях, их было около 100. Число железнодорожных служащих возросло с 35 тысяч в 1913 году до 71 тысячи в 1917 году благодаря успешному завершению в ноябре 1916 года строительства железнодорожной линии от Званки (неподалеку от Петрограда) до незамерзающего порта Мурманск. В то же время мобилизация крестьян в армию означала, что 35 процентов хозяйств остались без мужской рабочей силы⁴.

¹ Советские историки пишут, что 6,6 процента земли принадлежали 70 тысячам крестьянских хозяйств, в то время как государство и церковь владели более чем 90 процентами земли, дававшей всю экспортную древесину. См., например: Ветопкин М. К. Установление Советской власти в Северной России. М., 1957, с. 6, 7, 15; Шумилов М. И. Октябрьская революция в Северной России, с. 29.

² Аксенов А. Н. Установление Советской власти в Архангельской губернии. М., 1956, с. 9.

³ Мыррин Г. Е. Октябрь на Севере. Архангельск, 1967, с. 9.

⁴ Шумилов М. И. Октябрьская революция в Северной России, с. 35.

Таким образом, война не внесла существенных изменений в жизнь Архангельской губернии. Она осталась такой же, как и двадцать лет назад.

Янг столкнулся с проблемой грузов. Сырье, запасные части, снаряжение, закупленные за границей по военным кредитам царским правительством, были свалены на причалах Архангельского порта еще в 1915 году. Транспорт был совершенно не пригоден для условий военного времени, и грузы не были доставлены во внутренние области страны. Эти грузы включали 14 тысяч тонн меди, 5 тысяч тонн свинца, более 2 тысяч тонн алюминия, много сурьмы, большое количество боеприпасов, а также 250 тысяч тонн угля¹.

Город, каким его увидел Янг в 1915 году, описан им в его неопубликованных воспоминаниях: «Край света, где люди жили прозябая, где свиньи весной и осенью валялись в лужах грязи на всех улицах, кроме главной, где наглые козы срывали и пожирали красочные плакаты, расклеенные на вращающихся тумбах возле почты и полицейского участка, где коровы, бредущие без присмотра в летние вечера с общинных пастбищ, сами заворачивали во дворы своих хозяев. В Архангельске жили лишь те, кого к этому вынуждали случайность рождения, ссылка или заработок. Среди высланных были чиновники и политические ссыльные, повинные в незначительных проступках. В короткий летний период несколько норвежских пароходов помогли русским парусным судам каботажной плавания доставить в порт зимний запас трески и сельди, а затем ушли, спасаясь от объятий безжалостного Севера. Заходили одно или два не то британских, не то немецких судна (помимо лесовозов) и завезли уголь для порта и электростанции, тяжелое оборудование для лесопильных заводов и промышленные товары».

Воспоминания французского офицера Пьера Паскаля, который прибыл в Архангельск в мае 1916 года, как бы дополняют эту картину. «В городе преобладали простые деревянные дома. Они тянулись по обе стороны улицы, конца которой не видно». (В справочнике Бедекера «Россия» 1914 года говорится, что город «протянулся почти на пять миль» вдоль берега реки.)

---

¹ Данные о количестве угля взяты из книги Кедрова М. С. «За Советский Север», М., 1927, с. 29. Другие данные взяты из книги: Kennan G. F. The Decision to Intervene. London, 1958, p. 17. Кеннан цитирует нигде не опубликованный меморандум от марта 1918 года.

«Тротуары бревенчатые. Трамвайные линии. Боковые улицы под прямым углом, открывающие вид на причалы в одном конце и на тундру — в другом» («*Mon Journal de Russie*», 1975, p. 30). На карте Архангельска, находящейся в Государственном архиве, отпечатанной для британских воинских частей, высадившихся в Архангельске в 1918 году, изображены 24 такие улицы, которые начинаются у берега реки, пересекают главный Троицкий проспект под прямым углом и через несколько кварталов упираются в открытую болотистую местность (W. O. 95, Vox, 5422).

У военнослужащих сил вторжения остались примерно такие же впечатления о городе. Английский журналист в кратком комментарии пишет об «удивительно примитивных улицах» (Singleton-Gates. *Bolos and Barishynas*, 1920, p. 11). Много лет спустя один бывший американский солдат дал следующее описание старого Архангельска: «Школы, правительственные учреждения — из кирпича или камня, остальные постройки — бревенчатые... Солидные дома, общественные здания, электрическое освещение, трамваи и — деревянные тротуары, покрытые грязью улицы, открытые сточные канавы, пропитавшие зловонием все кварталы. На переднем плане остовы лодок, мачты и снасти, причалы и склады, а за ними грязные улицы» (Halliday. *The Ignorant Armies*, 1961, pp. 56, 57).

К этому следует добавить, что в то время в Архангельске не было ни канализации, ни общегородского водопровода: после революции еще долго население начало воду ручными насосами в самом центре города.

Таков был Архангельск, в котором Янг начал свою консульскую деятельность. Консульство располагалось на Троицком проспекте, в доме № 65, по соседству с городской англиканской церковью. Церковь была построена на территории старой «английской фабрики», возникшей здесь несколько веков назад. Первые два года Янг исполнял обычные обязанности британского консула. Он рассматривал дела об английском моряке, напавшем на русского таможенного чиновника на борту корабля, о цветном британском подданном, которого обвинили в краже «найденного им на корабле кошелька» и посадили за решетку на несколько месяцев без суда и без извещения об этом консульства, о финских плотниках, которых завербовали в Англии без предварительного согласования с русскими властями и сняли с

английских судов, об английских офицерах, опрокинувших мелкие суденышки на реке волнами от своих моторных лодок. Подобные инциденты, а также обычная рутинная работа по выдаче виз, взиманию сборов за оформление документов и т. д.—всего этого было достаточно, чтобы заполнить время.

Однако существовало немало трений между русскими властями и британской бюрократией по более серьезным вопросам. Они возникали из-за особого положения Архангельска—единственного морского выхода России в Европу. Роль Архангельска как военного порта теперь усилилась, поскольку корабли вражеских стран—Германии и Турции—господствовали на Балтийском море и в южных проливах. В первое время после приезда Янга обстановка в Архангельске была довольно спокойной, однако затем возникли острые споры по вопросу об использовании трех британских ледоколов, которые были в свое время присланы союзниками России. Царские военно-морские власти распорядились послать один из них вопреки протестам Янга во Владивосток; при этом русский адмирал, прибывший в Архангельск, заверил, что для торговых судов вход в порт и выход из него будут обеспечены до конца января и без помощи ледоколов. Более того, капитан Кемп (позже вице-адмирал), старший британский военно-морской офицер, не имевший никакого опыта «в вопросах борьбы со льдами на море», поддержал оппонентов консула. В результате, когда ударили суровые морозы, корабли, которые могли бы выйти в море, вмерзли во льды: «некоторые, закончившие погрузку и готовые к выходу, другие, наполовину нагруженные или разгруженные», как писал Янг в своих неопубликованных воспоминаниях. В сложившейся ситуации он винил не только русских. В начале декабря 1915 года, несмотря на его предупреждения, британское адмиралтейство направило в Архангельск корабль с бронированными машинами на борту, который вынужден был простоять в Мурманске всю зиму, вплоть до завершения строительства Мурманской железной дороги.

Кроме того, британское адмиралтейство намекало на то, что оно может взять в свои руки управление портом. Это предложение было сразу же отвергнуто, и при этом с сарказмом замечено, что англичане намерены обращаться с русскими так же, как немцы обращаются с турками. После этого из Лондона в Архангельск

направилась миссия министерства торгового флота. Функции миссии были неясны, и состояла она из лиц, не знавших ни России, ни ее языка. Пребывание представителей министерства в Архангельске осложняло работу Янга. Миссия стала предметом насмешек как со стороны русских, так и англичан. Инженер, входивший в миссию, «вскоре обнаружил, что в строительстве деревянных причалов и мостов ему нечему учить русских, с детства владеющих топором». Чрезмерная многочисленность миссии вызывала у населения насмешки: не слишком ли много англичан освобождено от мобилизации? Англичане, по-видимому, намерены сражаться «до последнего русского солдата...» Английские морские капитаны, застрявшие в порту, дали миссии прозвище, взятое из популярной в то время программы мюзик-холла — «Моряки Гарри Тейта».

Жизнь Янга в консульстве с его крохотным штатом осложнялась постоянным появлением неких загадочных лиц со специальными заданиями, о существовании которых ему сообщалось лишь в тех случаях, когда появлялась необходимость в его помощи. Так было с неким майором, прекрасно знавшим русский язык, которого трудно было подключать к какой-либо работе, поскольку его единственной обязанностью было следить за отправкой английского военного снаряжения в глубь России. Так было со служащим паспортного бюро, сопровождавшим группу английских бизнесменов, говорящих по-русски и одетых для удобства выполнения своих функций в военную форму. Им поручалось «выявлять прогермански настроенных лиц, исключая тех, кто занимал высокие посты». Так было с миссией министерства торгового флота, о которой говорилось выше. «Каждый из них делал то, что считал нужным, оставляя на долю других то, что сам он не мог или не хотел делать. Результатом было не только дорогостоящее дублирование, но и постоянный риск что-либо упустить... При взаимном понимании, хорошей организации дела ту же работу можно было выполнить по крайней мере с половиной штата, с одной третьей затрат и, уж несомненно, с лучшими результатами», — писал Янг.

Можно не сомневаться, что подобные действия русской и британской бюрократии в какой-то степени повлияли на взгляды Янга после февральской и Октябрьской революций 1917 года.

В своих воспоминаниях британский консул делится

впечатлениями от общения с русской аристократией накануне этих исторических событий. Он описывает одну беседу, состоявшуюся в его доме на фешенебельном Троицком проспекте за несколько недель до февральской революции. «Среди гостей присутствовал некий князь из известной семьи, который состоял связным офицером при английском генерале, возглавлявшем миссию снабжения. Остальные были в основном русские дамы из высшего света. Разговор, естественно, коснулся тех событий, которые, как все смутно чувствовали, должны были вот-вот произойти. Никто даже не заикнулся о необходимости принесения жертв во имя союза, во имя войны или хотя бы во имя царя; в то же время много говорилось о том, как наилучшим образом устроить собственные дела перед надвигающейся катастрофой. Одна дама отдавала предпочтение земельной собственности как наиболее надежному способу помещения денег. Другая — бриллиантам, поскольку они в большой цене и легко транспортируются (более осведомленные предупреждали о растущем ажиотаже в ювелирных магазинах Петрограда и Москвы). Князь, как новоприбывший авторитет из столицы, был за недвижимость и сказал с явным удовлетворением, что все свое состояние он поместил в имение под Киевом. Все эти рассуждения были типичными для высшего общества тех времен».

Янг вспоминает еще одну беседу в гостиной жены русского адмирала, возглавляющего Архангельский порт, — патриотичной и умной женщины, «несомненно, по-настоящему лояльной в отношении Антанты». Речь шла о скандале, связанном с «Распутиньим, о развращенных и бездарных министрах в Петрограде». В 1923 году Янг записал: «Как сейчас вижу эту бедную даму — ныне находящуюся в эмиграции в Париже: она уронила голову на руки и говорит о чем-то «ужасном и неотвратимом».

Когда это «неотвратимое» свершилось в феврале следующего года, Янг оказался среди тех немногих, кто не был застигнут врасплох.

Приложение к главе 2

Обстановка в Архангельске значительно ухудшилась во время оккупации и последующих военных действий, продолжавшихся более года. Войска Антанты ушли в

конце 1919 года, а власть белых, которую они оставили после своего ухода, Красная Армия свергла в феврале 1920 года. Большая часть лесопильных заводов бездействовала: производство пиленого леса в 1920 году составляло 6 процентов от производства 1913 года. Железная дорога Архангельск—Вологда, вдоль которой происходили наиболее ожесточенные бои, была сильно разрушена. Многие торговые суда ушли за границу, а речные пароходы, баржи и буксиры, широко использовавшиеся в качестве канонерских лодок и мониторов в 1918—1919 годах, были либо уничтожены, либо требовали капитального ремонта. Общий размер убытков, причиненных Архангельску, составлял один миллиард золотых рублей («В краю северном». Архангельск, 1969, с.107).

В течение последующих двадцати лет многое было сделано для восстановления и развития городского хозяйства. Были построены новые лесопильные заводы и модернизированы старые. К середине 30-х годов появилось много заводов, возникли новые для этого края производства: целлюлозно-бумажное, канатное и кирпичное, мыловаренное, швейное, кожевенное, консервное. Было открыто шесть индустриальных техникумов, несколько десятков школ, публичная библиотека, областной музей, ряд научно-исследовательских институтов, театр. Был построен водопровод с насосной станцией. Теперь город простирался на 20 миль вверх и вниз по Северной Двине. Население города накануне нападения Гитлера на Советский Союз составляло 250 тысяч человек.

Около 100 тысяч жителей Архангельска погибли во время второй мировой войны в составе регулярных частей Советской Армии или в партизанских отрядах. Сооруженный в их память монумент — солдат, девушка-боец и партизан на фоне большого паруса, символизирующего «город у ворот Арктики», — является выдающимся образцом монументальной скульптуры. Но сама область не была оккупирована и не подверглась разрушению. По этой причине город не мог претендовать на выделение ему ресурсов на реконструкцию. Однако во время посещения города в 1977 году автор этих строк был поражен тем, как много было сделано. Большие пространства, прилегающие к городу, постепенно отвоевываются у вековых болот и застраиваются по самым современным градостроительным планам. Взору открываются красивые улицы и площади, свер-

кающие белизной многоквартирные дома, общественные здания красивой архитектуры. Снесено более половины старых деревянных домов. Если в 1936 году жилищный фонд составлял 22 тысячи квартир, то в 1977 году он вырос до 92 тысяч. Кроме того, с 1970 года в новых городских районах было введено центральное отопление, заменившее старые русские печи, загрязнявшие городской воздух копотью. Вдоль реки построена широкая гранитная набережная, она тянется параллельно бывшему Троицкому проспекту, ныне проспект Павлина Виноградова (названный в честь героя гражданской войны, бывшего заместителя председателя Архангельского губисполкома, создавшего и возглавившего в августе 1918 года Северо-Двинскую военную флотилию, которая сыграла важную роль в военных действиях против белогвардейцев и интервентов). Теперь в Архангельске 16 техникумов и 3 высших учебных заведения. Учебниками, изготовленными из бумаги архангельского производства, пользуются не менее одной трети школьников Советского Союза.

В день моего отъезда, в июле 1977 года, городская газета опубликовала два примечательных объявления. В одном сообщалось об открытии автоматической телефонной связи с Москвой и Ленинградом, а также с некоторыми другими городами, в том числе с Вологдой, Котласом и Мурманском, отстоящими на сотни миль от Архангельска. Другое объявление приглашало юношей и девушек поступить в профессионально-техническое училище № 29, где за три года обучения они получали среднее образование, а также специальность по выбору. Государство обеспечивает учащихся стипендией, а приезжим предоставляется общежитие.

Как новый Архангельск отличается от того, который знали адмирал Кемп и генерал Пуль!

3

Свержение царизма в Петрограде 27 февраля (12 марта) 1917 года на первых порах не внесло каких-либо существенных изменений в жизнь Архангельска. Для «умеренных» оппозиционных партий — меньшевиков и социалистов-революционеров (эсеров) условия в городе и в губернии были благоприятными. Большевиков насчитывалось всего около ста человек. На массовой демонстрации 14 марта был избран организационный

комитет по выборам в Совет, и в последующие два дня на всех предприятиях прошли выборы депутатов. 18 марта 273 депутата избрали Исполнительный комитет, в который входили шесть рабочих, три солдата и три матроса. Большинство в Совете составляли меньшевики и эсеры, убежденные в необходимости классового единства и продолжения войны до победы. 16 марта только что избранный Совет решил, что буржуазии Архангельска следует предложить создать собственные комитеты. Действительно, городская дума, избранная на основе почти средневековой избирательной системы, разрешенной царским правительством, в которой господствовали заводчики, купцы и крупные домовладельцы, приступила к выборам «временного комитета» по образцу правительства в Петрограде. Состав его был расширен за счет включения представителей военно-промышленных комитетов* и органов просвещения. Исполнительный комитет Архангельского совета немедленно после своего избрания опубликовал призыв к рабочим «не обострять отношений между рабочими и работодателями» посредством забастовок¹. Таким образом, в Архангельске, как и повсюду, существовало двоевластие.

Дневник Янга (весьма фрагментарный) первых месяцев пребывания в Архангельске очень хорошо отражает обстановку двоевластия: «Ни одного полицейского не видно на улицах города» (14 марта). «Сегодня около 11 часов по городу прошла большая процессия рабочих, они несли русский флаг (старый) и пели „Марсельезу“» (15 марта); заслушав телеграмму Временного правительства, собрание служащих «молча восприняло сложившуюся ситуацию» (в тот же день); «днем, в половине второго, — парадное шествие военно-морских экипажей с флагами направляется к собору» (16 марта); «полиция распущена» (18 марта); «солдатские патрули на перекрестках» (20 марта); «прибыли депутаты думы и комиссар» (21 марта); «День свободы. Большая демонстрация

---

* В годы первой мировой войны в России были созданы военно-промышленные комитеты — организации буржуазии, ставившие своей задачей распределение и выполнение заказов якобы для нужд обороны, а на самом деле в интересах монополий, крупных фабрикантов и заводчиков.

¹ Этот и другие интересные факты, характеризующие обстановку в Архангельске после февральской революции, приводятся в работе: Минц И. И. История Великого Октября. М., 1973, т. 3, с. 786, 803, 821. Призыв к рабочим не бастовать цитируется по книге: Мымрин Г. Е. Октябрь на Севере, с. 15.

на Соборной площади. Всеобщий праздник. Кемп и Проктор произносят речи» (23 марта) (Проктор был английским бизнесменом, занимавшимся торговлей сельдью в мирное время, во время войны он организовал экспорт пеньки в Англию). Из записей Янга можно заключить, что оба оратора убеждали своих слушателей продолжить войну до победного конца.

Временное правительство в Петрограде назначило городского голову своим комиссаром. 24 марта Янг записал: «Посетил городского голову и оставил визитные карточки для членов думской делегации». Одно событие, которое произошло 30 марта, по-видимому, вызвало его тревогу: «Матросы арестовали 25 морских офицеров, включая генерала Форселя и капитана Перко, и сегодня же ночью отправляют их в Петроград». Но эта мера, принятая, очевидно, в отношении тех офицеров, которые своим поведением вызвали особую ненависть матросов, была умеренной по сравнению с теми, какие применялись в эти дни к наиболее ненавистным офицерам в других местах.

В своих воспоминаниях Янг приводит еще один пример. Коммодор Кемп (как его теперь называли) и вице-консул, заместитель Янга, находились в Петрограде в дни февральской революции и через несколько дней отправились в Архангельск. «Вокзал в Петрограде был забит солдатами, бегущими в свои деревни. Желая устроиться в поезде поудобнее, коммодор, облаченный в форму, выдал себя за английского адмирала. Несмотря на это, им с трудом удалось влезть в вагон и занять два места в обычном купе. В коридоре было очень тесно, некоторые солдаты вскоре стали стучать в дверь и затем заглядывать в купе, что вызывало ярость вспыльчивого «адмирала». Когда солдатам, которые, возможно, не спали много ночей, стало невмоготу справляться с усталостью, они снова вспомнили о свободных местах в «адмиральском» купе; они настоятельно требовали впустить их. Раздражение «адмирала» начало расти, и тогда, чтобы избежать неприятностей, вице-консул кинулся в международный вагон и добился разрешения перейти туда. Вернувшись с добрыми вестями он увидел в купе странную картину. Двое или трое солдат сидели, в то время как «адмирал» стоял в дверях и беседовал с ними. Выяснилось, что солдаты были легко ранены во время беспорядков в Петрограде. Когда «адмирал» узнал об этом, его лучшие чувства взяли верх, и он впустил солдат в купе.

Они были явно смущены и чувствовали неловкость от того, что сидели в то время как английский «адмирал» стоял. Но «адмирал» был столь же деспотичен в проявлении своего великодушия, как и в ярости, и им ничего не оставалось делать, как уступить его требованиям. Во время остановки поезда англичане направились в станционный буфет пообедать. Узрев на прилавке бутерброды и другую снедь, «адмирал» тут же приказал вице-консулу «купить все оптом». После чего еда была распределена между изумленными русскими солдатами, которые могли воспринять это разве что как ниспосланное чудо...»

В воспоминаниях Янг описывает свое пребывание в Москве в период двоевластия. 1 мая он выехал в отпуск в Севастополь, где проживала семья его жены. В Москве домашней прислуге приходилось вставать в половине пятого утра и стоять в очереди, чтобы получить молоко и хлеб, в то время как их хозяева почивали в постели. Подав утренний завтрак, служанка вновь отправлялась на рынок, чтобы закупить провизию для обеда, и так на протяжении всего дня, что было довольно мучительно в летнюю пору. Еще тяжелее приходилось в сырую осень или весну, в жгучие зимние морозы. Преуспевающие иностранцы, проживая в лучших отелях и пользуясь особыми удобствами, не могли составить представление о том, как живут люди, не принадлежащие к зажиточному кругу. Обеспеченное меньшинство, однако, не испытывало угрызений совести, скупая продукты в количестве, значительно превышающем их нужды, как это выяснилось, когда революционные власти стали производить в квартирах обыски с целью изъятия излишков.

Янг, описав Россию лета 1917 года, отметил растущую дезорганизацию экономики, что он лояльно ставил в вину старому режиму, но не Временному правительству. Он очень живо воспроизводит интересный разговор, который у него состоялся в июле 1917 года с норвежским генеральным консулом в Архангельске, прожившим многие годы в стране (он сменил на этом посту своего отца). «Почему союзники не оставят в покое этих бедных русских?» — спросил он. Янг «привел шаблонные аргументы английской точки зрения о необходимости ведения войны до конца и т. п.» Норвежец ответил: «Но они больше не в состоянии вести войну». Тогда Янг спросил, как же следует поступить союзникам в этих условиях? «Предоставьте русских

самим себе,— был его ответ.— Скажите им: прощайте, дорогие люди! Мы понимаем ваши трудности, но у нас имеются свои собственные, и мы не можем больше околачиваться здесь. Покидаем вас ради своих важных дел. Но если мы когда-либо сможем быть вам полезны, дайте нам знать». Янг заключает: «Мои патриотические чувства были уязвлены, и все же в душе я соглашался с тем, что в словах норвежца есть доля истины».

Октябрьская революция в Петрограде не сразу изменила ситуацию в Архангельске. После того как мятеж генерала Корнилова против Временного правительства был подавлен, большевики в Архангельском совете 21 сентября 1917 года добились принятия резолюции, осуждающей сотрудничество с буржуазией¹. При этом они имели перевес в 66 голосов против 44. Но реальная власть в Архангельске и других городах губернии оставалась в руках местных органов, находившихся под контролем буржуазии, которая пользовалась полной поддержкой со стороны офицеров-монархистов. В деревнях господствовали эсеры. Городская дума и антибольшевистские группы в Архангельском совете создали некий «революционный комитет» и осудили Октябрьскую революцию. Об этом сообщила печать, которую контролировал «революционный комитет». Лишь после нескольких дней ожесточенных обсуждений Архангельский совет 17 ноября все-таки принял резолюцию, признающую власть Совета народных комиссаров в Петрограде. Однако и после перевыборов большинство в Совете все еще сохранялось за меньшевиками и эсерами. Выборы во Всероссийское Учредительное собрание в декабре вновь показали, что, хотя большевики располагали абсолютным большинством в рабочих районах Архангельска, в целом в городе и по всей губернии антибольшевистские партии получили подавляющее число голосов.

Жизнь в Архангельске продолжала идти по-старому. В мае 1918 года в город прибыла правительственная ревизионная комиссия в составе сорока человек. Ее сопровождал отряд из тридцати трех латышских стрелков. По словам М. С. Кедрова, старого большевика, возглавлявшего комиссию, «трудно было поверить, что власть в течение целых семи месяцев находилась в руках Советов». Функционировали учреждения времен монархии и Временного правительства, городское само-

---

¹ Мыррин Г. Е. Октябрь на Севере, с. 49.

управление, военно-промышленные комитеты, земские управы (представлявшие преимущественно мелкопоместное дворянство и кулачество). Власть в Архангельске фактически была в руках буржуазии, которая не сидела сложа руки, поскольку Архангельский совет существовал номинально и вся деятельность в городе осуществлялась под контролем эсеро-меньшевистского большинства вкуче с Городской думой. Со времен Керенского, как установила комиссия, там ничего не изменилось. Выплачивались деньги священникам за преподавание в школах закона божьего, выдавались деньги на содержание церковного причта и пособие на топливо; офицеры, продолжавшие проживать в городе, не имея на то разрешения, получали квартирные и т. д. Выплачивались проценты по царским займам—и все это в нарушение советских законов.

Не удивительно, что Янг в течение этих первых месяцев не ощущал, что произошли исторические перемены. В его весьма отрывочном дневнике сохранились записи того времени. «Революционный комитет взял в свои руки власть в Архангельске»,—пишет Янг. Мы уже знаем, что это не означало каких-либо существенных перемен в городе. 24 ноября Янг записал, что посетил председателя Архангельского совета для выяснения вопроса об охране британских граждан и их имущества. 28 ноября французский и американский консулы явились к нему, чтобы «обсудить обстановку». Два дня спустя: «Заходил Кемп, очень встревоженный. Хочет, чтобы я отправил В. и других женщин на родину». 2 декабря: «Три женщины уезжают, местная газета публикует сообщение об отъезде всех англичан». 5 декабря: «Проктор возвращается (из Петрограда)». 6 декабря: «Проктор прибыл в панике». Смысл этих записей становится ясным, когда мы читаем воспоминания Янга. Он пишет, что Кемп был одним из «страшных паникеров в союзных миссиях». «Кемп служил в Китае во время «боксерского восстания»*, и в силу своего поверхностного знакомства с Россией он судил о русском народе, очевидно, так же, как о китайских «боксерах». Его вечно преследовали кошмары вторжения в посольства и консульства». Сходную характеристику Проктора можно найти в документах британского

* Восстание крестьянской и городской бедноты в Северном Китае в 1899—1901 годах. Являлось высшим этапом в стихийной борьбе китайского народа против империалистического проникновения в страну.

министерства иностранных дел. Близким другом Проктора был один коммерсант, который благодаря знанию русского языка и деловой сноровке «стал прямо-таки оракулом в британских военно-морских миссиях в вопросах русской действительности, совершенно ему незнакомой». После февральской революции Проктор стал «опаснейшим паникером», которому повсюду мерещились убийства. После того как «герои в серых шинелях» отказались продолжать сражаться на условиях союзников, он еще более озлобился. Октябрьская революция, естественно, усилила его тревожные настроения. «Он трепал нам нервы, отрывал от важных и срочных дел, предсказывая неминуемую гибель, и, уж конечно, его не нужно было уговаривать последовать за союзными миссиями в более спокойные края».

Ирония, с которой Янг описывает этих людей, становится понятной, если прочесть, что он писал год спустя в газете «Таймс» (6 января 1919 года), обращаясь все к тому же Кемпу, ставшему вице-адмиралом. «Что касается британских резидентов в Архангельске, то я могу со всей ответственностью заявить: их не только не притесняли, но им были предоставлены привилегии и льготы, на которые они не могли и рассчитывать! Я уверен в том, что, если бы они имели возможность высказать свое мнение, они горько жаловались бы не на большевиков, а на дипломатических представителей союзных стран за то, что они бежали под прикрытие пушек, предоставив английским мужчинам, женщинам и детям самим искать спасения от надвигающихся волн интервенции» (сам Кемп бежал с союзной миссией 17 декабря 1917 года). Янг продолжает: «Все мы жили месяцами в страхе, боясь массовых насилиев по подстрекательству немцев, но меня не страшала возможность произвола по наущению или с одобрения ответственных советских властей. Я рад представившемуся случаю заявить, что советские представители всегда были отзывчивы и относились с вниманием к нашим обоснованным требованиям в отличие от невежливых и чванливых чиновников Российской империи».

Это свидетельство является тем более впечатляющим, что Янг лично наблюдал, как политическая обстановка в Архангельске после первых недель, описанных выше, постепенно стабилизировалась по мере упрочения завоеваний Октября. 22 декабря 1917 года были закрыты две местные газеты за постоянную антисоветскую агитацию. В январе съезд матросских

депутатов потребовал закрытия всех буржуазных газет. Был направлен отряд вооруженных матросов к военно-морской пристани в Бакарице, возле Архангельска. арестовано 300 офицеров, поставлена охрана возле складов оружия и боеприпасов. 31 января 1918 года Архангельский городской совет после нескольких дней обсуждения переизбрал Исполнительный комитет, в котором большевикам лишь немного не хватило до большинства. Совет закрыл эсеровскую газету и распустил «революционные комитеты». В соответствии с Декретом о земле, принятом II Всероссийским съездом Советов 8 ноября 1917 года, в руки крестьянства Архангельской губернии перешло около 80 тысяч гектаров земли. В результате оно стало отходить от эсеров. 17 февраля 1918 года местный съезд крестьянских депутатов объединился с местными съездами рабочих и солдатских депутатов. Объединенный съезд провозгласил полную поддержку Советского правительства, избрал Исполнительный комитет в составе 21 депутата от большевиков и левых эсеров, 9 правых эсеров и 3 меньшевиков. Он принял также решение сформировать отряды для только что созданной Красной Армии и послать голодающему Петрограду 10 вагонов пшеницы и 100 бочек рыбы. Учитывая угрозу германского наступления ввиду срыва мирных переговоров в Брест-Литовске, было принято решение (21 февраля) послать в Петроград 210 тысяч винтовок со складов в Бакарице¹.

4

Все события тех дней ни в коей мере не отразились на скрупулезном исполнении Янгом своих обязанностей в качестве старшего и фактически единственного официального представителя британского правительства в Архангельске. Сохранившаяся переписка Янга с министерством иностранных дел не оставляет в этом никаких сомнений. Письма свидетельствуют о том, что в тот период Янг был настроен антибольшевистски.

Он сообщает 5 января 1918 года, что Сомов, губернатор Архангельской губернии, назначенный Керенским и все еще находившийся у власти, выразил готовность передать союзникам запасы на военных

---

¹ Мымрин Г. Е. Октябрь на Севере, с. 69—81.

складах в обмен на продукты питания и другие предметы первой необходимости. Сомов не намеревался согласовывать этот вопрос с Советским правительством в Петрограде, а хотел обсудить его на тайном совещании с английским, французским и американским военными представителями в Архангельске.

На следующий день Янг сообщил, что по инициативе Сомова в Архангельске открылось совещание представителей восьми крупных губерний (Архангельской, Вологодской, Олонецкой, Вятской, Пермской, Новгородской, Ярославской, Костромской), которые занимали антибольшевистские позиции. По заявлению Сомова, совещание было созвано для обсуждения экономических проблем, разрешить которые «центральное правительство беспомощно». В действительности, однако, на совещании стоял вопрос «об автономии», то есть, говоря начистоту, о мятеже против Советского правительства. По мнению Янга, для осуществления этого плана не было вооруженных сил. Однако организаторы предложили выход—создать собственные вооруженные силы под видом охраны складов. Янг отметил в своем сообщении, что стремление к сближению с Великобританией очень важно как средство противодействия германскому проникновению. По его мнению, можно организовать поставку сырья из России: лесоматериалов, пеньки, фуражного зерна—и открыть рынок для английских промышленных товаров. «Вопрос об английской помощи не ставится прямо, но она будет принята, если ее предложат»,—добавляет он. Министрство иностранных дел, естественно, дало ему указание поддерживать связь с делегатами совещания и сообщать о развитии событий: «Вы должны использовать подходящую возможность, чтобы дать понять, что правительство Его Величества сочувствует их настроениям и могло бы, в случае надобности, оказать финансовую помощь».

Однако 15 января Янг вынужден был сообщить, что делегаты совещания боятся спровоцировать гражданскую войну и что «идея отделения не получила поддержки за пределами Архангельска». Хотя собравшиеся являлись «разумными социалистами», в большинстве своем симпатизирующими союзникам, они были проникнуты глубокими «антикапиталистическими настроениями» и полагали, что получение от Великобритании финансовой помощи или концессии «вызовет сильные подозрения и в настоящее время нежелательно». Янг

считал, что для психологического состояния подавляющего большинства населения были характерны «усталость от войны и постоянное чувство голода». По мнению Янга, люди были готовы на все ради «мира и удовлетворения самых неотложных нужд». Он советовал британскому правительству принять это во внимание. Касаясь общей обстановки в Архангельске, он писал, что, хотя «революционный комитет», которому подчинен Сомов, по-видимому, состоит из «разумных людей», считающихся с законами центрального правительства лишь в той мере, в какой это целесообразно, большевистские элементы—главным образом солдаты и матросы—«представляют собой потенциальную опасность, поскольку им подчинены реальные силы». Политика Англии на севере России, имеющая шансы на успех,—это политика удовлетворения «первостепенных нужд», под которыми Янг подразумевал снабжение продовольствием. Поэтому он рекомендовал: 1) в виде помощи послать при первой возможности правительственное судно с продовольствием на условиях девятимесячного кредита, 2) предоставить «лидерам антибольшевистского движения» в течение года значительное количество продуктов питания и промышленных товаров, *даже если Россия заключит сепаратный мир*, при условии, что никакие виды сырья с этой территории не будут переданы Германии.

Однако английское правительство в ответ на предложение Янга ничего не предприняло. У него, как мы увидим дальше, были свои планы. Янг, очевидно, заблуждался как в отношении намерений своего начальства, так и в отношении возможностей «разумных людей», пытавшихся создать в Архангельске антибольшевистское движение. 28 января Янг вынужден был информировать министерство иностранных дел о том, что положение губернатора и «умеренного революционного комитета» стало весьма шатким. Из Петрограда прибыло три тысячи красногвардейцев, и матросский комитет потребовал «передать всю власть комиссарам», как в Петрограде. 8 февраля Янг сообщил о переменах в Архангельском совете и в новом Исполнительном комитете, добавив, что «умеренные», возглавляемые губернатором, значительно преуспели в продвижении своих людей в Исполком и все еще в состоянии оказывать сдерживающее влияние. По мнению Янга, следовало опасаться усиления контроля со стороны большевиков, поскольку Петроград оказывал финансо-

вую помощь местным Советам. Губернатор «откровенно признался мне, что надо как-то продержаться до открытия навигации, когда он будет счастлив приветствовать британскую интервенцию». Нетерпеливое ожидание интервентов нарастало «не только в буржуазных кругах, но и среди интеллигенции, настроенной против Советской власти». Однако 10 февраля он известил министерство иностранных дел о том, что по решению центрального правительства архангельский губернатор (и он же главнокомандующий войсками) Сомов получил отставку — событие, «давно уже назревшее». Архангельск, писал он, определенно следует «признать большевистским, поскольку теперь партия большевиков имеет перевес в два или три голоса в Исполнительном комитете, состоящем из 25 человек». Тем не менее он все еще надеялся на сохранение какого-то равновесия сил до наступления весны¹. (В местных Советах Архангельской губернии большевики лишь в июне 1918 года обеспечили себе стабильное большинство).

22 февраля министерство иностранных дел «ввиду изменившейся ситуации в России» (подразумевая германское наступление в Северо-Западной России из-за срыва по вине Троцкого брест-литовских мирных переговоров) вернулось к обсуждению с Янгом предложения, выдвинутого первоначально Сомовым, о том, чтобы в обмен на продовольствие заполучить военное снаряжение, находящееся в руках Советов. Это снаряжение было закуплено царским правительством в кредит с условием уплатить за него после войны. Британское правительство имело следующую точку зрения: раз это снаряжение не оплачено до сих пор, то оно остается собственностью союзников. В качестве мнимой причины такого решения было выдвинуто опасение захвата снаряжения немцами. В действительности германские армии находились в сотнях миль от Архангельска. Опубликованные позже документы (как мы увидим ниже) свидетельствуют о том, что у союзников были иные причины для тревог: снаряжение стало собственностью Советской России.

Среди архивных документов есть телеграмма министерства иностранных дел, в которой говорится, что британское правительство было готово немедленно направить три судна с продовольствием (кофе, соль,

---

¹ Четыре телеграммы, цитированные здесь, находятся в архивах министерства иностранных дел: F. O. 371, vol. 3305.

исландская сельдь, рис) в Мурманск. Этим судам надлежало стоять в Мурманске до прибытия туда четырех судов, находящихся в Архангельске с военными грузами. Такая челночная операция должна была продолжаться до тех пор, пока из Мурманска не перевезут все продовольственные товары. При этом британские власти хотели бы «по возможности» не привлекать к переговорам центральное правительство в Петрограде и поручили Янгу убедить местные власти в Архангельске «вести переговоры независимо». В своем ответе от 25 февраля Янг указал на практические трудности осуществления этого плана до открытия весенней навигации. Он запрашивал весьма многозначительно: «Следует ли приводить юридические доводы в случае, если советскими властями будет высказано пожелание (как я это предвижу) оставить снаряжение для нужд русской промышленности?» Этот вопрос столь же многозначительно был оставлен без ответа. С этого момента отношения Янга с Лондоном становятся все более напряженными.

О настроении начальства Янга в тот период можно судить по комментариям, оставленным на его телеграмме от 27 февраля о посылке 210 000 винтовок в Петроград. Советское правительство призывало дать отпор любому дальнейшему наступлению немцев, а только что созданная Красная Армия добилась существенного успеха под Псковом 23 февраля. Однако одно должностное лицо на телеграмме Янга, хранящейся ныне в архиве министерства иностранных дел, оставило запись: «Винтовки, вероятно, попадут в руки врага, как и все остальное, что мы посылаем в Россию». А вот запись другого чиновника: «Во всяком случае, винтовки предназначены для использования против врага». Его начальник написал: «Не знаю, какие имеются основания для подобных радужных взглядов». Лорд Гардинг, заместитель министра иностранных дел, и министр иностранных дел Бальфур поставили свои инициалы на телеграмме и не сделали никаких комментариев¹.

4 марта 1918 года Янг послал официальную ноту советским властям в Архангельск, извещая их, что «британское правительство считает военное снаряжение, находящееся в Архангельске, собственностью союзников, а не России» и не признает законность декрета Советского правительства, аннулирующего ино-

---

¹ F.O. 371, vol. 3305, p. 188.

странные долги. Однако в телеграмме министерству иностранных дел от 12 марта Янг утверждал, что 1) военное снаряжение не может быть вывезено морем, по крайней мере в течение еще шести недель; 2) в планы советских властей в Архангельске входило решить в первую очередь вопросы о сельскохозяйственной технике и товарах для населения, а затем уже вопрос о военном снаряжении; 3) любая попытка оказать давление на местный Совет теперь послужит во вред, а не на пользу британским интересам.

Тем не менее британские власти начали оказывать то самое давление, против которого так возражал Янг. В пространной телеграмме из министерства иностранных дел в Архангельск выражались опасения, что задолго до открытия навигации наиболее ценное снаряжение «может попасть в руки немцев» (в телеграмме не сообщалось, откуда это стало известно).

Янгу дали указание довести до сведения населения Архангельска прокламацию. В ней говорилось: 1) британское и американское правительства уже собрали и отправили значительное количество продовольствия, одежды и других предметов первой необходимости; 2) им стало известно, что ценное военное снаряжение, «принадлежащее союзникам», вывозится из Архангельска «и, по всей вероятности, попадет в руки противника»; 3) если население Архангельска будет оказывать помощь союзникам теперь или в будущем, «оно не должно предпринимать шаги, вредные для нас и полезные для противника». Янгу надлежало проинформировать министерство иностранных дел о реакции жителей Архангельска на подобное заявление. Далее ему было сообщено, что два судна, груженых продовольствием, будут посланы в Мурманск и затем направятся далее, в Архангельск, «под охраной вооруженного ледокола «Александр» и в сопровождении, если позволят обстоятельства, британского крейсера». Британское правительство не собирается применять силу, но присутствие «необходимых вооруженных сил», сопровождающих судно с продовольствием в Архангельск, явится «надежным аргументом» для прекращения вывоза военного снаряжения. Кроме того, на борту «Александра» будет 20 военнослужащих инженерных войск «на случай, если возникнет необходимость уничтожения складов или железнодорожного пути при чрезвычайных обстоятельствах»¹. Этот грозный план не поколебал Янга.

¹ Ф.О. 371, 3305, р. 253—255.

Он ответил (20 марта), что считает опубликование прокламации «нежелательным и нецелесообразным», поскольку она может насторожить население. Жители Архангельска, по мнению Янга, не могут решать вопрос, «выходящий за рамки местных интересов, без согласия центрального правительства». Эта прокламация, вероятно, заставит Советскую правительственную комиссию в Архангельске уничтожить запасы, если они не будут заблаговременно вывезены. Ввиду всего этого он не опубликует предложенную прокламацию, за что понесет полную ответственность. Кроме того, сам факт появления военного конвоя, сопровождающего корабли с продовольствием, также может привести к уничтожению складов или «комиссией», или же «германскими агентами». Что касается посылки ледокола, даже вооруженного, то этого недостаточно, чтобы серьезно рассчитывать на успех «в зимних метеорологических условиях, учитывая большое расстояние, которое придется преодолеть по реке, и необходимость обеспечения достаточной охраны запасов вплоть до их вывоза»¹.

На этой телеграмме имеется весьма примечательный комментарий ответственного чиновника министерства иностранных дел. Он пишет, что предложение министерства было сделано не на основе информации, полученной от Янга, а исходя из «несколько панических донесений ведомства по борьбе с поставками противника». Чиновники министерства иностранных дел, включая самого Бальфура, согласились с Янгом и ответили, что он может отложить публикацию прокламации. Этот успех явно воодушевил консула. Он подготовил неофициальное обращение к населению Архангельска, в котором не содержалось угроз, подчеркивались продовольственные трудности, испытываемые самой Англией, и сообщалось о посылке двух судов с продовольствием, нуждающихся в сопровождении русских ледоколов, «в качестве выражения доброй воли в отношении населения Архангельска и сочувствия его трудному положению, вызванному нехваткой продовольствия». Он намеревался также распространить через местные почтовые конторы анонимное заявление в том же духе и стремился заручиться одобрением министерства иностранных дел (30 марта 1918 года)².

---

¹ Ibid., p. 275—277.

² F.O. 371, vol. 3305, p. 316—317.

Вновь разрешение было дано. Вся эта история с прокламациями выявила резкий контраст между упорством Лондона, одержимого навязчивой идеей «ничего не спускать большевикам» (не говоря о полном незнании ни политической ситуации, ни природно-географических условий в Архангельске), и осторожным, мотивированным подходом Янга, лояльного, все еще настроенного антибольшевистски, как и его руководство, но хорошо понимающего, что с настроениями русских нельзя не считаться.

Успех, очевидно, поощрил его предпринять новые энергичные усилия для создания более делового климата англо-советских отношений. 8 апреля 1918 года он направил депешу в Лондон. Вот ее текст¹:

«Две недели назад сюда прибыли экипажи русских судов, реквизированных Соединенным Королевством. Моряки распространяют слухи, неблагоприятные для британских властей. Суть жалоб касается не столько самого факта реквизиции, сколько той преднамеренно оскорбительной для их национальных чувств формы, в которой она была осуществлена. Члены экипажа утверждают, помимо прочего, будто их заставили покинуть суда без своевременного предупреждения, так, что они не успели захватить все свои пожитки, что русский флаг был специально заменен британским на их глазах и что они уходили под вооруженным конвоем и практически содержались как арестанты вплоть до отправки. Высказывания прибывших в Архангельск моряков публикуются в прессе. Они, по-видимому, правдивы. Действия британских властей вызвали удивление и сожаление даже в кругах, дружественных нам. По моему мнению, как бы ни была необходима и оправданна в принципе эта реквизиция, она крайне несвоевременна в свете наших слабых позиций в вопросе военного снаряжения. Если она была проведена в той неуклюжей и бестактной форме, как здесь утверждают, без преувеличения можно сказать, что это лучший способ противодействия моим усилиям посеять в демократических кругах дружественные чувства по отношению к Англии. Сейчас неофициально сообщается, что три русских судна, отправившихся отсюда в феврале прошлого года, также реквизированы. Я принимал деятельное участие в обеспечении отправки этих судов совместно с дружественными местными властями»

---

¹ F.O. 371, vol. 3320, p. 140—141.

ми, действуя с ними в добром согласии. Если эти суда теперь реквизированы, то я как представитель правительства Его Величества могу быть заподозрен в вероломстве, а местные власти, помогавшие мне, будут опасно скомпрометированы в глазах большевиков и могут быть предметом мести экипажей, когда они вернутся в Архангельск».

Этот разумный документ вызвал мрачный комментарий со стороны другого официального лица, М. М. Начбулл-Хьюссена: «Большинство тех, кто предпочитает возвратиться в Россию,—большевики, это само по себе объясняет многое». Тем не менее он требовал предпринять все возможное, чтобы избежать неприятностей, и Янгу было письменно сообщено, что министерство иностранных дел изучает жалобы.

Усиление враждебности Британии по отношению к Советской России вызывало у Янга тревогу, хотя в то время он приписывал это скорее бюрократизму, чем политическим предубеждениям. 17 апреля он запрашивал, как следует оформлять визы на въезд в Англию, русским, а также иностранцам, возможно эмигрирующим из Советской России. Он предложил, чтобы британские подданные, прибывающие в Архангельск из различных частей России, допускались сразу же на борт судов, поскольку город был перенаселен и им негде даже остановиться (число граждан из стран-союзниц, желавших уехать, составляло, по подсчетам Янга, 1200—1400 человек).

Ответ, который он получил, гласил: русским поданным визы выдавать не следует, а для остальных пока не имеется транспортных средств¹. В мае и июне он вел переписку с министерством иностранных дел относительно пятиста шахтеров-прибалтов, привезенных из Ланкашира осенью 1917 года и направленных в Омск. Теперь их вернули в Архангельск, они не имели работы, и стоял вопрос об их отправке на родину, оккупированную немцами. Янг был против этого и добился разрешения оставить их в Архангельске².

18 июня Янг сообщил, что Центральный комитет по делам еврейских беженцев настоятельно требует решения вопроса о судьбе большого числа семейств, ожидающих репатриации из Англии вслед за их кормильцами,

---

¹ F.O. 371, vol. 3297, телеграмма министерства иностранных дел от 8 мая 1918 года.

² F.O. 371, vol. 3307, телеграмма Янга от 6 и 29 мая 1918 года.

которым разрешили вернуться в Россию в 1917 году. Янг просил известить его, как обстоит дело с отправкой этих лиц, чтобы комитет мог принять меры по их устройству. Ему сообщили (2 июня), что 192 женщины с детьми были в апреле репатрированы в Мурманск, но в настоящее время этот процесс «временно приостановлен». Причина не сообщалась, хотя вскоре все выяснилось. В делах содержится меморандум (от 3 июля) местного правительственного совета, в котором говорится, что 1570 русских женщин и 3250 русских детей получают в настоящее время государственную помощь и что их репатриация «желательна»¹.

5

Лондон с особенной настойчивостью продолжал мушкетировать вопрос об обмене продовольствия на военное снаряжение. Одновременно он ищет возможность убедить архангельские власти порвать с Москвой. Сначала Янг (12 апреля) повторил свои прежние предостережения — не давать «предлога для обвинений в том, что мы открыто настраиваем местные власти против центрального правительства. Даже среди наших друзей существует твердое мнение, что требование вернуть все вывезенное из Англии — металлы, станки, в которых крайне нуждается промышленность России, — было бы несправедливо и что в этом вопросе мы должны пойти на компромисс». Очевидно, чувствуя, что британский комитет по снабжению, возглавляемый генералом Пулем, вынашивает свои планы, Янг добавил: «Было бы весьма полезно, если бы вы могли сообщить мне конфиденциально, что далее намерено предпринять правительство Его Величества в вопросе об охране военного снаряжения на складах»².

15 апреля, докладывая, что Исполком Архангельского совета возражает против возврата каких-либо военных запасов «на том основании, что они нужны русской промышленности и революционной армии и что наши враги не могут завладеть ими», Янг добавил многозначительный параграф: «Они дали также понять, что любая акция с нашей стороны в духе недавних событий на Дальнем Востоке нежелательна» — явное (и

¹ F. O. 371, vol. 3303.

² F. O. 371, vol. 3305, p. 398—399.

первое) предупреждение, что насильственное вторжение, подобное предпринятому десять дней назад во Владивостоке, встретит сопротивление.

«Я склонен верить в искренность намерений советских властей,—поясняет он,—сохранить военные запасы для России, а не для Германии. В то же время недавняя отправка грузов (вызванная, несомненно, непреднамеренной утечкой информации о нашей глубокой заинтересованности в них) свидетельствует о том, что их не просто спасали от наводнения. Советские власти не хотели, чтобы эти грузы попали в наши руки. Выбор же в качестве места выгрузки территории неподалеку от Вологды, которая имеет железнодорожные и водные коммуникации во всех направлениях, весьма удачен, поскольку теперь грузы не могут быть захвачены ни нами, ни немцами».

Янг далее напоминает своему руководству, что недавние перемены в местном административном аппарате «усилили контроль большевиков и соответственно ослабили влияние дружественных нам властей». (Следует вспомнить, что выборы в Архангельский совет увеличили представительство большевиков и ослабили эсеров.) В то же время он был уверен в том, что, если воздействовать на Архангельский совет, он «пойдет на некоторое сближение с нами». Но «если мы применим силу, то это принесет нам кратковременный успех, вместе с тем мы лишимся значительно больших выгод экономического характера». Решение всех этих вопросов уже серьезно задерживается в связи с конфликтом из-за военных грузов. Поэтому, учитывая предложения советской стороны, он призывал британское правительство пойти на компромисс: «Наш престиж не пострадает, поскольку наши условия не были преданы гласности (имеется в виду инструкция министерства иностранных дел относительно публикации обращения к жителям)»¹.

Развивая дальше свою идею, Янг сообщил (18 апреля), что Архангельский совет, «используя свое влияние на центральную власть, предлагает срочно прийти к соглашению с нами по вопросу о военных запасах».

Он явно боится активного вмешательства с нашей стороны и стремится избежать его любой ценой». Янг еще раз повторяет, что вопрос посылки судов с

---

¹ F.O. 371, vol. 3305, p. 390—392.

продовольствием с целью вернуть военные запасы «потерял свою актуальность»¹.

К 29 апреля обстановка обострилась по другим причинам. Председатель Архангельского губернского Исполкома (эсер) сообщил ему конфиденциально, что, если Москва не согласится на лондонские условия относительно возврата военных грузов, его комитет готов сам удовлетворить эти требования и даже провозгласить «независимость» на условиях, изложенных им в январе. Однако Янг, по-видимому, вовсе не был уверен в том, что его осведомитель располагает необходимыми для этого силами, и запрашивал Лондон о возможности заверить население Архангельска, что «правительство Его Величества не имеет намерений совершать агрессию или оккупировать русскую территорию... с тем, чтобы укрепить позицию проанглийского большинства»².

Ответ министерства иностранных дел был осторожным и двусмысленным (4 мая). Британский командующий в Мурманске (где к этому времени находилось 14 тысяч английских, французских и других союзных войск, а местный Совет открыто объявил о своем неповиновении Советскому правительству) 25 апреля по указанию Лондона публично заявил, что его правительство не имеет «и никогда не имело никаких аннексионистских целей в какой-либо части России. Не преследует оно этих целей ни в отношении Архангельска, ни в отношении Мурманска». Янг получил возможность «повторить это в Архангельске». Янг так и поступил, составив письмо городскому Совету, которое было опубликовано в местной прессе. Но в послании, которое ему было поручено передать, говорилось об аннексии и ничего — об оккупации. Янгу сообщалось, что британское правительство, продолжая политику невмешательства во внутренние дела России, на деле готово оказать помощь «в целях поддержания порядка», если силы, находящиеся в распоряжении местных властей, которые Лондон рассматривал в качестве «законно учрежденного местного органа власти в данном округе», окажутся недостаточными. Были уже сделаны приготовления для посылки в Архангельск военного корабля «Аттендив», куда он должен был прибыть в конце мая³.

---

¹ Ibid., p. 401—402.

² F.O. 371, vol. 3305, p. 428—429.

³ F.O. 371, vol. 3305, p. 432.

Янг не был столь наивным, чтобы не расценить это послание как новое поощрение склонить Архангельский губернский Исполком к провозглашению своей независимости от советских властей в центре России и стать под защиту британских вооруженных сил, которые, не прибегая к «оккупации» Архангельска, готовы помочь в «поддержании там порядка»!

Едкую оценку всей этой переписки можно найти в неопубликованных воспоминаниях консула. «Большевики, естественно, эвакуировали военные запасы из Архангельска. Почти все, что имело какую-то ценность, было вывезено за несколько недель до оккупации (2 августа). Объяснение действительных причин этой эвакуации, которая была ускорена угрозой интервенции, так и не дошло до сознания британских властей, полностью поглощенных поисками «тайной руки Германии». Британские власти, по-видимому, так и не поняли того, что если они сделали поспешный вывод о намерениях большевиков передать запасы немцам, то и большевики в свою очередь, по крайней мере с большими основаниями, пришли к выводу о стремлении союзников использовать военные запасы (как и получилось с их остатками) для военных действий против большевиков. Это поняли все непредубежденные люди, когда стало известно место выгрузки части запасов. Они были выгружены там, куда прибыли дипломаты союзных держав,— в Вологде¹. Именно Вологда была, как казалось, наиболее безопасным местом».

В действительности 14 мая полковнику Раймонду Робинсу, отправлявшемуся из Москвы в США, был вручен «предварительный план» экономических отношений с Америкой, в котором гарантировалось, что военные материалы, доставленные в Россию из Англии и США, не будут проданы Германии².

К этому времени Советское правительство располагало фактами о начале интервенции и оккупации советской территории в разных частях страны. Об этом стало известно и Янгу.

Один из таких фактов— оккупация 5 апреля 1918 года японскими сухопутными и военно-морскими силами Владивостока. Акт, который мог быть совершен при открытом содействии или молчаливом согласии англий-

---

¹ В конце февраля 1918 года.

² Цит по: Kennan G. F. The Decision to Intervene. L., 1958, p. 219.

ского и французского правительств. Министры Англии одобрили эту оккупацию многими неделями раньше и оказывали давление на Соединенные Штаты, чтобы и они дали на нее свое согласие. Об этом свидетельствуют многочисленные документы министерства иностранных дел.

Вторым, столь же общеизвестным фактом являлись действия в Восточной Сибири белоказацкой банды Семенова при открытой японской и несколько завуалированной англо-французской поддержке оружием и снаряжением.

Третьим фактом, о котором уже упоминалось, была деятельность англичан и французов в Мурманске. Там с 1916 года находилась небольшая военно-морская миссия. Высадка в марте 1918 года новых войсковых частей и прибытие военных кораблей союзников были объяснены якобы необходимостью отразить возможное наступление немцев из Финляндии. Такое объяснение вполне удовлетворило местный большевистский Совет. Затем началась настоящая оккупация, санкционированная специально созданным для этого региональным Советом при открытом одобрении и тайной предварительной договоренности союзных военных представителей в Мурманске¹.

Некоторые события в самом Архангельске красноречиво свидетельствовали о скором начале интервенции. Так, Янг обнаружил, что человек, прибывший из Петрограда с британским паспортом на имя капитана Томсона, члена британской военно-морской миссии (паспорт был выдан британским консулом в Петрограде), в действительности русский офицер, капитан Чаплин, который не стал скрывать от Янга, что его миссия состояла в организации белогвардейского восстания в Архангельске, приуроченного к высадке союзников. В конце мая Янг узнал также, что один из сотрудников генерала Пуля в Мурманске направлен в Петроград, чтобы ознакомиться у капитана Кроми, исполняющего обязанности военно-морского атташе, с подробностями, касающимися контрреволюционной организации; он прибыл в Архангельск с фиктивным назначением на должность «британского консульского служащего», ему

---

¹ Гласная сторона этих событий освещалась с середины февраля в мурманской прессе, распространявшейся и в Архангельске. О тайных замыслах британских властей см.: Kennan G. F. Op. cit., p. 114—117.

предстояло вскоре связаться с Чаплиным. От самого Пуля Янг получил задание (вскоре после прибытия генерала в Мурманск, 24 мая) подыскать в Архангельске жилье для 600 офицеров и гражданских лиц, «не вызывая ненужных подозрений». Подобное задание, если учесть, что Архангельск был не очень большим городом, «заставляло предположить, что генерал либо врожденный идиот, либо имеет ложное представление о русских, как о дураках». Генерал действительно искренне верил в то, «что он может сойти на берег в Архангельске со своими доблестными шестью сотнями, игнорируя советские власти, и приступить к формированию и обучению антигерманской русской армии»¹.

В самом Архангельске, делает запись Янг, «конспираторы-дилетанты проявляли поразительную неосторожность, крича на всех перекрестках о надвигающихся событиях».

Здесь следует кратко сказать о том, что же действительно «надвигалось» не только на Архангельск, но и на всю Россию—об этом Янгу в ту пору мало что было известно.

Это тем более важно, что в течение многих лет историю вторжения Англии, Франции, Японии и Соединенных Штатов в Советскую Россию—событие, о котором, как это ни парадоксально, целое поколение молодежи на Западе вообще не знает,—писали заклятые враги Советского Союза, использовавшие документы из архивов Соединенных Штатов. Эти документы свидетельствовали о том, как западные державы постепенно втягивали США в интервенцию. Американские историки, а вслед за ними и другие буржуазные исследователи оправдывали, а то и восхваляли интервенцию. Правительство Великобритании выступило за стрельщиком нападения на Советскую Россию, однако в результате усилий западных историков этот неопровержимый факт отошел на задний план.

Редкое и прекрасное исключение составляет вышедший в свет в 1975 году четвертый том биографии Уинстона Черчилля, написанной г-ном Мартином Джильбертом. Выдержки из записок Черчилля, сэра Генри Вильсона (в то время начальника имперского генерального штаба), сэра Дугласа Хейга (тогдашнего британского главнокомандующего) и в особенности

---

¹ Все эти цитаты взяты из неопубликованных воспоминаний Янга.

документов британского военного кабинета, приведенные в работе Джильберта, показывают во всех подробностях, с какой яростью пытались сначала все британское правительство, а затем Черчилль и Вильсон с некоторыми своими последователями рангом ниже задушить первое в мире социалистическое государство даже тогда, когда премьер-министр Ллойд Джордж и министр финансов Остин Чемберлен начали утрачивать свой энтузиазм. Я не хочу этим сказать, что г-н Джильберт был доброжелательно настроен по отношению к Советской России или что он был беспристрастен, но он по крайней мере был откровенен.

В последующей главе мы рассмотрим документы того департамента, который непосредственно планировал нападение и с которым Янг вынужден был бороться. Таким образом, ответственность за вторжение 1918—1920 годов будет возложена на истинных виновников.

ЧАСТЬ II

6

По предложению А. Дж. Бальфура военный кабинет принял 21 декабря 1917 года следующий меморандум, подготовленный министерством иностранных дел для представления французскому правительству:

«В Петрограде союзники должны немедленно вступить в контакт с большевиками через посредство неофициальных агентов. Каждая из союзных стран при этом должна поступить так, как считает нужным.

Мы намерены дать сэру Джорджу Бьюкенену отпуск по состоянию здоровья и сохранить в Петрограде поверенного в делах. Мы не предлагаем союзникам следовать нашему примеру. Продолжительное пребывание Бьюкенена в Петрограде раз и навсегда связало его в представлении большевиков с политикой кадетов, и в их глазах он занимает место, сходное с тем, которое занимает, скажем, г-н Милюков.

Мы должны показать большевикам, что не желаем вмешиваться во внутренние дела России и что было бы глубокой ошибкой думать, что мы содействуем контрреволюции. Подобная политика могла бы привлечь самодержавные правительства Германии и Австрии, но не западные демократии или Америку. Но мы считаем необходимым поддерживать связь с Украиной, Финляндией, Сибирью, Кавказом и т. д., так как эти полуавтономные области представляют значительную часть Российской державы. В частности, мы считаем нужным установить дружественные отношения с Украиной, так как от Украины зависит снабжение румынской армии, с которой мы связаны обязательствами.

Что касается вопроса об участии в войне, то мы должны избегать всяких выражений или действий, которые могут быть интерпретированы как согласие на предательство русских, начавших переговоры с нашими врагами. Но мы должны неоднократно повторять о нашей готовности согласиться с принципами самоопределения народов и при этом условии с принципом

отказа от аннексий и контрибуций. Мы должны обратить внимание большевиков на то, что для них важно не доверяться пустым обещаниям Германии, и указать большевикам, что, если они не получат от Германии определенных обязательств в отношении Польши, Чехии, румынских частей Трансильвании, не говоря уже об Эльзас-Лотарингии и Трентино, они ничего не добьются. Между тем силы сопротивления большевиков тают, и вскоре они окажутся, если уже не оказались, в полной зависимости от германского императора, который тогда посмеется над всеми великолепными фразами большевиков и принудит их к принятию тех условий, которые он сам поставит! Большевикам нужно сказать, что, по-видимому, уже поздно пытаться спасти старые армейские кадры. Но артиллерию следует сохранить, и, во всяком случае, следует воспрепятствовать тому, чтобы она попала в руки наших врагов, которые используют ее против западной демократии. Важнее всего было бы со стороны большевиков воспрепятствовать, если возможно, тому, чтобы хлебопроизводящие области России, и в частности Украина, подпали под влияние или контроль центральных держав. Это еще одна причина того, почему мы должны укрепить положение украинцев и почему мы должны побудить большевиков к тому, чтобы они не пытались силой преодолеть сопротивление украинцев, а, напротив, наладить с ними тесное сотрудничество.

На юге России нашей главной задачей должно быть, насколько возможно, спасение Румынии*. Далее мы должны стремиться к тому, чтобы воспрепятствовать поступлению русского продовольствия в Германию.

Наконец, мы должны, если возможно, защитить оставшихся армян** не только для того, чтобы обеспечить тыл наших месопотамских войск со стороны Персии и Кавказа, но и потому, что армяне совместно с грузинами в одном автономном государстве могут слу-

---

* В первой мировой войне Румыния первоначально соблюдала нейтралитет. Но под влиянием побед России над Австро-Венгрией в 1916 году Румыния вступила в войну на стороне Антанты. Однако румынские войска были довольно быстро разгромлены и две трети страны оказались в руках Австро-Венгрии. Для спасения Румынии Россия была вынуждена оказать ей помощь и создать новый, Румынский фронт, который удерживался в основном русскими частями.

** Во время империалистической войны в Турции неоднократно имели место случаи массового истребления армянского населения. Речь идет об армянах, уцелевших от геноцида в Месопотамии.

жить единственным барьером к развитию пантуранского движения* от Константинополя до Китая, которое даст в руки Германии еще более сильное оружие и в свою очередь может стать большей угрозой миру, чем германский контроль над Багдадской дорогой.

Было бы желательно убедить южную русскую армию возобновить войну. Но это, по-видимому, невозможно. Нашей первой задачей должно быть предоставление субсидий для реорганизации Украины, на содержание казаков и кавказских войск и помощи персам. Необходимые суммы не так уж велики, принимая во внимание масштабы войны, но валютный вопрос представляет значительные трудности. Если Франция примет на себя финансирование Украины, мы найдем, быть может, средства для других намеченных целей. Необходимо, чтобы США также приняли участие в расходах. Помимо этих финансовых вопросов, необходимо, чтобы мы имели своих агентов и чиновников, а также чтобы мы могли воздействовать и оказывать поддержку местным правительствам и их армиям. Необходимо это делать по возможности тихо, чтобы никто не смог нас обвинить в том, что мы готовимся к войне с большевиками.

Мы предлагаем, чтобы Украина в этом вопросе оставалась полем деятельности Франции, а мы возьмем на себя другие юго-восточные области страны. Для руководства всеми указанными операциями каждая из союзных стран должна назначить своего представителя. Эти представители должны поддерживать контакт друг с другом через специальных агентов, с тем чтобы обеспечить полное единство действий.

Остается открытым вопрос, должны ли мы содействовать возвращению в Южную Россию многочисленных русских офицеров, ныне находящихся во Франции и в Англии».

Этот меморандум двумя днями позднее одобрил французский премьер-министр Клемансо. Полный текст меморандума был впервые опубликован в «Военных мемуарах» премьер-министра Ллойд Джорджа¹.

23 декабря 1917 года представители союзников в Париже (с английской стороны участвовали замести-

---

* Пантуранское движение — националистическое движение, которое ставило своей целью образование единого государства на территории Великого Турана, т. е. Средней Азии.

¹ Ллойд Джордж. Военные мемуары. М., 1934. Т. 5, с. 535.

тель министра иностранных дел лорд Роберт Сесил и военный министр лорд Милнер) одобрили документ, делящий Россию на «зоны влияния»: Закавказье, Северный Кавказ, Средняя Азия и Северная Россия становились зоной британского влияния; Украина, Крым и Бессарабия — зоной Франции. В документе министерства иностранных дел от 15 января 1918 года¹ захватнические планы были изложены в более деликатной форме, а именно: французы «займутся» Румынией и Украиной, в то время как англичане «будут заботиться» о Кавказе и т. д.

Политические заверения в том, что британское правительство поддерживает самоопределение, вряд ли звучали убедительно для большевиков, знавших, что оно в это время держало колониальные войска в Индии, Египте и Ирландии. Маловероятно, чтобы добрые советы о «защите России» от Германии принесли успех британскому правительству. Бальфур отрицает факты какой-либо поддержки контрреволюционеров в России и вместе с тем предлагает оказывать помощь именно контрреволюционным организациям! Было бы серьезной недооценкой умственных способностей британского министра иностранных дел и его дипломатических советников, а также британских военных представителей в России предположить, будто они не понимали, что контрреволюционеры всех мастей охотно объявят себя противниками Германии, если это сулит им получение материальной помощи со стороны Великобритании и ее союзников в борьбе с большевиками. Так именно и произошло.

Меморандум Бальфура появился в декабре 1917 года, шесть недель спустя после Великой Октябрьской социалистической революции. Он представлял собой главную программу антисоветской интервенции и контрреволюции. Последующие события полностью это подтвердили. Учитывая направленность меморандума, не стоит удивляться тому, что в его подготовке наряду с министрами иностранных дел активное участие принимали министры, ведавшие вооруженными силами и секретными службами.

Словно пестрая мозаика рассыпались по России «провинциальные правительства». В годы гражданской войны они «представляли» Россию и получали необхо-

---

¹ F.O. 371, vol. 3314.

димую им помощь от союзников. В сущности, все эти «правительства» были антибольшевистскими.

У меморандума есть своя предыстория. В документе министерства иностранных дел, составленном лордом Робертом Сесилем, датированном 23 февраля 1918 года, говорится, что «в конце ноября 1917 года кабинет приступил к обсуждению вопроса о дальнейших шагах, которые следует предпринять дружественной Антанте для поддержки антибольшевистского движения, и после некоторых колебаний решил выделить для него деньги». Позже лорд Сесил отметил: «Было ясно оговорено, что если в результате такой поддержки произойдет разрыв с большевиками, то он не должен нас пугать». Более того, 3 декабря 1917 года—за три недели до появления меморандума Бальфура—военный кабинет поручил лорду Роберту Сесилю информировать сэра Джорджа Бьюкенена, британского посла в Петрограде, что «политикой правительства является поддержка любой солидной организации в России, которая активно противодействует «максималистам», и что «правительство Его Величества щедро снабдит деньгами тех, кто проявит готовность поддержать дело союзников»¹. В частности, упоминалось о помощи казакам и контрреволюционерам на Украине.

Делая запись в благопристойно туманных протоколах министерства иностранных дел, Сесил даже не прибегает к уловке и не выдает это движение в России за «антигерманское», называя вещи своими именами: он именует его «антибольшевистским», как это сделал и военный кабинет.

В другом протоколе военного кабинета № 298 от 14 декабря 1917 года содержится распоряжение о том, чтобы «не отказывать в запрашиваемых деньгах для поддержки в Юго-Восточной России сопротивления центральным властям, то есть большевикам, если военное министерство и министерство иностранных дел сочтут это необходимым».

Кроме того, военные представители, присутствовавшие на заседании Верховного совета союзников, отметили 24 декабря 1917 года в совместной ноте, что их просили выразить свое мнение о том, способны ли Южная Россия и Румыния «оказать сопротивление большевистским войскам, получающим помощь и руко-

---

¹ F. O. 371, vol. 3290 и протоколы военного кабинета 289². «Максималистами» часто называли большевиков.

водство со стороны немцев». Исходила «просьба» от правительства Великобритании. Эта нота явилась, как отметил один далеко не просоветский историк, одним из первых документов, утверждающих, «будто союзники ведут борьбу как против большевиков, так и против немцев»¹.

Прямое следование некоторым положениям меморандума вызвало бы по меньшей мере удивление. Было совершенно ясно, что понимали в Лондоне под фразой «борьба с немцами». Против большевиков, а не против немцев был направлен меморандум. Все последующие события убедительно это продемонстрировали.

7

Обобщающие работы по истории интервенции в России в 1918—1920 годах написаны как английскими, американскими и французскими, так и советскими исследователями. В этой главе освещаются события начала интервенции. Основным и главным источником при ее написании были материалы британских архивов.

Каледин. Этот казачий генерал, командовавший войсками в Новороссийске, 7 ноября 1917 года публично заявил о своем неподчинении Советскому правительству и провозгласил, что берет в свои руки всю полноту государственной власти на Дону. 13 ноября он отдал приказ одной из своих дивизий начать наступление на Воронеж. Хотя эта попытка потерпела неудачу, он предпринял шаги к упрочению своей власти и объявил военное положение в первую очередь на территории Донецкого угольного бассейна, а затем на всей территории Области войска Донского. 15 декабря после тяжелых боев его войска захватили Ростов, а вскоре и южную половину Донецкого угольного бассейна. Известные царские генералы вроде Алексеева, Корнилова и

---

¹ Ullman R. *Intervention and the War*. London, 1961, p. 56. Удивительно, что г-н Кеннан в своей книге «Russia Leaves the War», 1956, р. 178—179, приводя выдержки из меморандума Бальфура, опускает целую фразу о посылке офицеров «по возможности тихо» и т. д.; в тексте г-на Ульмана слово «тихо» заменено на «быстро», что совершенно меняет его смысл; а г-н Сильверлайт (*The Victor's Dilemma*, 1970) оставляет без внимания не только эту предательскую фразу, но и всю предшествующую часть! Г-н Светтенхем (*Allied Intervention in Russia 1918—1919*. London, 1967) даже не упоминает меморандум Бальфура.

Деникина, политические деятели вроде кадета Милокова, бывший председатель Государственной думы Родзянко и эсер Савинков примкнули к Каледину и оказывали ему помощь в формировании белой Добровольческой армии. Каждая их победа на Дону сопровождалась расправой с шахтерами¹.

22 ноября 1917 года Бальфур дал указания британскому посланнику в городе Яссы, на румыно-русской границе, направить агента к Каледину и выяснить, поддержит ли он румынскую армию, если она выступит против большевиков. (Это делалось по прямому указанию военного кабинета, о чем свидетельствует протокол № 280, помеченный тем же днем.) 30 ноября британский офицер, пребывавший в Тифлисе, был также направлен в район Дона. 1 декабря премьер-министры Великобритании, Франции и Италии, собравшись в Париже, приняли решение направить к Каледину совместную англо-французскую военную миссию. 3 декабря британский военный кабинет вынес решение о предоставлении Каледину финансовой помощи в нужном ему размере. В тот же день в соответствии с принятым решением начальник имперского генерального штаба телеграфировал британскому военному атташе в Яссах, что он может «предоставить Каледину необходимую ему финансовую помощь». Военный кабинет 14 декабря санкционировал Каледину первую выплату в размере 10 миллионов фунтов стерлингов², хотя впоследствии Бьюкенен отрицал, что Каледин пользуется широкой поддержкой.

Вмешательство во внутренние дела России в виде поддержки наиболее крупных антибольшевистских движений фактически началось до заключения англо-французских соглашений от 23 и 24 декабря 1917 года.

Помощь белогвардейцам в районе Дона увеличивалась. В телеграмме лорда Берти, британского посла в Париже, от 3 января 1918 года сообщалось, что французское правительство предоставляет Алексею 100 миллионов франков, а 10 января 1918 года британский майор докладывал из Киева британскому военному атташе в Яссах, что он договорился с киевским представителем Алексея о ежемесячной выплате ему

---

¹ Минц И. И. История Великого Октября. Т. 3, с. 126—127, 489, 497—500.

² Ullman R. Op. cit., p. 43.

10 тысяч рублей «для переправки завербованных офицеров через Дон к Алексееву»¹.

Финансовая поддержка, подкреплённая позднее оружием, боеприпасами и даже обмундированием, прекратилась лишь после того, как три года спустя врангелевские армии были изгнаны из Крыма. Последствиями интервенции на юге России были огромные человеческие жертвы и хозяйственная разруха.

Сибирь. В первых числах января военный кабинет обсуждал вопрос о возможности оккупации и эксплуатации Восточной Сибири японцами. Было решено направить британский крейсер из Гонконга во Владивосток и привести в состояние готовности две пехотные роты для отправки туда же. Это, естественно, побудило японцев, как только они об этом узнали, выслать во Владивосток военный корабль. Они опередили англичан, используя преимущество в расстоянии. Их корабль прибыл 12 января, британский крейсер — 14-го, а военный корабль США — 11 марта. Начались многочисленные дебаты между союзниками о том, следует ли оккупировать Приморье России объединённой военной экспедицией, состоящей из британских, американских, французских, японских и китайских вооружённых сил (предложение французов от 7 января 1918 года), или предоставить японцам возможность оккупировать от имени союзников всю Транссибирскую магистраль (предложение англичан от 28 января), или же следует ограничиться лишь восточной частью железной дороги (план, предложенный японцами 8 февраля). Все эти вопросы, подробно изученные американскими историками, фактически не затрагивают главного, а именно того, что британское правительство по своему усмотрению и в полном соответствии с положениями меморандума Бальфура от 21 декабря 1917 года десять дней спустя после появления этого документа выступило инициатором вторжения на Дальнем Востоке — в то время, когда на всей территории Сибири была установлена Советская власть².

С благословения Британии на Дальнем Востоке начались действия, которые привели к высадке крупных японских вооружённых сил 5 апреля 1918 года, к формированию в Сибири (при различной финансовой и военной поддержке со стороны союзников) всякого

¹ F. O. 371, vol. 3283.

² Ullman R. Op. cit., p. 90—93, 102.

рода «правительств», которые постоянно грызлись друг с другом, но тем не менее воевали против большевиков, свергали местные Советы, учиня кровавые расправы, когда им удавалось захватить власть. В конечном итоге в Омске в ноябре 1918 года установилась военная диктатура Колчака, правившего Сибирью в течение ряда месяцев.

Тем временем 6 января 1918 года министерство иностранных дел в циркулярном письме британским послам в Париже, Риме, Вашингтоне и Токио¹ информировало о том, что полковник Джошуа Веджвуд направляется в Сибирь. Он собирался убеждать население в том, что союзники выступают против немцев и готовы оказывать помощь силам, «которые продолжают сопротивляться всеми имеющимися в их распоряжении средствами германским устремлениям». Таков был пропагандистский аспект проведения в жизнь меморандума Бальфура, поскольку к этому времени все уже знали, что «немец» в официальной британской терминологии означает «большевик», особенно когда речь шла о Сибири, где за тысячу миль нельзя было встретить немца, разве что военнопленного!

В этой связи небезынтересен документ от 19 января 1918 года, составленный межведомственным комитетом, который собирался ежедневно в министерстве иностранных дел. В разработке отдельных его положений активное участие приняли представители военного министерства. Этот документ, представленный королю и членам военного кабинета, начинался с утверждения важности японской интервенции в Сибири, «дабы воспрепятствовать превращению ее в германский заповедник». Далее шли заверения в том, что, только став «хозяевами Сибири» союзники смогут осуществлять постоянные поставки военного снаряжения «антибольшевистским элементам» в Южной России. Ранее, 11 января 1918 года, в телеграмме министерства иностранных дел консулу в Одессе излагалось содержание переговоров с японцами относительно установления контроля над железной дорогой в Сибири именно для целей, упомянутых в меморандуме от 19 января. Может быть, беспокойная совесть толкнула одного чиновника министерства иностранных дел на первом проекте этого межведомственного документа сделать пометки о том, что интервенцию несомненно будут приветствовать

---

¹ F.O. 371, vol. 3297.

«землевладельцы, промышленники, казаки атаманы и т. д.». Он выразил свои сомнения относительно «чувств народных масс». Не подумают ли они, что интервенция «была предпринята с целью свержения Советской власти?» Народы России пришли к выводу, что Советская власть является «желанной формой правления. Если мы попытаемся вооруженной силой убедить их в том, что это не так», могут возникнуть весьма серьезные волнения в международных пацифистских кругах¹.

Однако сомнения этого дальновидного чиновника не были приняты во внимание, и в Сибири по инициативе Англии началась интервенция крупного масштаба.

Семенов. Этот капитан царской армии был направлен на Дальний Восток для борьбы с большевиками еще до Октябрьской революции. Захват китайцами 16 декабря 1917 года в Маньчжурии железной дороги, соединяющей Центральную Сибирь с дальневосточными губерниями, дал возможность Семенову приступить к формированию «особого маньчжурского отряда» в Харбине. «Отряд» состоял из нескольких русских офицеров, примерно 150 казаков и около 400 отпетых бандитов. В начале января 1918 года во время внезапного ночного рейда он захватил пограничную станцию Маньчжурия, расстрелял членов местного Совета и принудил солдат охраны вступить в свой отряд. После этого успеха Семенов захватил еще несколько станций, прервав тем самым железнодорожную связь. Операции Семенова повсюду сопровождалась массовыми убийствами, грабежами. В ноте британского поверенного в делах в Вашингтоне государственному секретарю Соединенных Штатов сообщалось, что если союзники предоставят Семенову помощь оружием, боеприпасами и деньгами, то он сможет захватить Читу, Иркутск и Красноярск, а затем и всю Транссибирскую магистраль, чтобы прорваться на запад и соединиться с оренбургскими казаками Дутова и с войсками Каледина².

С самого начала Семенов весьма импонировал союзникам, особенно англичанам и японцам. 28 января 1918 года британский военный атташе в Пекине сообщал, что принял представителя Семенова, а его помощник встретился с самим Семеновым, который произвел на

---

¹ Документ от 19 января 1918 года находится в архивах F.O. 371, vol. 3296. Телеграмма от 11 января 1918 года с комментариями находится в F.O. 371, vol. 3288.

² Минц И. И. История Великого Октября. Т. 3, с. 696—697.

него «хорошее впечатление». Он рекомендовал выполнить требования Семенова и предоставить ему оружие, снаряды, пулеметы, две бронемашины и 10 000 фунтов стерлингов в месяц для выплаты жалования новым завербованным солдатам. Численность его отряда достигла 3 тысяч человек. В ноте государственному департаменту от 2 февраля 1918 года Бальфур одобрил этот план, поскольку он представлял «огромную важность для поддержки истинно русского движения в Сибири!». Великобритания через своего консула в Харбине сообщила Семенову, что снабдит его деньгами и оружием и Бальфур надеется, что США поступят таким же образом¹. Японцы уже имели связного офицера при Семенове.

Кроме того, министерство иностранных дел поручило своему консулу во Владивостоке 31 января 1918 года, чтобы он, в случае если русские офицеры предложат свои услуги, рекомендовал им «вступить в отряд Семенова или в другие действующие силы подобного рода»².

Британский посланник в Пекине сообщал 27 февраля министерству иностранных дел, что консул в Харбине выплатил Семенову к 23 февраля через своего «русского коллегу» (т. е. консула, назначенного еще при царе) 2000 фунтов стерлингов и вручит ему следующую сумму в размере 10 000 фунтов, если действия его отряда будут успешными. 7 марта посланник вновь сообщает, что он передал Семенову две гаубицы и 800 комплектов снарядов и что это снаряжение сопровождают один артиллерийский офицер в качестве инструктора и другой офицер в штатском³. В то же время японцы снабдили Семенова полевыми орудиями, пулеметами и отправили к нему двадцать два артиллериста. В апреле помощник британского военного атташе в Пекине был послан инспектировать «особый маньчжурский отряд».

К этому времени английский неофициальный дипломатический представитель в Москве Локкарт заявил протест союзникам, оказывавшим поддержку Семенову, поскольку это затрудняло его отношения с советскими властями. Комментируя последующее донесение

---

¹ Foreign Relations of the United States, 1918, Russia. Vol. 2, p. 38—41.

² F.O. 371, vol. 3296.

³ F.O. 371, vol. 3289.

из Пекина, сэр Рональд Грэм внес следующую запись в протоколы министерства иностранных дел (6 апреля): «Г-н Локкарт справедливо указывает, что войско Семенова состоит из бандитов и является контрреволюционным».

Локкарт, по-видимому, был знаком с докладом полковника Веджвуда, писавшего на основании сведений, полученных в феврале в Токио, что «методами Семенова являются грабеж и террор»¹.

Однако, когда Локкарт в одном своем послании сообщил, что его сотрудник капитан Хикс присутствует на советско-китайской конференции в Чите, обсуждавшей меры против бандитских налетов Семенова, дальневосточный отдел министерства иностранных дел, очевидно недовольный этим, сделал следующую запись: «Справедливо или нет, мы поддерживаем Семенова, и капитан Хикс хорошо это знает. Тем не менее он участвует в совещании, целью которого является разгром организации Семенова». Финансирование бандитского атамана продолжалось².

Поддержка Семенова иностранными державами была составной частью плана интервенции, которую западные союзники уже начали осуществлять совместно с японцами. Небезынтересно отметить, что и в данном случае выбор Семенова для «тихого» содействия контрреволюции в одном из уголков России не был случаен. Он является прямым следствием решения военного кабинета от 21 декабря 1917 года.

Закавказье. Хорошо известный корреспондент газеты «Таймс» в России Г. Р. Уилтон в январе 1918 года предложил французскому министру иностранных дел Пишону послать представителей союзников в Среднюю Азию для борьбы с «германским», другими словами большевистским, влиянием. Пишон отправил запрос Бальфуру. 30 января 1918 года Бальфур ответил французскому послу в Лондоне Камбону, что «правительство Индии уже предпринимает шаги по организации миссии, которая могла бы в случае крайней необходимости отправиться в Туркестан и вступить в связь с антибольшевистскими элементами в этом районе». Фактически 18 января военный совет сообщил министерству по делам Индии, что он согласен на подготовку

---

¹ F.O. 371, vol. 3297. Доклад Веджвуда приложен к посланию начальника военной разведки значительно позже (8 мая).

² F.O. 371, vol. 3290.

«соответствующей миссии», в которую должны войти «инициативные и предприимчивые люди». В качестве главы «миссии» предлагалась кандидатура капитана П. Т. Этертона. 29 марта 1918 года Бальфур писал, что специально подобранные люди «без дальнейшего промедления» должны быть направлены в Кашгар (китайская часть Туркестана) и Мешхед (в Северной Персии). В действительности (как сообщалось в письме военного совета министерству иностранных дел от 14 июля 1918 года) офицер британского генерального штаба подполковник Е. А. Ф. Редль уже был послан в Мешхед — фактически он находился там с начала апреля, — чтобы руководить разведкой. Его инструкции (подписанные 13 мая британским главнокомандующим в Индии) включали организацию взрывов на Закаспийской железной дороге в случае «турецкого или немецкого наступления на этот район»¹.

Послание Бальфура Камбону от 30 января показывает, что ссылка на немцев и турок представляла собой обычную формулу, употребляемую всегда, когда нужно было скрыть антибольшевистские цели интервенции. Австралийский пехотный офицер, полковник Эллис, вошедший в июле 1918 года в состав военной миссии, направленной в Мешхед вскоре после Редля, сообщил любопытный факт. Он писал много лет спустя, что к его прибытию военная миссия уже установила связь с «антибольшевистскими мятежниками, действовавшими против Советского правительства в Ташкенте, и отношения, развивавшиеся между ними, привели к тому, что британские и индийские войска оказались вовлеченными в военные действия против большевистских войск вдоль линии Среднеазиатской железной дороги»².

Рассчитывать, что кто-либо поверит в то, что инструкции, утвержденные Бальфуром 30 января и, очевидно, служившие руководством в деятельности Редля весной в Мешхеде, не имели отношения к военной миссии (под командованием генерала Маллесона), значило бы злоупотреблять сверх меры доверчивостью людей. По мнению генералов Данстервилля, Маллесона и полковника Эллиса, описавших в своих книгах интервенцию в Закавказье, именно военная миссия положила начало вторжению крупных британских во-

---

¹ Все эти документы, начиная с письма Бальфура от 30 января, собраны в F.O. 371, vol. 3303.

² The Trans-Caspian Episode. London, 1963, p. 14—15.

оруженных сил в Закавказье и в Закаспийский край, которые поддержали контрреволюционеров в этих районах. В докладе военному министерству от 27 июля 1918 года главнокомандующий войсками в Индии сообщил о деятельности в Баку одного из агентов миссии капитана Тиг-Джонса. Этот документ написан в характерном стиле тогдашних английских документов: «Бакинские большевики почти наверняка находятся на содержании наших врагов и будут препятствовать, насколько возможно, британской интервенции. Однако положение их ненадежно, и наши активные действия предрешат их судьбу»¹.

Туркестан. Что касается капитана (в дальнейшем подполковника) Этертона, то он сам описал позже, как был послан в Кашгар, дабы выполнить положения инструкции, составленной, очевидно, на основании решений военного совета от 18 января. Он изложил свою задачу в следующей форме: «Хотя оказание прямой военной поддержки просоюзническим элементам не предполагалось, важно было создать небольшую британскую военную организацию, от которой протянулись бы щупальца для получения информации и для использования всего того, что может оказаться полезным». Этертон был назначен британским генеральным консулом и политическим резидентом в Кашгаре, куда миссия (которая начала формироваться уже в апреле) прибыла 7 июля 1918 года. Из Кашгара два опытных офицера индийской армии, полковник Бейли и майор Блэккер, должны были направиться в Ташкент, оплот Советской власти в Средней Азии, «для обследования обстановки на месте и изучения вопросов, касающихся безопасности и благополучия Британской империи».

По прибытии в Ташкент полковник Бейли понял, что советские власти прекрасно осведомлены о цели его приезда. Ему был задан вопрос: «Как объяснить, что дружественная миссия прибывает из Кашгара в то время, как со стороны Персии и Ашхабада продвигаются британские войска и захватывают советские территории?» Действительно, трудно было согласовать эти две линии поведения. Макартни, предшественник Этертона в Кашгаре, прибежал к обычному объяснению — мол, присутствие англичан «диктуется стратегическими причинами, возникающими из-за войны с Германией».

---

¹ F.O. 371, vol. 3335 (26 июля) и vol. 3300 (27 июля).

Естественно, это не могло удовлетворить советских руководителей¹.

В период мятежей белоказаков в Западном Туркестане Бейли более года скрывался и поддерживал связь с агентами белых, действовавшими против большевиков. Он описал это позже в своей книге².

Полковник Этертон вскоре после прибытия в Кашгар установил «сердечные отношения» с бывшим царским генеральным консулом Успенским, отказавшимся сотрудничать с Советским правительством. Успенскому он «многим обязан своими успехами в борьбе против коварной болезни большевизма». В чем же состояла эта борьба? Об этом он дает общее представление в своей книге, когда описывает трудности, которые испытывали советские власти в Ташкенте, «столкнувшись лицом к лицу с англичанами в северо-восточной Персии и сильным сопротивлением со стороны мятежных банд в Семиречье и Фергане, с которыми я поддерживал связь». Чтобы установить, что это была за «связь», стоит вспомнить, что английские фунты стерлингов и оружие поставлялись антисоветским силам во всех пограничных районах. Об этом свидетельствуют и архивные материалы того времени. Когда Этертон, расследуя действия индийцев, занимавшихся контрабандной переправкой оружия через Кашгар в Афганистан, обнаружил нарушителя, то «задержанный индеец заявил, что оружие предназначалось только для продажи ферганским мятежникам, воевавшим против большевиков». Этертон ограничился тем, что отправил нарушителя назад в Индию, вместо того чтобы арестовать его³.

8

Интервенция только на первый взгляд являлась результатом «чистой случайности». На самом деле она была организована по прямой инициативе союзников, которые действовали в полном соответствии с генеральным планом от 21 декабря. Серьезную угрозу для Советской республики представлял мятеж, или бунт, или восстание (можно назвать это как угодно) чехословацкого корпуса в мае 1918 года, состоявшего из

---

¹ Etherton P. T. *In the Heart of Asia*. London, 1925, p. 5, 7, 10, 96, 97.

² Bailey F. M. *Mission to Tashkent*. London, 1946.

³ Etherton P. T. *Op. cit.*, p. 110, 151, 215, 270—272.

военнопленных чехов и словаков, сражавшихся в рядах австро-венгерской армии. Он насчитывал более 60 тысяч человек, хорошо вооруженных и дисциплинированных. Составы с военнопленными растянулись вдоль главных железнодорожных путей из Южной России до Омска. В основных подразделениях на командных постах находились русские царские офицеры, назначенные еще до Октябрьской революции. Эти офицеры «все до одного были антикоммунистами. Некоторые из них поддерживали связь с подпольными русскими организациями» — попросту говоря, с контрреволюционерами¹. Союзники с самого начала весьма заинтересовались чехословацким корпусом, хотя непосредственные контакты с ним наладить было сложнее, чем с белогвардейскими формированиями в пограничных районах бывшей Российской империи. Потребовалось время. Однако реакционное руководство чехословацкого корпуса быстро шло на сближение с союзниками.

Мятеж начался внезапно. На встрече военных представителей союзников в Яссах в конце ноября 1917 года Вацлаву Черженскому, представителю чехословацкого легиона в Румынии, был задан вопрос, в состоянии ли корпус выступить против большевиков и оккупировать Украину. Он ответил, что это возможно при условии, если союзники помогут и предоставят достаточное количество оружия. Позже президент Масарик, в сущности, подтвердил это. Он говорил, что на чехов было оказано давление, и они, вместо того чтобы ехать во Францию, поступили в России в распоряжение союзников. «Лондон предпочел видеть нас в Европейской России и в Сибири». Но и сам Масарик присоединил бы чехословацкий корпус «к любой достаточно сильной армии, чтобы вступить в борьбу с большевиками и немцами во имя демократии». Но только интервенция японцев, по его мнению, позволила бы это осуществить. Во всяком случае, писал он, «нереально оккупировать и удерживать огромную территорию Европейской России силами в 50 тыс. человек. Двигаясь в направлении Москвы, нам пришлось бы оккупировать Киев и большое число городов и сел и при этом оставлять повсюду гарнизоны, что превышало наши возможности»². Почему он упоминает Киев, станет ясно позже.

¹ Kennan G. F. Op. cit., p. 143.

² The Making of a State. London, 1927, p. 182—184.

По свидетельству бывшего легионера Курфюрста, передавшего 28 января 1927 года свои воспоминания в канцелярию президента Масарика, чешские руководители в ноябре 1917 года разрешили с согласия Масарика легионерам второго полка, расквартированного в Киеве, дезертировать на Дон, чтобы поступить на службу в контрреволюционные казачьи войска генерала Корнилова, формировавшиеся в то время. Чехам было разрешено образовать свою часть под командованием военного инженера Крала и включать в нее отдельных чехов-нелегионеров, прибывающих из различных районов России¹.

Тем временем военные власти союзников не оставили идею, изложенную представителю легиона в Яссах 7 декабря 1917 года — еще до меморандума Бальфура. Французский министр иностранных дел написал Эдуарду Бенешу, коллеге Масарика в руководстве Чехословацкого Национального совета, созданного в эмиграции. Он пригласил его и еще третьего члена Совета, Штефаника, войти в состав Комиссии для решения русского вопроса во французском министерстве иностранных дел под начальством генерала Жанена, бывшего представителя при русском верховном командовании в период царского режима. В задачи этой комиссии входила «разработка программы действий, а также изучение вопросов об использовании некоторых иностранных организаций в России»². Нарочито расплывчатый язык письма вряд ли требует расшифровки, учитывая, что французы уже оказывали материальную помощь в формировании казачьей антисоветской армии в Новочеркасске на Дону, во главе которой стояли генералы Каледин и Корнилов.

Позиция Англии на совещании в Яссах свидетельствовала о том, что британские власти были далеко не безразличны ко всем этим событиям. Майор Дж. К. Л. Фицвильямс — офицер, направленный британским военным атташе в Яссах в Новочеркасск для встречи с Калединым, — докладывал своему начальству 12 декабря, что считает «чешскую организацию наилучшей, наиболее подходящей для формирования сильного правительства (в России)». Она имеет две хорошо оснащенные и высокодисциплинированные дивизии,

¹ Архивы военной канцелярии президента (Прага), Т4, VK, 1927.

² Архивы Института военной истории (Прага), VHA, фонд Československá národní rada v Paříži (CSNR/1917, sign. 6/4/10).

«какими не располагает никакая другая организация». Если союзники готовы на денежный риск, то, по его мнению, в течение шести месяцев «можно было бы собрать и вооружить армию в полмиллиона человек». Результаты были бы «неоценимыми»¹. 16 декабря 1917 года французское правительство признало чешский легион в России самостоятельной частью чехословацкой армии, находящейся под непосредственным руководством французского верховного командования. Подразумевалось, что он будет эвакуирован во Францию через Дальний Восток. Однако эта эвакуация надолго задержалась.

Интересным документом являются записи бесед Масарика с эсером Борисом Савинковым, террористом и организатором антибольшевистских мятежей. Записи, сделанные собственной рукой Масарика, фрагментарны, но достаточно красноречивы:

«Я—мое мнение.

Он будет вести переговоры с Клецандой и Максой.

Я—что он должен: А. Скупить зерно, чтобы оно не досталось немцам. В обмен на текстиль!..

В. Если понадобится, «зерновой террор».

С. Политический террор?

Алексеев пишет, что он не разгромлен, отступает на Юг.

Террор: убийство великого князя Сергея стоило всего 7000 руб.

Плеве—30 000.

Я могу предоставить некоторые финансовые ресурсы.

— Шипу, чтобы Клецанда 200 000 руб.»².

---

¹ F.O. 371, vol. 3314, p. 275—276.

² Архивы Масарика, Россия, 1918 (Прага). Клецанда был секретарем филиала Чехословацкого Национального совета в Москве, Макса—вице-президент филиала Совета. О текстильных товарах речь идет потому, что в обмен на них крестьяне весьма охотно расстались бы со своим зерном. Великий князь был убит эсером в феврале 1905 года; Плеве—министр внутренних дел—также убит эсером в июле 1904 года. Шип ведал финансовыми вопросами в филиале Совета. В своих воспоминаниях (там же, с. 189) Масарик искажил содержание этих бесед. Так, он не упоминал о финансовой помощи, которую предлагал Савинкову. Но некоторые положения в его записях, например о предложении товаров крестьянам в обмен на зерно, были позднее повторены в меморандуме Масарика президенту Вильсону от 10 апреля 1918 года (там же, с. 193).

В то же время требования англичан об использовании корпуса для контрреволюционных действий в России возобновились в более настойчивой форме. 18 марта генеральный консул Уордроп телеграфировал из Москвы в Лондон, что чешские представители уведомили его о готовящемся отъезде 70 000 чехов из Курска во Францию через Владивосток. 30 марта военное министерство сообщило министерству иностранных дел: «Было бы гораздо разумнее разрешить чехам остаться в России, где их пребывание может оказаться весьма полезным». Оно предложило три разных пути возможного использования чешских частей: 1) в Омске для укомплектования второго корпуса, который формировался Чехословацким Национальным советом; 2) в Архангельске «для защиты портовых складов и, возможно, установления транспортной связи с Сибирью через Пермь, хотя вероятность добиться этого невелика»; 3) в Забайкалье, где они могли бы действовать совместно с Семеновым. «Последнее кажется наиболее достижимым»¹. На следующий день военное министерство через французское правительство вручило эти предложения Чехословацкому Национальному совету².

Тем временем для соглашения с филиалом Чехословацкого Национального совета в Москве все было готово. 31 марта 1918 года Клецанца писал в Пензу: «Я хочу проинформировать Вас и настаиваю на полной секретности моего письма». Затем он сообщал о готовящемся в ближайшее время государственном перевороте. Будет создано коалиционное правительство из меньшевиков и эсеров без представителей крайних партий — как правых, так и левых. Программа правительства будет просоюзнической. Будут предприняты шаги для объединения с кадетами. Он объяснил также политическое значение этого: «Эсеры готовы отказаться от идеи создания республики в обмен на уступки в программе во имя основной цели — сохранения чести и могущества России». Союз с кадетами поднимет шансы на успех. «В случае реорганизации правительства в интересах союзников нужно будет оставить в России первый корпус в помощь новому правительству. В этом случае присутствие наших вооруженных сил в Сибири, то есть второго корпуса, формирующегося в Омске, сыграет

---

¹ О Семенове см. главу 7.

² F.O. 371, vol. 3323; Beneš. *Souvenirs de Guerre et de Révolution*. Paris, 1929, t. 2, p. 184—185.

важную роль. Главное — не разоружаться. Завтра я иду к англичанам, чтобы выяснить, как обстоят дела с высадкой их военных сил в Архангельске и какую поддержку — активную или пассивную — они намерены оказать при реорганизации правительства». Масарик также писал о том, что накануне отъезда из Москвы, 7 марта 1918 года, он узнал «о готовящемся выступлении эсеровских элементов в московских большевистских органах управления» и что Клецанда «уполномочен вести политические переговоры»¹.

Очевидно, встреча Масарика с Савинковым не была единственной, и вопрос об эвакуации легиона стал для Чехословацкого Национального совета чисто риторическим: оба корпуса легиона предстояло использовать в России в случае «реорганизации правительства», то есть государственного переворота, как это предлагали британские представители.

Весьма важным является упоминание о том, что корпусу не следует разоружаться. 27 марта 1918 года в Пензе было подписано соглашение между советскими представителями, действовавшими на основании указаний Советского правительства, и представителями корпуса. По этому соглашению большинство русских офицеров, настроенных контрреволюционно, следовало уволить. Чехословацким частям открывался беспрепятственный путь во Владивосток, и они сохраняли при себе лишь то оружие, которое им могло потребоваться². По соглашению, достигнутому ранее, чешские части могли иметь: 168 винтовок и один пулемет на эшелон, 300 патронов на винтовку и 1200 патронов на пулемет³. Всё остальное оружие подлежало сдаче.

В действительности чешские части не сдали всего оружия. Значительное количество было удержано и спрятано в поездах. В Пензе филиал Национального совета «молчаливо одобрил» это⁴.

4—5 апреля крупные силы японцев высадились во Владивостоке, что полностью изменило ситуацию. Началась интервенция, которую Масарик с нетерпением ожидал. Интервенция Японии стала важным условием для выступления чешского корпуса против большевиков. Начиная с этого времени, несмотря на продолжа-

¹ VNA. OCNR/pres/1918/cj 5206 (Prague); Masaryk. Op. cit., p. 188—189.

² Kennan G. F. Op. cit., p. 142.

³ «Исторический журнал», 1940, № 12, с. 48.

⁴ Beneš. Op. cit., p. 180, 197.

ющиеся споры между англичанами, которые отстаивали свое предложение об использовании легиона в России, и французами, которые формально продолжали настаивать на его отправке во Францию, судьба легиона на ближайшее будущее была решена (имелось в виду выступление против большевиков).

8 апреля в Париже военные представители союзников, за исключением американских, одобрили документ, представленный британским штабом, фактически предусматривавший, что чехи составят часть будущих сил союзников в Сибири¹. 13 апреля на секретном военном совете, созванном офицерами первой чешской дивизии, было решено не сдавать оружие и, если понадобится, пробиваться на восток «любыми средствами, не вступая в переговоры». Это решение держалось в тайне от солдат². Оно являлось логическим завершением планов союзников.

15 апреля Локкарт телеграфировал из Москвы, что, согласно сообщению вице-президента филиала Чехословацкого Национального совета, 60 000 человек, находящихся в данное время в Омске, могут быть задержаны советскими властями, «если союзники предпримут действия на Дальнем Востоке». По этой же причине маршрут корпуса будет изменен. Он направится в Архангельск. 17 апреля, еще до получения телеграммы Локкарта, военный кабинет обсуждал вопрос об использовании чехословацкого корпуса. Бальфур отметил, что этот вопрос нужно решать исходя из «общей обстановки в России и принимая во внимание широкую интервенцию союзников в Россию через Сибирь». По его мнению, следовало убедить советские власти разрешить чехам проследовать в Архангельск или Мурманск, «с тем чтобы не допустить вторжения в Россию вооруженных сил центральных держав». Свое предложение именно в этой формулировке Бальфур был уполномочен изложить в телеграмме Локкарту. (Заслуживает внимания то, что чешские официальные лица в Москве обратились к Локкарту со сходными предложениями.) Два дня спустя у начальника имперского генерального штаба возникли возражения против такой формулировки. Он предпочел бы просить Советское правительство

---

¹ Ullman R. Op. cit., p. 154. Цитируются протокольные записи из национальных архивов США.

² Венёв. Op. cit., p. 197. Сопещание происходило в Кирсанове, в 100 милях на восток от Тамбова.

«помочь чехам эвакуироваться во Францию через Мурманск или Архангельск». Тем не менее 20 апреля телеграмма была послана Локкарту в первоначальной формулировке¹.

Понятно, почему предложение начальника имперского генштаба не было принято. Советское правительство, как и британское, очень хорошо знало, что в Архангельске нет условий для размещения чехов, нет морского транспорта для перевозки во Францию. Вот почему в ответ на настоятельные просьбы союзников о принятии их предложения советские власти месяц спустя потребовали гарантий, что чехи будут приняты на борт судна тотчас по прибытии. Хитрый ход британских властей не смог ввести в заблуждение Советское правительство².

Однако формулировка телеграммы Бальфура от 20 апреля о том, что чехов следует перебросить в Северную Россию для борьбы с «агрессией» и «интригами» Германии в Архангельске, Мурманске, была столь же неубедительна, поскольку на севере страны не было свидетельств ни «агрессии», ни «интриг» со стороны немцев, находившихся на расстоянии сотен миль. Что же касается высадки союзников во Владивостоке, то Советское правительство уже осудило ее как «агрессию», а помощь союзников Семенову — как «интригу».

Бальфур несколькими днями позже в одном из документов выдал истинную цель инициативы по переброске чехов в Архангельск. Когда начальник имперского генштаба представил бумагу, в которой докладывал, что согласен с перемещением чехов в Архангельск и хотел бы знать, сколько солдат туда прибудет, какой потребуются транспорт и будут ли погружены на корабль орудия и лошади или только люди, министр иностранных дел сделал на ней следующую запись, в которой чувствуется плохо скрытое раздражение: «Эти вопросы совершенно неуместны в связи с уже принятым решением о том, что чехи должны охранять подступы как к Мурманску, так и к Архангельску. *О погружке на суда вопрос не стоял*» (курсив мой.— Э. Р.)³.

¹ F.O. 371, vol. 3323.

² F.O. 371, vol. 3323, телеграмма Локкарта 18 мая 1918 года.

³ Ibid., начальник военной разведки генералу Спайерсу, 25 апреля 1918 года.

Судя по материалам министерства иностранных дел, споры о судьбе чехословацкого корпуса между англичанами и французами продолжались долго. На деле обе стороны сошлись на том, что чехи не будут эвакуированы ни через Дальний Восток, ни через Северную Россию, а останутся в стране в качестве орудия антисоветской интервенции. Об этом свидетельствует телеграмма, отправленная Ходжсону, британскому консулу во Владивостоке: «Ввиду трудностей с транспортом было решено не эвакуировать в настоящее время чешский корпус во Францию», В ней же значилось: «Секретно. Он может быть использован в Сибири в связи с интервенцией союзников, если она осуществится»¹.

Таким образом, формально за две недели, а в действительности за шесть недель до начала мятежа чешского корпуса в Челябинске, на Сибирской железной дороге, вопрос о чехах был решен. Были претпорены в жизнь и предложение об использовании чешского легиона против большевиков, сделанное военными представителями союзников в конце ноября 1917 года, и предложение британского военного министерства от 30 марта. Мечты Масарика осуществились. В свете всего вышеупомянутого становится очевидным, что инциденты на железной дороге в конце мая, приводимые в качестве причины вооруженного выступления легиона против советских властей по всей Восточной России, были всего лишь поводом, а не реальной причиной. Не возникни данный конкретный повод, несомненно, был бы найден другой ко времени прибытия легиона на Дальний Восток, где союзники поощряли оккупацию японцев и действия атамана Семенова.

Союзники вовлекли чехословацкий корпус в войну против Советского государства, что полностью соответствовало генеральному плану от 21 декабря 1917 года. Когда в июне 1923 года бывшие легионеры обсуждали чехословацко-советские отношения, Бенеш сказал: «Для меня было самым важным то, что наша армия в России, как я понимаю, являлась для союзников всего-навсего пешкой на шахматной доске, правда пешкой весьма важной. Союзники точно рассчитали, что в данном месте будет определенное число наших людей и в случае необходимости их просто принесут в

---

¹ F.O. 371, vol. 3323, министерство иностранных дел Ходжсону 16 мая 1918 года.

жертву... Мы сами не могли решать, осуществлять интервенцию или не осуществлять ее»¹.

Факты цитированных выше дипломатических документов и писем неопровержимы. Лишь тот, кто полностью их игнорирует и тщетно ищет «документальные свидетельства» того, что такие-то представители союзников давали таким-то лицам точные, четко сформулированные инструкции, может по-прежнему придерживаться затасканного тезиса о «непреднамеренном заговоре». По единодушному мнению буржуазных историков, мятеж 25 мая был вызван «общей атмосферой замешательства и подозрительности» и «ни одну из сторон не следует винить»².

9

Каким образом претворялся в жизнь меморандум Бальфура, свидетельствует и деятельность некоего капитана Хилла. Об этой деятельности до сих пор было мало известно. Однако она заслуживает самого пристального внимания.

После появления меморандума в течение нескольких месяцев капитана Джорджа А. Хилла, офицера британской разведки, систематически подготавливали к подрывной деятельности в Советской России. Его подготовка должна была быть столь же длительной, как и у руководителей чешского легиона, и, естественно, еще более тайной. Связь деятельности Хилла с другими направлениями генерального плана, одобренного британским и французским правительствами в конце 1917 года, совершенно очевидна. Это подтверждает доклад капитана Хилла начальнику военной разведки при военном министерстве, датированный 26 ноября 1918 года. В нем говорилось «о работе, проделанной по поручению начальника военной разведки между 24 февраля и 2 октября 1918 года». Спустя несколько лет капитан Хилл

---

¹ Beneš. Naše revoluce. Praha, 1923, с. 213.

² Kennan G. F. Op. cit., p. 164—165. Пьер Паскаль, в то время лейтенант при французской военной миссии в России, пишет в своих воспоминаниях о ненависти руководителей чехословацкого корпуса к советским людям, о зверствах, чинимых по отношению к ним. В ответ на протесты Паскаля чешские офицеры с резкостью заявили что, мол, действуют по инструкциям французского посла Нуланса. (Mon Journal de Russie, 1916—1918. Lausanne, 1975, p. 282—293.)

опубликовал две книги о своей деятельности, естественно с многочисленными купюрами. Текст некоторых разделов этих книг довольно точно соответствует докладу Хилла, ставшего теперь доступным в связи с раскрытием части архивов министерства иностранных дел. Сопоставление этих двух источников дает возможность восполнить пропуски в книгах Хилла и не строить домыслов¹.

Возникает следующая картина.

Капитан Хилл стал офицером разведки вскоре после начала войны 1914—1918 годов. В июле 1917 года его зачислили в штаб военно-воздушной миссии в России. До конца сентября он работал под руководством одного из членов штаба, генерал-майора Пуля, главы британской миссии, сначала в Петрограде, а затем при штаб-квартире русской армии. Деятельность, ради которой Хилл был послан в Россию, с «появлением правительства Керенского» осуществлять стало сложно. Затем в декабре 1917 года он был прикреплен к одному канадскому инженеру, полковнику Бойлю, якобы для помощи советским властям в восстановлении железных дорог, и в частности для того, чтобы привести в порядок путевую систему на узловых станциях московской железной дороги. Ранее в Петрограде к Хиллу обратился румынский посланник с просьбой помочь ему, если возможно, переправить румынские королевские сокровища из Москвы в Яссы. Добившись разрешения советских властей на эту операцию, Хилл и Бойль прибыли в Яссы 24 декабря. Они сдали сокровища, согласно данным Хилла, а затем оказали румынам существенную помощь в получении подписи под советско-румынским мирным протоколом от 5 марта 1918 года*.

---

¹ F. O. 371, vol. 3350, p. 16—45; Hill G. A. D. S. O.; Go 'Spy the Land. London, 1932; Dreaded Hour. London, 1936.

* В январе 1918 года Румыния незаконно оккупировала Молдавию. Оккупация сопровождалась восстановлением дореволюционных порядков, разгулом террора и массовыми расстрелами. Чтобы остановить ответное наступление революционных войск и отрядов молдавских рабочих и крестьян, Антанта предложила Советскому правительству посредничество в переговорах с Румынией. 5 марта 1918 года был подписан советско-румынский протокол, по которому Румыния была обязана в 2-месячный срок вывести свои войска из Молдавии. Но, воспользовавшись отходом советских войск с оккупированной Германией и Австро-Венгрией Украины, Румыния не выполнила соглашение.

Но еще до этого, как пишет Хилл, он приступил к деятельности, направленной против Советского правительства. «Прежде чем отправиться в Румынию, я организовал небольшое частное информационное бюро»,— пишет он в своей первой книге. О характере этого бюро в ней ничего не сказано. Однако ключ к разгадке содержится в его отчете начальнику военной разведки, в котором говорится, что Хилл по просьбе командующего 4-й армией генерала Щербачева* сотрудничал с русскими и румынскими офицерами. Целью этого сотрудничества было «покончить с саботажем» большевиков в 4-й армии. Под фразой «покончить с саботажем» подразумевалось следующее: румынские военные власти по указанию генерала начали на своем фронте разоружать русские революционные полки, разгонять полковые комитеты, расстреливать наиболее активных членов комитетов, захватывать полковые провиантские склады. Еще раньше, 16 декабря 1917 года, Щербачев, воспользовавшись назначением, полученным от Центральной рады, наспех созданного буржуазного правительства, распорядился восстановить на прежних постах всех тех царских офицеров, которые были устранены солдатами в первые недели после Октябрьской революции¹. Эта деятельность несколько проясняет причины разрушений и саботажа на некоторых шахтах Донбасса, которые Хилл организовал совместно с одним представителем «союза шахтеров» (в действительности с шахтовладельцами) в феврале 1918 года, то есть до начала оккупации Украины немцами.

В середине марта он присутствовал на IV съезде Советов, ратифицировавшем Брестский мирный договор, и—при содействии г-на Уордропа, британского генерального консула в Москве,—встретился с лейтенантом Рейдом (Рейли) из военной разведки, уже активно вовлеченным в подрывную деятельность. Хилл согласился сотрудничать с ним «по мере возможности». Однако он продолжал открыто носить форму британского офицера. К маю, согласно его докладу, среди русского летного офицерского состава стало «проявляться беспокойство», и он вел «среди них большую

---

* Генерал Щербачев первоначально был главнокомандующим Румынского фронта, затем—главнокомандующим вооруженных сил Центральной рады. Позднее служил в Добровольческой армии Деникина.

¹ Минц И. И. История Великого Октября. Т. 3, с. 580—633.

работу». О характере этой работы свидетельствует запись, сделанная в конце апреля,—«агитация началась». К июлю в докладе, озаглавленном «Авиация», он рапортует уже не только о саботаже, но и о «благоразумной эвакуации». Значение этого выражения он объясняет в своем докладе. Многие подразделения военно-воздушных сил предназначались для боевых действий. «Большинство командиров придерживались наших взглядов и находились в контакте со мной. Мы надеялись, что целая эскадрилья переметнется к чехословакам». Если целая эскадрилья дезертирует, то каждому пилоту гарантировалась сумма в размере 10 000 рублей, а каждому летчику-наблюдателю— 2500 рублей. В июне, сразу же после мятежа чехов, Хилл «установил с ними контакт», а в июле он связал свою работу по «выявлению» с диверсионной работой и вербовкой.

Работа по «выявлению» началась в последние дни марта 1918 года и продолжалась в апреле, затем она стала составной частью деятельности военной разведки, то есть деятельности Рейли. В своей книге капитан Хилл писал, что он начал эту работу якобы с одобрения советских властей в целях выявления немецких частей, находящихся на Восточном фронте. Он утверждал, что «за несколько недель создал агентурную сеть, действовавшую на всех восточных территориях, оккупированных австро-германскими армиями». Но его секретный доклад создает совершенно иную картину: «Идея заключалась, конечно, в том, чтобы объединить работу по «выявлению» с диверсиями и вербовкой». В своей книге он отдает дань «патриотическим» чувствам бывших царских офицеров, которые действовали против Советской власти. Курьерская связь, которую он налажил в июле; почти целиком зависела от этих офицеров, так же как и вербовка.

Летом перед Хиллом особенно остро стоял вопрос о вербовке. В его докладе говорится: «В начале июля стало ясно, что вскоре возникнет потребность в новобранцах для Севера, поэтому для выполнения этой задачи была создана новая подсекция. Было отобрано несколько офицеров различных специальностей, им были выданы авансы, чтобы они могли отправиться на Север. Мы понимали, что до создания фронта отправка на Север завербованных офицеров не может принять больших масштабов, но с его созданием, как нам казалось, в этом отношении появятся большие возмож-

ности». Таким образом, будущий Архангельский фронт, так же как фронты на Дону и в Сибири, обеспечивался завербованными капитаном Хиллом офицерскими кадрами.

До высадки союзников в Архангельске Хилл провел следующую работу:

Наблюдение на московских вокзалах. Поскольку ожидалось, что войска будут перебрасывать через Москву, было решено разместить для слежки специальных агентов на всех вокзалах.

Диверсионные группы. Небольшая диверсионная группа была создана в июле.

Пропуска. В июле начало работать бюро по снабжению фальшивыми паспортами, пропусками и документами.

Еще в марте 1918 года Хилл установил постоянную связь с тайной контрреволюционной организацией, созданной Борисом Савинковым. Об этом он черным по белому пишет в своей первой книге. В эту организацию входили не только эсеры, но и офицеры бывшей царской армии. «Меня все время держали в курсе относительно планов Савинкова по организации мятежа в Ярославле»,— добавляет он¹. Восстание произошло 6 июля 1918 года. Оно было подавлено лишь две недели спустя.

Когда читаешь секретный доклад и первую книгу капитана Хилла, поражает, какие огромные материальные средства были ему предоставлены. Вот что он писал о тайной контрреволюционной организации: «Требовалось оружие, деньги, фальшивые пропуска и, главное, мое непосредственное руководство. Всем этим я обеспечивал организацию». Об источнике его фондов становится известно из второй книги. Он пишет: «Я так устроился, что финансирование моей работы происходило из источников внутри страны»². Вероятнее всего, средства поступали из фондов, которыми все еще располагали бывшие владельцы и чиновники национализированных банков. Эти фонды создавались путем обмена рублей на фунты стерлингов или чеки английских банков. Из этих средств, как это видно из документов министерства иностранных дел, Локкарт начиная с апреля снабжал крупными суммами различные контрреволюционные организации (один миллион

---

¹ Go Spy the Land. London, 1932, p. 296, 202.

² Hill G. A. Dreaded Hour, p. 11.

рублей «Национальному центру» в июле. Десять миллионов совместно с французами—Алексееву на Дону и т. д.)¹.

На протяжении нескольких месяцев капитан Хилл не только собирал информацию (обычная цель разведывательной работы), но и способствовал саботажу, уничтожению народного имущества, участвовал в подготовке военных заговоров и мятежей против Советского правительства. Будучи официально принят в стране в качестве офицера иностранной, формально дружественной армии, он в действительности вел, как он сам писал, «двойную жизнь». По его словам, он носил то форму британского офицера, то штатскую одежду, посещая своих агентов в различных частях Москвы².

Вполне естественно, Хилл был хорошо осведомлен о планах Рейли—склонить латышских стрелков к восстанию против Советской власти посредством «убеждения», то есть подкупая их. Подобно Локкарту, он тщательно скрывает свою активную роль в осуществлении этих планов, выдавая себя за простого очевидца событий. Однако примечательно то, что после провала заговора, когда Локкарта арестовали, Хилл вынужден был скрываться, но и тогда он не оставлял мысли найти среди латышей «сочувствующих» и направить их тайно в Латвию. В докладе военному министерству он сообщает: «Поскольку мы уже затратили столько денег, имеет смысл потратить еще немного, чтобы спасти хоть что-нибудь из-под руин. Я собрал полдюжины латышей, лично мне известных, и отправил их для организации подрывной антибольшевистской работы в Ригу, Либаву». Эти города были оккупированы немцами, но всесильный капитан Хилл послал их работать не против немцев, а против большевистского подполья³.

Таким образом, делая вид, что сотрудничает с советскими властями и будто бы направляет свою деятельность против Германии, капитан Хилл тоже «играл свою роль» в войне против большевиков «по возможности тихо». Однако советские власти прекрасно были осведомлены о его деятельности, равно как и других агентов. Об этом красноречиво свидетельствует послание Локкарта министерству иностранных дел от 2 февраля 1918 года. «По моему мнению,—пишет он,—

¹ Ullman R. Op. cit., p. 231, 232, 292.

² Go Spy the Land, p. 202.

³ F.O. 371, vol. 3350, p. 43.

даже в настоящее время большевистское правительство не одобряет идею разрыва отношений с Англией. Доказательством этого является его нежелание сделать достоянием гласности наши интриги в этой стране, о которых ему хорошо известно»¹.

Помимо деятельности Хилла и Рейли, следовало бы упомянуть по крайней мере еще одну тайную британскую организацию, действовавшую с первых дней установления Советской власти. Ее членом был капитан военно-морского флота Кроми, оставшийся в британском посольстве на положении исполняющего обязанности военно-морского атташе, когда посол в феврале покинул Петроград. Многие документы, преданные гласности благодаря раскрытию архивов министерства иностранных дел, проясняют некоторые места в книге Локкарта «Мемуары британского агента», в которой повествуется о деятельности тайных британских организаций.

Это, во-первых, телеграмма г-на Линдлея из Петрограда, в которой передается послание капитана Кроми начальнику военно-морской разведки 22 февраля 1918 года. Вот ее текст: «На Балтийском флоте, по всей видимости, не существует эффективного контроля. Я надеюсь организовать уничтожение всех имеющих ценность судов с помощью адмирала Рогворова и адмирала Бачерева». Во-вторых, это телеграмма Локкарта от 25 мая: «Если нам предстоит вмешаться в дела России без согласия большевиков, как это теперь представляется вероятным, то будет абсолютно необходимо уничтожить Балтийский флот. Я несколько раз беседовал по этому вопросу с капитаном Кроми. Как вам известно, он по своей инициативе провел в этом направлении определенную подготовку. Флот должен быть уничтожен почти одновременно с нашим вторжением» (парафировано в министерстве иностранных дел лордом Керзоном, лордом Хардингом и г-ном Бальфуром). Третьим документом является сообщение, посланное из Стокгольма британским посланником 7 сентября 1918 года, в котором говорится, что секретарь американской миссии в России Норман Армур, проезжая через Стокгольм, встретился с ним и сказал, что «три недели назад в Москве Локкарт известил его о том, что ему удалось подкупить латышских стрелков и что этот план известен французскому и американскому консулам и

---

¹ F.O. 371, vol. 3298.

одобрен ими. Ему, Армуру, ничего не известно о намечавшемся на 10 сентября государственном перевороте — заговоре, который, как сообщают большевики, был ими раскрыт. Он этому сообщению не верит. Армур предполагает, что командир латышей решил просто отменить операцию. Что же касается Петрограда, то он видел Кромю за два дня до вторжения в посольство. Армур думает, что захваченные большевиками секретные документы — это составленные Кромю списки русских, намеченных для вербовки, и т. п. Ему не было известно, имеет ли Кромю отношение к планам Локкарта, касающимся латышских стрелков». Интерес представляет также заявление, составленное 3 сентября в министерстве иностранных дел в связи с сообщением об убийстве Кромю, после того как тот застрелил двух красногвардейцев, производивших обыск в здании посольства. В отношении приготовлений Кромю к уничтожению Балтийского флота в заявлении говорилось: «Его деятельность, осуществлявшаяся в течение нескольких месяцев с постоянным риском для жизни, неизбежно должна была привести к сотрудничеству с русскими, враждебно настроенными к большевистскому режиму. Вполне вероятно, что в его планы входило разрушение некоторых мостов, как это утверждают большевики»¹.

Таким образом, и деятельность Кромю, хотя она велась «по возможности тихо», полностью соответствует генеральному плану, составленному г-ном Бальфуром и одобренному военным кабинетом 21 декабря 1917 года в качестве руководства к действию для различных государственных ведомств, непосредственно подчиненных ему.

---

¹ F.O. 371, vol. 3315, телеграмма получена 24 февраля 1918 года; F.O. 371, vol. 3286, телеграмма получена 29 мая 1918 года; F.O. vol. 3336, телеграмма получена 8 сентября 1918 года; F.O. 175, Box 1.

ЧАСТЬ III

10

В той тайной подготовке к свержению Советской республики, включавшей деятельность как внутри страны, так и за ее пределами, Архангельску, с давних пор служившему морскими воротами в Россию, особенно в торговле с Англией, отводилась немаловажная роль.

Возможность подготовить мятеж местного населения была ничтожно мала. На сотни миль к востоку, югу или западу не наблюдалось какого-либо антисоветского движения. Борьба против германского влияния, германской военной угрозы была слишком нелепым предлогом, чтобы обмануть кого-либо. Только человек, живущий за две тысячи миль от этих мест, не знающий географии и одурманенный пропагандой, мог бы принять призывы к борьбе с немцами за чистую монету. В Архангельске даже не было того плацдарма, какой имелся у союзников в Мурманске с 1916 года и который они начали расширять с марта 1918 года. Практически в Архангельске могла быть осуществлена только высадка британских вооруженных сил, и поэтому обсуждение вопроса о вторжении происходило в Лондоне «по возможности» без уведомления британского консула. Его повседневная деятельность и контакты с местным Советом были для министерства иностранных дел, военного министерства, адмиралтейства и других ведомств удобной ширмой для подготовки вторжения.

О радужных планах британских властей относительно устройства жизни на севере России в случае победы над большевиками свидетельствуют послания одного из главных организаторов вторжения. Речь идет о генерал-майоре Пуле, знавшем в определенной степени страну, поскольку ему пришлось работать в царской армии. Он имел также некоторый опыт работы в Архангельске. Перед тем как покинуть Москву в конце февраля 1918 года, он в письме ведомству по борьбе с поставками

противника писал, что в стране «медленно, но верно идет процесс разрушения» и что вскоре произойдет «полный крах». Поэтому важно подготовиться к тому, чтобы захватить инициативу в области торговых отношений с Россией после войны. «Из всех планов, о которых я слышал, больше всего мне нравится тот, в котором предлагается создать Северную федерацию с центром в Архангельске». Далее, полный оптимистических ожиданий, Пуль продолжал: «Для того чтобы прочно утвердиться в Архангельске, вполне достаточно одного военного корабля в гавани. Мы смогли бы получить прибыльные лесные и железнодорожные концессии, не говоря о значении для нас контроля над двумя северными портами»¹.

Однако потребовалось несколько месяцев дискуссий, прежде чем стало возможным предпринять действия, «приблизившие» эту приятную перспективу. Тем временем министерство иностранных дел стало прислушиваться к советам следующего рода:

11 мая 1918 года г-н Линдлей, советник британского посольства, заметил, что французское предложение направить в Россию поверенного в делах кажется ему неуместным, если предполагается военная интервенция в Порт-Артуре. Насколько ему известно, намерение именно таково. «Я верю,—продолжал Линдлей,—что будет сделано все возможное, чтобы отправить какие-нибудь военные силы в Архангельск и тем самым сохранить склады». Таким образом, интервенция с моря в обоих концах России, по крайней мере в его представлении, готовилась по единому плану².

Три дня спустя министерство иностранных дел получило составленное в решительных выражениях письмо ранее упомянутого капитана Алекса Проктора, подписанное им в качестве представителя британской военной миссии поставок в Россию, департамента военных контрактов и ведомства по борьбе с поставками противника. Он призвал к «немедленной вооруженной оккупации Архангельска. Это единственное средство сохранить хоть какое-то влияние союзников на Россию». Оккупация будет способствовать «быстрой» консолидации «лояльных, патриотически настроенных русских». Более того, он утверждал, что его точка зрения была полностью одобрена г-ном Эрнестом

---

¹ F.O. 371, vol. 3318, письмо от 19 января 1918 года.

² F.O. 371, vol. 3299, телеграмма через Стокгольм.

Вильсоном, главой фирмы «Малкольм и К°» — крупнейшей фирмы по Экспорту Пеньки и Конопля из России (прописные буквы г-на Проктора). В годы войны Вильсон возглавлял комитет военного министерства по Закупке Пеньки в России¹. В общей сложности он провел в России двадцать лет. В этом письме он называет Локкарта, все еще возражавшего против вооруженной интервенции, «простофилей». Несколько дней спустя в беседе в министерстве иностранных дел, снова настаивая на интервенции, Проктор заявил, что Локкарт «либо дурак, либо изменник» и что он бы его повесил². Раздражение Проктора было вызвано тем, что Локкарт предлагал какие-то формы сотрудничества с Советским правительством по реорганизации вооруженных сил, которые, как он предполагал, конечно, будут вовлечены в войну против немцев.

Замыслы относительно вторжения в Архангельск, очевидно, строились не одним Проктором³.

Керзон в одном из документов писал: «Большинство наших советников придерживается мнения о том, что создание нового государства или армии в России на развалинах большевизма представляет собой фантастическую мечту. Между тем у нас есть генерал Пуль, советующий оккупировать Мурманск и Архангельск⁴.

Кроме того, адмирал Кемп в Мурманске еще в начале месяца настаивал на оккупации этого города, и, хотя военный совет принял решение не посылать туда войска, адмирал нашел простой выход из положения. Он высадил на побережье 120 британских моряков, что, как заявил министерству иностранных дел американский представитель в Лондоне, «вызвало удивление»⁵.

Кемп потребовал полномочий на опубликование декларации о том, что британское правительство не имеет намерений оккупировать Мурманский край. Это требование вызвало ряд комментариев в министерстве иностранных дел, которые в некоторой степени выявили истинные цели союзников. «Невозможно опубликовать четкую декларацию, не связав себе руки»

---

¹ F.O. 371, vol. 3290, письмо от 14 марта 1918 года.

² F.O. 371, vol. 3305, запись беседы от 19 марта 1918 года.

³ F.O. 371, vol. 3283, протокол от 21 марта 1918 года.

⁴ Ibid., меморандум от 26 марта 1918 года.

⁵ F.O. 371, vol. 3307, документы, датированные 2, 26 и 28 марта 1918 года.

(Е. Х. Карр); «Практически невозможно сформулировать декларацию... Надо проводить ту же линию и в отношении Архангельска. С декларацией не выступать вообще» (сэр Р. Грэм). Тогда Кемп потребовал полномочий, чтобы официально заявить, что Великобритания не собирается аннексировать какую-либо часть Мурманского округа и впредь будет способствовать сохранению независимости Мурманска от Москвы. Он получил такие полномочия, после чего вручил составленное им заявление Мурманскому совету, которое было «хорошо воспринято»¹. Вспомним, что подобная же двусмысленная декларация была опубликована несколькими днями позже в Архангельске.

Тем временем военный кабинет уже одобрил послание лорду Ридингу (британскому послу в Вашингтоне), в котором говорилось о «большой опасности, существующей в связи с возможной победой Германии над Россией, и о необходимости присутствия сил союзников в таких портах, как Мурманск, Архангельск и Владивосток»². К этому времени прошло уже десять дней, как японцы вторглись во Владивосток, и, очевидно, Локкарт решил изменить свое прежнее отрицательное отношение к интервенции. 4 мая он телеграфировал из Москвы, что «для немедленной интервенции в Мурманске, Архангельске и на Дальнем Востоке должно быть затрачено максимум сил. Если мы захватим Архангельск, то получим поддержку от «русских» (т. е. антибольшевистских кругов). Реакция министерства иностранных дел на это была довольно сдержанной. Пока что Англия не могла выделить значительных сил для интервенции. Период с марта по май был временной интерлюдией между двумя фазами крупного германского наступления на Западном фронте. «Я очень сомневаюсь в возможности военных операций крупного масштаба в Мурманске или Архангельске», — прокомментировал предложение Локкарта Керзон, а лорд Хардинг, его бессменный помощник, писал о «невозможности предоставить войска для Мурманска и Архангельска»³. Вот почему они прежде всего стремились заставить Локкарта заполучить от Советского

---

¹ Ibid., телеграмма Кемпа от 31 марта, комментарии министерства иностранных дел от 21 апреля и последующие телеграммы Кемпа от 15 и 25 апреля.

² F.O. 371, vol. 3307, протокольная запись от 15 апреля 1918 года.

³ Ibid., телеграмма, полученная от Локкарта 6 мая 1918 года.

правительства «открытое приглашение вмешаться и защитить Россию и русских от Германии». Но он в своем ответе настаивал на интервенции, поскольку «теперь всем станет ясно, и в первую очередь самим большевикам, что, согласившись на вмешательство, они подпишут собственный смертный приговор»¹. Учитывая события, разворачивающиеся на Дальнем Востоке и на Дону, нельзя было и думать о таком «приглашении».

Ввиду этого военный кабинет предпринял решающий шаг. Один из документов министерства иностранных дел от 11 мая 1918 года гласил:

- «1. Генералу Пулю надлежит немедленно отправиться в Россию с тем, чтобы представить военному кабинету предложения о всех необходимых мерах, кои следует принять в связи с нашей интервенцией в России.
2. Все офицеры и военнослужащие сержантского состава должны быть привлечены для помощи ему в деле организации чехословацких и иных сил вторжения в Архангельск и Мурманск.
3. Первый лорд адмиралтейства посылает 200 солдат морской пехоты для обороны Архангельска, а военное министерство посылает снаряжение и продовольствие, необходимые генералу Пулю для осуществления целей своей миссии.
4. Генералу Пулю следует определить, как далеко мог бы он продвинуться в направлении на Вологду, полагаясь на силы, имеющиеся в его распоряжении, продолжая удерживать и прикрывать свои позиции в Мурманске и Архангельске.
5. В нашей недавней переписке мы уделили чрезмерно большое внимание стремлению получить приглашение от большевистского правительства вмешаться»².

Пункты относительно чехословаков и «продвижения в сторону Вологды» отражают, конечно, распрстраненные среди британских властей заблуждения о слабости сопротивления, которое могут оказать большевики. Что касается пункта в документе об Архангельске, то это был призыв к действиям. Президент Вильсон в беседе с британским послом 22 мая, считая по-

---

¹ Ibid., телеграмма министерства иностранных дел от 8 мая 1918 года и ответ Локкарта от 9 мая, полученный 13 мая 1918 года.

² F.O. 371, vol. 4519. Решение военного кабинета «Интервенция в России» от 20 мая 1918 года. См.: Kennan G. F. Op. cit., p. 263.

прежнему, что момент для интервенции в Сибири еще не настал, «отметил, что интервенция в Сибири и интервенция в целях защиты Мурманска и Архангельска — разные вещи». Лорд Ридинг «не стал развивать эту тему»¹.

23 мая «военный кабинет распорядился послать в Северную Россию военную миссию «учебного» характера и небольшой экспедиционный корпус. Экспедиционный корпус ... должен был помочь защитить район Мурманска от предполагаемого наступления белофинов и немцев. Миссия, состоящая из 560 офицеров и военнослужащих других рангов, отобранных из всех родов войск и служб, должна была сопровождать экспедиционный корпус и проследовать в Архангельск для обучения и экипировки чешских частей, которые якобы следовали туда, а также антибольшевистски настроенных русских, которые, как предполагалось, вступят добровольцами в корпус. Оба британских контингента должны были находиться под командованием генерал-майора Пуля»².

В плане подготовки к вторжению в Архангельск оставалось разработать только детали. К этому плану имеет непосредственное отношение решение Верховного военного совета союзников в Версале от 3 июня, которое фактически подтверждало пункты документа, принятые британским военным кабинетом. Согласно этому решению, следовало выделить от «четырёх до шести британских, французских, американских или итальянских батальонов для оккупации Мурманска и Архангельска»³. Вдохновители интервенции вроде Локкарта и Уордропа в Москве, Кроми и Вудхауза в Петрограде настаивали на отправке крупных сил. Однако лондонские власти отдавали себе отчет в том, что о посылке очень крупной экспедиции («по меньшей мере две дивизии», как этого потребовал Локкарт 21 июня) не могло быть и речи.

Не разбирая подробно вопрос о численности сил вторжений, который муссировался в Лондоне, отметим, что к началу июня 1918 года общая директива военного

---

¹ F.O. 371, vol. 4519, телеграмма из Вашингтона, полученная 24 мая 1918 года.

² Ullman R. Op. cit., p. 172—173.

³ F.O. 371, vol. 3286, меморандум министерства финансов от 8 июня 1918 года, обобщающий решения Верховного военного совета.

кабинета от 21 декабря 1917 года в конце концов начала активно осуществляться в Архангельске. Высадка британских, французских и американских войск, которая откладывалась один или два раза, но все-таки началась 2 августа, была предопределена. Она произошла несмотря на обоснованный протест Феликса Коула, вице-консула США в Архангельске, направленный 1 июля своему начальству. Дуглас Янг был солидарен в этом вопросе со своим коллегой и другом Коулом¹.

Приложение к главе 10

В Москве в то время находилась французская военная миссия, которую возглавлял полковник, впоследствии генерал Лавернь. Один из членов его миссии, лейтенант Пьер Паскаль, двадцатипятилетний выпускник военного училища, занимался сбором информации в России. Он вел ежедневную запись сведений, которые ему удавалось почерпнуть из различных источников, включая секретные телеграммы. Эти телеграммы ему приходилось зашифровывать и расшифровывать. Во время событий, упоминаемых ниже, французский посол Нуланс находился в Финляндии, но миссия держала с ним постоянную связь. Приводим три записи в дневнике Паскаля, сделанные после ратификации советско-германского мирного договора, заключенного в Брест-Литовске:

«20 марта 1918 года. Безумный план посла: оккупация Архангельска, Мурманска, Вологды, использование чехов и создание нового правительства».

«21 марта 1918 года. В 4 часа пополудни телеграмма (из Франции) в ответ на «грандиозный» план посла о мероприятиях в связи с оккупацией Архангельска и Мурманска и высадкой дивизии. Ему дается совет не

---

¹ Послание Коула изложено в книге: Kennan G. F. Op. cit., p. 363—364. Коул пишет, что Север России «никогда не проявлял особенно горячих просоюзнических чувств», «что интервенция не может рассчитывать на активную поддержку со стороны русских», а политические группы, выступающие за интервенцию — эсеры, меньшевики и кадеты — дискредитировали себя и теперь стремятся вернуть власть. Он отмечал также, что общественное мнение России «будут определять не они, а большевистские руководители». По его мнению, «интервенция оттолкнет тысячи антигермански настроенных большевиков», и разоблачит лживость наших обещаний, данных русскому народу».

искать соглашения с Советским правительством, а действовать по своему усмотрению».

Позже Париж соглашается отрядить 40 офицеров для помощи в строительстве новой Красной Армии.

7 апреля 1918 года пришла телеграмма из Парижа: «Не содействуйте русской армии. Она станет угрозой общественному строю в целом и может оказать сопротивление Японии».

Паскаль записал: «Увы, это правда: из ненависти к социализму мы продаем Россию Японии. В эти дни мне стыдно, что я француз»¹.

11

Янг оставался в неведении относительно позиции военного кабинета, изложенной в телеграмме в Вашингтон 15 апреля, и о решении военного кабинета от 11 мая. Он не был также извещен о решении Верховного военного совета союзников от 3 июня. Однако, как мы видели выше, в апреле он дважды предупредил министерство иностранных дел о том, что Архангельский совет вполне осознает грозящую ему опасность со стороны союзников. Напряжение в городе было столь велико, что 29 апреля он просил дать заверения в том, что ни агрессия, ни оккупация не предполагаются. Министерство иностранных дел уполномочило его выступить с тем же самым двусмысленным заявлением, которое сделал ранее адмирал Кемп в Мурманске. Это заявление было опубликовано в архангельской прессе за подписью Янга.

Тем не менее сообщения, встревожившие Коула, были известны и Янгу. Кроме того, из писем Локкарта генералу Пулю, которые шли через Архангельск, было видно, что теперь и Локкарт настаивает на вторжении. Как явствует из более поздних записей Янга, ему пришлось снабдить пятерых американцев, занятых изготовлением пресловутых «документов Сиссона» (фальшивок, которые должны были доказать, что большевики являются германскими агентами), поддельными удостоверениями «британских моряков», чтобы они могли отбыть из Архангельска на английском судне. Опасения

---

¹ Pascal P. Mon Journal de Russie, 1916—1918. Lausanne, 1975, p. 265, 270.

Янга росли, а письма от генерала Пуля из Мурманска никак не способствовали спокойствию консула. Когда французский консул вернулся из Вологды, где находился посол Франции, Янг спросил у него: неужели правительства союзников настолько безрассудны, что начнут вооруженное вторжение? Французский консул ответил, что вторжение наверняка будет осуществлено. Он сказал: «Я в этом совершенно уверен».

После этой беседы 6 июня 1918 года Янг послал следующую телеграмму в министерство иностранных дел: «Срочно. В Архангельске ходят слухи о готовящейся в ближайшее время широкой интервенции союзников. Такая политика, по-видимому, находит полное одобрение недавно прибывшего французского консула и военной миссии».

Учитывая формальные заверения представителей союзников в Мурманске, повторенные им здесь с санкции министерства иностранных дел, Янг до сих пор опровергал эти слухи.

«Теперь, однако,—пишет он,—я получил от генерала Пуля задание расквартировать в Архангельске 600 военнослужащих офицерского состава. Создается впечатление об активной подготовке к вторжению, что подтверждается целым рядом косвенных сведений».

Янг пишет, что он, не имея никакого представления «о характере и масштабе предполагаемых операций и о выгодах, которые правительство Его Величества надеется из них извлечь», не может высказать определенно мнения о последствиях интервенции. «Я хотел бы, однако, выразить свое убеждение,—сообщает Янг в Лондон,—что любые преждевременные военные действия, произведенные без согласия местных властей, связаны с серьезным риском. Не принеся каких-либо значительных долговременных выгод, они даже в случае первоначального успеха могут поставить правительство Его Величества в условия все возрастающих обязательств, от которых оно будет не в состоянии освободиться, не скомпрометировав себя и не уронив своего престижа». Он не возражал против прибытия крейсеров, но только в качестве «пассивной силы». Одно лишь присутствие крейсеров, по мнению Янга, позволит «местным группам, дружественным нам, заявить о себе».

Следовательно, Янг пока еще никоим образом не исключал возможность военного вмешательства, но не

хотел, чтобы оно было «преждевременным». Он считал, что можно заручиться согласием местных властей на такое же «вмешательство», как и в Мурманске, и что «пассивное присутствие» британских военных судов поощрит «антибольшевистские» силы.

В бумагах министерства иностранных дел, подписанных лордом Керзоном, было сказано, что Янг, по-видимому, «придает слишком большое значение» предшествовавшей переписке с ним. Ответ, посланный ему 12 июня, гласил: «У нас нет намерений предпринимать «преждевременные военные действия», однако для союзников очень важно держать Мурманск и Архангельск открытыми и предпринять все меры предосторожности, чтобы сохранить доступ в эти порты. Большое число офицеров направляются на север России, чтобы занять чешскими войсковыми частями. Гарантии, данные в моей телеграмме, о невмешательстве в дела русских и отсутствии у нас аннексионистских целей, разумеется, остаются в силе»¹.

Янг, конечно, не знал, что в то время не могло быть и речи о прибытии чехов в Архангельск. Однако ему было известно о тяжелых боях на Западном фронте. В письмах Янг требовал «полностью информировать его о планах правительства Его Величества в отношении Архангельска и России в целом». Он продолжал: «Согласно вашему прежнему заявлению, Британия отвергает аннексионистскую политику и не собирается вмешиваться во внутренние дела России. Вы дали соответствующие гарантии. В то же время письма, направляемые Локкартом генералу Пулю, свидетельствуют о том, что вопрос о широкой интервенции уже почти решен. Эта политика несовместима с предыдущей и в случае ее осуществления вопреки данным нами гарантиям подорвет доверие к вашим обещаниям.

Необъяснимая задержка генерала Пуля на несколько недель в Мурманске вызывает недоумение. Необычайная таинственность, окружающая его прибытие, проезд царских офицеров из Москвы в Архангельск, по-видимому с тем, чтобы присоединиться к британским экспедиционным силам, нелепые слухи, подозрения и напряженность—все это, вместе взятое, может привести к отрицательным последствиям.

---

¹ Этот обмен посланиями содержится в F.O. 371, vol. 3286, p. 161—162, 164.

... Им (очевидно, военным кораблям.— Э.Р.) следует пока находиться в отдалении: из Мурманска в Архангельск при необходимости они всегда успеют прибыть. Может быть, сделать политическое заявление для разрядки напряженной атмосферы? Было бы желательно, чтобы г-н Линдлей срочно прибыл сюда на торговом судне. Это произвело бы хорошее впечатление. Его миссия может оказаться запоздалой, но она по крайней мере не причинит вреда»¹.

Вслед за этой телеграммой в тот же день Янг послал еще одну, весьма срочную, в которой сообщал, что председатель Архангельского губернского исполнительного комитета потребовал немедленно вывести из Архангельского порта все британские военные суда. Появление иностранных военных судов в Архангельске, будет, согласно определению председателя губисполкома, «рассматриваться как начало активных действий, которые повлекут за собой самые серьезные последствия». Янг сказал председателю, что передал это требование в Лондон и ждет указаний².

Отчаянные попытки Янга предотвратить военное вторжение вызвали в министерстве иностранных дел сильное замешательство. В одном из архивных документов читаем: «Я разделяю позицию г-на Янга. Действительно, мы должны решить окончательно, будет ли предпринята попытка захватить Архангельск. Нам следует попытаться объяснить г-ну Янгу, каково направление нашей политики». Это могло означать: «В данное время наша задача в Архангельске состоит в охране складов союзников и «в подготовке условий для возможной интервенции более активного характера», виды на которую будут зависеть от того, а) какие вооруженные силы мы сами сможем выделить; б) какое число русских и иностранных подданных окажет нам поддержку; с) от состояния общественного мнения как в отдельных районах, так и вообще в России». Население Архангельска, казалось в Лондоне, было «несколько возбуждено». Полагали, что Янгу следует опубликовать «успокоительное коммюнике». В нем, помимо повторения прежних заверений, данных 4 мая, должно быть заявлено о том, что союзники не будут действовать против России или какой-либо партии, они только

---

¹ F.O. 371, vol. 3305, p. 501—502, 504—506.

² F.O. 371, vol. 3305, p. 497.

постараются «усилить Россию и помочь в борьбе с врагом».

Пожелания «усилить Россию и помочь в борьбе с врагом», а также стремление укрепить местные Советы жители Архангельска вряд ли могли принять на веру. Они уже знали, как «усиливают» страну интервенты на Дальнем Востоке, как «помогают» казацьи генералы на Дону «укреплять» Советы. Опубликование такого «успокоительного коммюнике» явно било бы мимо цели. Это прекрасно понимали и лорд Сесил, и лорд Керзон, поэтому сама идея о «коммюнике» была ими деликатно отклонена. Они посоветовали Янгу дожидаться Линдлея, выслушать его мнение и, кроме того, просить начальника военной разведки, чтобы он обратился к генералу Пулю с просьбой «сосредоточить в Мурманске 1500 солдат». Лорд Хардинг и г-н Бальфур считали, как явствует из материалов архива, что г-н Янг, «повидимому, в данный момент находится в возбужденном состоянии, отчасти потому, что мы недостаточно ясно объяснили ему нашу позицию». В Лондоне казалось, что Линдлей сможет «правильно сориентировать его» и что ему следует дать «некоторые пояснения, как это предлагалось выше»¹.

Все эти мудрые замечания изложены в бумагах министерства, датированных 24 июня. Однако на другой же день, до отправки Янгу письма, пришла телеграмма от Линдлея из Мурманска, которая, очевидно, подействовала на начальство консула как холодный душ. Линдлей писал, что согласен с Янгом. По его мнению, следовало «учесть обстановку в Архангельске и не слишком полагаться на те малые силы, выделенные для оккупации города, то есть на 300 человек. Лучше отложить военную оккупацию до прибытия в Мурманск дополнительных воинских частей. В случае, если наша попытка высадиться окажется неудачной или мы будем изгнаны вскоре после начала оккупации, то мы потеряем всех наших сторонников в России и уже не сможем вернуть утраченные позиции».

В тот же вечер Линдлей отправил в Лондон еще одну телеграмму: «На совещании этим утром у первого лорда адмиралтейства было решено отложить военную оккупацию Архангельска до тех пор, пока не прибудет подкрепление и обстановка в городе не прояснится». Один из сотрудников министерства иностранных дел

---

¹ F.O. 371, vol. 3305, p. 497, 501—502, 504—506.

прокомментировал ее: «Нам следует информировать г-на Янга об этом решении и на время несколько успокоить его. Я боюсь, что мы не сможем дать ему каких-либо четких указаний относительно нашей будущей политики»¹.

В ожидании «прояснения» обстановки в Архангельске (по всей вероятности, имелось в виду планируемое восстание) Янг оказался свидетелем нескольких весьма неприятных событий.

Одно из них было связано с выходом из порта британского вооруженного ледокола «Александр». Адмирал Кемп докладывал впоследствии, что это было сделано из-за «враждебных маневров русских судов в порту и «действий полевых батарей на берегу»². Дуглас Янг писал в своих воспоминаниях: «Я выступил в роли официального лица, принимавшего непосредственное участие в разборе вышеупомянутого «инцидента». Вот мой отчет о том, что я видел и слышал.

Французская военная миссия отправила в Архангельск небольшой отряд сербских и итальянских солдат, чтобы использовать их в предполагаемом антибольшевистском «восстании». Высказывания, которые позволили себе сербские офицеры, были настолько неосторожными, а их поведение на людях настолько нескромным, что большевики не могли не почувствовать недоброе. Поздно ночью 1 июля я получил достоверную информацию из дружественных нам русских источников, что советские власти намереваются следующим утром разоружить сербских и итальянских солдат. Чтобы «Александр» не успел прийти им на помощь, предполагалось во время операции по разоружению создать между английским ледоколом и берегом «заслон». В качестве такого «заслона» советские власти хотели использовать русский ледокол «Святогор» и несколько вооруженных траулеров. Я сумел передать информацию капитану «Александера», поскольку было нежелательно, чтобы его команда высадилась на берег. На следующее утро меня пригласили явиться в Исполнительный комитет. Я нашел там своего французского коллегу. Нам в весьма вежливой форме было сообщено то, что я уже слышал накануне. Французский консул

---

¹ Ф.О. 371, vol. 3319, телеграммы, полученные 25 и 27 апреля 1918 года.

² Ullman R. Op. cit., p. 181—182.

повел себя грубо и вызывающе. Он стал угрожать членам комитета, что каждый из них в отдельности будет привлечен к ответственности за свои действия. Несмотря на неоднократные предложения изложить причины своего недовольства в письменном виде, он сделать это отказался. Разоружение сербов и итальянцев произошло в полдень, без инцидентов и очень спокойно.

Вечером меня посетил командир «Александера». Он был крайне взволнован. По его словам, этим утром «Святогор» поднялся вверх по реке и встал в устье одного из рукавов реки перед нашим ледоколом. Позже стало известно, что «Святогор» попросту сел на мель и был вынужден ждать прилива, чтобы сняться с мели. Затем русский ледокол поднялся выше по течению, при этом его капитан, проходя мимо «Александера», дружески помахал ему рукой. «Святогор» стал на якорь возле траулеров, как и предполагалось. Капитан «Александера» вбил себе в голову, что на него собираются напасть и разоружить, поэтому он тайно передал приказ на английское торговое судно «Эгба», стоявшее в порту, двигаться по направлению к Маймаксе и высадиться там на берег. Сам он решил удрать в Белое море. Английский капитан насмерть перепугался, но решил не подавать виду. О всем происходящем в России он имел весьма смутные представления. Переубедить его в том, что советские власти не собираются действовать против него, было невозможно. Он ничего не хотел слушать и требовал, чтобы я немедленно отправился с ним в Исполнительный комитет просить о разрешении отплыть с миром восвояси.

Я напомнил ему, что несколько недель назад мы отказались вывести корабли из порта, когда об этом просили советские власти. Теперь же мы поставим себя и британское правительство в унижительное положение. Он не дал себя уговорить. Идти на осуществление его плана, продиктованного паникой, значило бы стать посмешищем жителей Архангельска. Не следовало поддаваться подобным настроениям в тот момент, когда нам было особенно важно поддержать свой престиж. Все взвесив, я решил пойти с ним в Исполком, где я изложил просьбу капитана с максимальной деликатностью, на какую был способен. Как я и предполагал, заместитель председателя вначале улыбнулся, а затем заверил нас в том, что у советских властей нет никаких намерений нападать на «Александера». В свою очередь

я пообещал, что «Александр» не нападет на «Святого-ра».

Британский капитан, в общем очень славный парень, понял, что он приписал советским властям то, о чем они и не помышляли. Капитан торгового судна «Эгба» Миллсон, чье хладнокровие и здравый смысл не раз способствовали благополучному разрешению конфликтов, явился в консульство утром, чтобы выяснить, что происходит. Он получил сигнал с «Александера» привести оружие на борту в боевую готовность. (Этот сигнал был по недоразумению передан обычной морзянкой. Его прочел и сообщил в консульство британский гражданин, случайно находившийся в порту. Сколько матросов-большевиков расшифровали его, я не знаю.) Когда Миллсону все объяснили, он заявил в свойственной ему манере, что «будь он проклят, если примет участие в подобной глупости». Он покинул консульство совершенно успокоенный и наблюдал, как развиваются события, сидя на скамейке на набережной и покуривая.

Вот в чем суть этого инцидента. Что все было именно так, могут подтвердить и другие люди. Я думаю, что командир «Александера» вряд ли доложил в подробностях старшему военно-морскому офицеру в Мурманске, как все происходило, поскольку в противном случае он выглядел бы смешно.

О встрече британского и французского консулов с руководителями Архангельского совета Янг пишет мало. Один советский историк, специалист по вопросам интервенции на севере, описал эту встречу. Он отмечает, что Янг вел себя во время беседы «значительно корректней» французского консула¹. Среди бумаг Янга имеется официальная протокольная запись беседы, посланная обоим иностранным консулам. Этот документ дает возможность судить об отношениях между официальными лицами союзников и представителями Советской власти. Поведение самого Янга во время встречи было спокойным и достойным. В этой записи изложено объяснение Виноградова, заместителя председателя Архангельского губисполкома, почему было принято решение о разоружении сербских солдат и их высылке вместе с итальянцами из Архангельска. «Г-на французского консула» спросили, согласен ли он дать солдатам указание не сопротивляться при разоруже-

¹ Кедров М. С. За Советский Север. М., 1927, с. 51—52.

нии? На что французский консул заявил следующее: «Сделанное сейчас заявление я расцениваю как проявление недоверия к моей стране, тем более оскорбительное и неоправданное, что мы—братья по оружию. Поскольку ваши указания расходятся с распоряжениями центрального правительства, мне неясно, подчиняетесь вы ему или нет? Исходя из вашего заявления, должен ли я заключить, что вы не подчиняетесь правительству? Кроме того, я хочу спросить, где ваше хваленое русское гостеприимство! Вы отправляете обратно беззащитных и измученных людей, жаждущих вернуться в свою родную страну, и обрекаете их тем самым на новые страдания! Я уверен, что вы гуманные люди и руководствуетесь в своих действиях добрыми чувствами, и думаю, что вы поможете им вернуться на родину. Я полагаю, что если вы разрешаете Мирбаху (посол Германии в Советской России, назначенный после заключения Брестского мирного договора.— Э. Р.) прибыть в Москву, то вы также разрешите тем людям, которые находятся под моей защитой, покинуть вашу страну. Они не представляют для вас опасности, ведь правительства союзников не намерены призывать вас к порядку с их помощью. Я могу сказать и от имени моего британского коллеги, что мы не хотим устанавливать здесь наши законы. В заключение я уполномочен заявить от имени моего правительства следующее: разоружение солдат, находящихся под моей защитой, я считаю необходимым, однако при соблюдении условий, изложенных в телеграмме, полученной вами от вашего правительства: сданное оружие должно храниться у офицеров. Однако если вопреки моим ожиданиям вы примените насилие, то предстанете перед судом Чрезвычайного союзного трибунала, судящего по законам военного времени.

Товарищ Виноградов задает вопрос: следует ли, г-н консул, заключить из вашего заявления, что вы не рассматриваете нас как законную власть? Г-н консул отвечает: наше правительство не признает ваше правительство, поэтому мы не можем относиться к вам, как вы того требуете.

Товарищ Виноградов спрашивает: когда вы говорите о трибунале, имеете ли вы в виду международный суд? Г-н консул отвечает: да, и такой суд, но и суд по французским законам.

Товарищ Виноградов говорит: после уничтожения армян в Турецкой Армении правительства союзников,

включая правительство России, официально заявили, что представители турецких властей ответят за свои действия по законам каждой из тех стран, от имени которых это заявление было сделано турецкому правительству. Не является ли, г-н французский консул, ваша теперешняя позиция аналогичной той, которую заняли правительства союзников по отношению к турецкому правительству? Г-н консул признает, что эти позиции аналогичны.

На вопрос, будут ли Виноградов и Попов судимы и каким судом, г-н консул отвечает: Попова и Виноградова будут судить исходя из политической ситуации, причем дело каждого будет рассматриваться индивидуально.

От имени Губернского исполнительного комитета товарищ Виноградов заявляет: вынося решения, г-н французский консул, мы руководствуемся интересами государства, и никакие угрозы о личной ответственности не могут повлиять на решения революционеров.

Мы не боимся ответственности за наше государство. Мы как революционные власти не собираемся проявить жестокость по отношению к лицам, находящимся под вашей защитой и являющимся представителями итальянской и сербской бедноты. Но, если в интересах государства потребуется применить самые решительные меры, мы без колебаний применим их. Никто не собирается отправлять людей, находящихся под вашей защитой, на территорию, оккупированную немцами. Речь идет о другой части Российской Советской Федеративной Республики, откуда они прибыли. От имени Губернского исполнительного комитета я решительно настаиваю на разоружении лиц, находящихся под вашей защитой, и на их немедленной эвакуации из Архангельска.

Неподчинение решению Губернского исполнительного комитета может привести к самым тяжким последствиям, вся ответственность за которые ляжет на вас.

Г-н французский консул задает вопрос, значит ли это, что Архангельск не является больше открытым портом для французских судов.

Товарищ Виноградов разъясняет, что с введением военного положения в Архангельске и прилегающих к нему районах свободный доступ в порт воспрещается. Суда смогут войти в него лишь по специальному разрешению комиссара.

Товарищ Виноградов не советует терять времени и еще раз спрашивает г-на французского консула, дает ли он указание людям, находящимся под его защитой, безоговорочно подчиняться архангельским властям. Г-н французский консул встает и заявляет, что он не может дать никаких указаний. Со словами «пусть случится то, что должно случиться» он уходит.

Товарищ Виноградов приносит извинения британскому консулу и говорит, что его пригласили потому, что Губернский исполнительный комитет убежден, что решения французского и британского правительств одинаковы. Он спрашивает, согласен ли г-н британский консул с заявлением г-на французского консула.

Г-н Дуглас Янг говорит, что не имеет полномочий от своего правительства решать данный вопрос, но предполагает, что его правительство, возможно, согласно с правительством Франции. Затем г-н британский консул задает вопрос о дальнейшей судьбе британских подданных, проживающих в городе Архангельске. Они не знают, что их ожидает в будущем, и очень беспокоятся.

Товарищ Виноградов заявляет, что предполагается освободить город от всех, чье присутствие не является необходимым. Было решено начать с эвакуации сербов и итальянцев, затем последует эвакуация всех гражданских лиц, находящихся в Архангельске.

Подписано: Степан Попов, председатель; Виноградов и Ян Озолин, члены коллегии; Пластинина, секретарь»¹.

---

¹ Протокольная запись этой весьма интересной беседы, подписанная Пластининой, датирована 2 июля 1918 года. Следует отметить, что ее содержание изложено в работе «Борьба за Советы на Севере. 1918—1919 годы», опубликованной в Архангельске в 1926 году. Источником, на основании которого она была воспроизведена, являлась газетная заметка, в которой говорилось, будто бы Янг поддерживал пустые угрозы своего французского коллеги. Это утверждение несправедливо.

В собственном отчете, продиктованном стенографу в ноябре 1919 года, Янг сообщает, что «Виноградов прямо спросил французского консула, неужели он серьезно предполагает запугать большевиков своими угрозами? Ведь они подвергались в царских тюрьмах произволу, провокациям. Они ничего не боятся». Янг (как и Кедров в своей книге) отметил: «Пластинина, профессиональная революционерка с 1904 года, спросила французского консула, подпишет ли он составленный ею протокол? Он отказался, тогда она попросила его, чтобы он сам записал все, что говорил. Он обещал это сделать по возвращении в консульство, но так этого и не сделал!»

Янг осветил в своем неопубликованном дневнике также и содержание бесед адмирала Кемпа с заместителем председателя Архангельского совета Павлином Виноградовым, на которые советские власти приглашали Янга как официальное лицо. Все эти встречи проходили вполне миролюбиво. «Обе стороны были учтивы друг к другу. Из справедливости к советским официальным лицам следует признать, что они были более искренни, откровенны и относились более ответственно к своим делам, чем недоброжелательные чиновники дореволюционных времен, дававшие на все вопросы уклончивые ответы», — записал Янг.

1 июля Кемп отослал британский крейсер «Аттен-тив» из Мурманска в Кемь, город на Белом море, чтобы поддержать британские войска, двигавшиеся в это время к городу.

Янг писал: «Во время своей первой беседы 5 июля с заместителем председателя Совета адмирал Кемп откровенно заявил о цели прибытия сил союзников в район Архангельска. По его словам, союзники опасаются возможного наступления немцев и белофиннов и не собираются действовать против большевиков. Заместитель председателя исключительно умело подверг Кемпа допросу и добился от него вполне определенного заверения в том, что во время его отсутствия в Мурманске не будет никаких передвижений военных судов союзников. Заверения Кемпа оставили у советских властей впечатление полной искренности. На следующее утро заместитель председателя позвонил мне и пригласил к себе. Он сообщил, что на основании его доклада Исполнительному комитету о беседе с Кемпом, состоявшейся накануне, было решено пойти навстречу представителям союзников в вопросе, который до сего времени не удавалось разрешить. Речь шла о беженцах, желавших покинуть Мурманск. Для этого было необходимо, чтобы советские власти предоставили морской транспорт. Такой транспорт они могли выделить при условии, что англичане в качестве платы передадут населению Архангельска продовольствие, с которым прибыли два транспортных судна. На это продовольствие ранее предполагалось обменять военные запасы на складах. Суда стояли в порту неразгруженными уже более двух месяцев.

Вопрос об обмене продовольствия на транспортные суда уже обсуждался на совещании британских «экспертов» — представителей дипломатических, торговых

кругов, а также военно-морских сил. Ввиду того что ни вновь прибывший дипломатический представитель (г-н Линдлей.— Э. Р.), ни глава экономической миссии (сэр Вильям Кларк, чиновник министерства внешней торговли.— Э. Р.)¹ не знали ни слова по-русски, британскую сторону на переговорах представлял г-н Лесли Уркварт (которому принадлежали при царе большие горнорудные концессии в Сибири.— Э. Р.). Гонор и пренебрежение, с которыми вел переговоры Лесли Уркварт, привели к тому, что уже через пять минут советские представители покинули совещание.

При этом британский представитель в довольно напыщенной форме заявил, что общественное мнение в Англии не потерпит, как он выразился, чтобы британские граждане стали предметом сделки, и потребовал немедленной отправки подданных Британии.

В результате дело после отъезда дипломатической миссии пребывало на мертвой точке. Теперь этот вопрос, к нашему удовлетворению, был решен. Заместитель председателя просил рассмотреть их просьбу об обмене по существу. Справедливость требует признать, что простой моряк в данном случае превзошел профессиональных дипломатов в методах ведения переговоров.

В одной из бесед заместитель председателя так сумел выпросить Кемпа, что любой ловкий лондонский адвокат позавидовал бы ему. Он, вероятно, узнал что-то тревожное, а в ходе расспросов стало ясно, что он полностью осведомлен о передвижениях военных кораблей союзников. Получив еще раз заверение в том, что ни одно судно не двинется с места без разрешения Кемпа, он составил с его слов список судов, находящихся на военно-морской базе в Белом море. Адмирал перечислил все суда, за исключением крейсера «Аттендив». Однако заместителя председателя было трудно провести. Адмирал понял, что не следует что-либо утаивать или кривить душой, поэтому он повторил, что «Аттендив» был послан в Белое море прикрыть действия сухопутных сил против немцев и финнов. На вопрос Виноградова, не направляется ли крейсер в порт Онега на востоке (десант, выброшенный в этом месте, мог бы перерезать железнодорожную линию между Архангельском и Вологдой), адмирал, подобно Питеру

---

¹ Миссия провела в Москве ровно два дня и уехала в Англию (Ullman R. Op. cit., p. 232—233).

(из сказки Барроу о Питере Пэне), ответил троекратным отрицанием. Он добавил при этом, что «не может отвечать за Архангельск». Это заявление не удивило заместителя председателя.

Отношения между адмиралом и Виноградовым стали настолько доброжелательными, что в один прекрасный день Кемп неожиданно выпалил: «Я думаю, что Британии следовало бы признать Советское правительство» — и, быстро повернувшись ко мне, добавил: — «Вы согласны со мной, консул?» Из уважения к истине я должен признать, что над этим вопросом адмирал Кемп задумался намного раньше меня. Он скрывал свои политические взгляды, поэтому я был так ошеломлен, что пробормотал что-то нечленораздельное».

17 июля Янг сообщает о резком изменении обстановки. Он телеграфирует в Лондон: «С 11 июля телеграммы из Мурманска и прилегающих к нему районов перестали поступать, связь прервана. По заслуживающим доверия сведениям, англичане в Кемском уезде захватили русские суда и расстреляли трех членов Кемского совета. Адмирал Кемп и представители Архангельского совета выехали на расследование. Крейсер «Александр» отплыл в Мурманск 12 июля»¹.

В своем дневнике Янг пишет: «Вечером 11 июля меня срочно вызвали в Исполком Совета. Я нашел там адмирала и капитана британского военного ледокола. Дела были явно плохи. Лица заместителя председателя и двух других членов комитета были мрачны. С трудом сдерживая негодование, Виноградов информировал нас о том, что, согласно только что полученным сведениям, русские суда в Кемпи были захвачены, Совет разогнан и три члена Кемского совета расстреляны. Кемп, казалось, был так же поражен, как и я. Он немедленно предложил представителям Архангельского совета отправиться вместе с ним на его яхте в Кемь для расследования. Приглашение было отклонено. Представители Совета предпочли плыть на собственном судне. Оба судна отправились на следующий день в сопровождении британского военного ледокола, на котором находился Кемп. Даже сообщения о событиях в Кемпи не заставили советские власти отказаться от своего обязательства в отношении отправки беженцев. Беженцы отплыли без каких-либо инцидентов».

---

¹ F.O. 371, vol. 3330, p. 226.

В меморандуме, продиктованном в ноябре 1919 года, Янг добавляет, что он «полностью разделяет точку зрения членов Исполкома и считает эти события (имеется в виду расстрел.— Э. Р.) актом неоправданного произвола».

То, что произошло в Кемпи, было частично освещено американскими историками¹. А случилось вот что: под предлогом того, что белофинны в начале апреля совершили неглубокий рейд в направлении Кемпи (обвинение, отвергнутое правительством Финляндии в послании британскому правительству), командование войск союзников в Мурманске с одобрения местного Совета, в котором преобладали меньшевики и эсеры, не подчинявшиеся Москве, направило британские, французские и сербские части и бронепоезд в Кандалакшу, в восьмидесяти милях к югу от Мурманска. Затем в середине мая железнодорожники Кандалакши, поддержанные кемскими рабочими, потребовали отвода войск союзников. Из Петрограда сюда был отправлен отряд красногвардейцев для организации обороны. Генерал Мейнард, командующий войсками союзников, выставил пулеметы на пути следования первого поезда красногвардейцев и потребовал, чтобы они остановились, а затем разоружил весь отряд. Далее он двинулся на Кемь, где его солдаты разогнали уездный Совет, арестовали семь его руководителей и расстреляли троих из них—включая председателя Совета Массорина, заместителя председателя Каменева и секретаря Ежова. Сообщения об этих событиях достигли Лондона значительно позже. Одним из них была телеграмма Мейнарда военному министерству. Вот ее содержание: «При разоружении большевиков в Кемпи трое из них оказали вооруженное сопротивление. Во время столкновения они были, к сожалению, убиты. Мы держим под арестом около ста большевиков, участвовавших в заговоре против союзников и Мурманского совета». В другой телеграмме Мейнарда Пулю в Архангельск говорилось: «Я приказал 2 июля разоружить красногвардейцев в Кемпи и изъять оружие у населения. В одном доме, куда мы явились с обыском, заседал Совет. Все члены Совета вскочили на ноги. Двое выхватили револьверы, и один из них выстрелил в сербов, производивших обыск, другой бросил бомбу,

---

¹ Kennan G. F. Op. cit., p. 251—256, 260, 372—373; Ullman R. Op. cit., p. 175, 184.

которая не взорвалась. Во время схватки три члена Совета были убиты»¹. Насколько достоверны эти два отчета генерала Мейнарда, можно судить, если сопоставить их с сообщением, опубликованным в газете в Архангельске, согласно которому трое большевиков «были выведены за город и там расстреляны». Об этом рассказал один серб, перешедший на советскую сторону. Он видел, как их после ареста отвели за город и там расстреляли. Удивительно, но во всех источниках говорится о трех убитых главных руководителях Совета!²

Так или иначе, генерал Мейнард, вероятно, не понимал, что он действовал в стране, с которой Великобритания номинально находилась в мирных отношениях. Странно, что генерал не разобрался, что те русские, которых он арестовал «за участие в заговоре против союзников», выполняли приказ своего правительства, которое британские власти неоднократно заверяли, что не намерены вмешиваться во внутренние дела русских. Об отношении британских офицеров к событиям в Кемби дает представление письмо в Англию капитан-лейтенанта Х. Е. Рендолла, отрывок из которого опубликовал ультрареспектабельный журнал «Корнхилл мэгэзин» (1919, р. 414): «Имел место некий монархический мятеж в Кемби. К счастью, три главных негодяя из городского руководства были расстреляны».

Отчет советских представителей, посетивших Кемби, был напечатан в архангельской прессе 24 июля. В нем говорилось, что обвинения в адрес военного командования союзников были обоснованны. Янг писал в своих неопубликованных воспоминаниях:

«Расстрел трех членов Кемского совета был „мотивирован“ тем, что большевики при аресте „оказали сопротивление“. Очевидно, жертвы были арестованы сербами, которые затем их и пристрелили. В Кемби союзное командование держало членов Исполкома под „домашним арестом“».

Вооруженное вторжение в Архангельск было не за горами. Янг получал из Лондона письма с прозрачными намеками на интервенцию, к которой министерство иностранных дел и военное министерство лихорадочно

¹ Ф.О. 371, vol. 3335, телеграммы от 14 августа и 1 сентября 1918 года.

² «Архангельская правда», 17 июля 1918 года и письмо М. М. Литвинова министру иностранных дел (Ф.О. 371, vol. 3335), датированное 21 августа 1918 года.

готовились в последние месяцы. Однако события в Кеми и признания французского консула, сделанные Янгу месяцем раньше, не оставляли у него никаких сомнений относительно скорой интервенции. Его собственное положение становилось все более странным. Так, например, он был вынужден выдать «удостоверение личности» Чаплину, бывшему царскому офицеру, когда тот потерял свой фальшивый паспорт британского подданного, выданный ему в Петрограде. Янг пишет в своих воспоминаниях, что русские заговорщики и представители союзников действовали с «удивительной неосторожностью». Интересно, что г-н Кеннан также отмечает настойчивые попытки Британии в июле 1918 года с помощью тайных агентов всемерно «поощрять» антикоммунистические силы в Архангельске к восстанию, приуроченному к прибытию союзнического десанта. Тот факт, что в городе идут активные приготовления к такому восстанию, не оставался тайной для советских властей¹.

После отъезда послов союзников, проследовавших через Архангельск в конце месяца, Янг ознакомился с оставленными ими письмами. Одно из них принадлежало капитану Кроми. «Его содержание было таким, что, попади оно в руки русских властей, пришлось бы отменить весь спектакль, а многие из нас могли бы быть повешены».

Тем не менее, писал Янг, «даже после провокационных действий военного командования союзников в районе Мурманска дело ограничилось демонстрацией около консульств союзников. В самые последние дни, когда не оставалось уже сомнений в намерениях союзников, в британской конторе по военно-морским перевозкам был произведен обыск с целью найти спрятанное оружие... К счастью, пожилой рассудительный капитан торгового флота, который исполнял обязанности начальника конторы, занимался только вопросами торговли, избегая контактов с военными, и во время обыска вел себя достойно».

В своих воспоминаниях Янг писал, что в то время он был на грани того, чтобы уйти в отставку, но американский коллега Коул уговорил его не делать этого.

Дипломаты союзников, «укрывавшиеся» в Вологде с февраля 1918 года от мнимой германской опасности, «грозившей» им в Москве, 25 июля в спешке переехали

¹ Kennan G. F. Op. cit., p. 424.

в Архангельск. Они «боялись», что их либо выдадут немцам, либо задержат в качестве заложников в связи с сообщениями о готовящемся вторжении союзников. В ночь с 28 на 29 июля они отправились (на судах, предоставленных советскими властями) в Кандалакшу, куда прибыли 30 июля.

Хорошо известна одна из версий причины их бегства под защиту военных сил союзников на Мурманское побережье. Ее изложил посол США Френсис, выступая перед сенатской комиссией: «Дипломаты решили отбыть в Кандалакшу, потому что в Архангельске готовилось антибольшевистское восстание. Они об этом знали и не хотели находиться там во время этих событий»¹.

Г-н Линдлей в секретном докладе министру иностранных дел, представленном несколькими днями позже, был более точен. «Как только наша группа прибыла в Кандалакшу,—сообщает он,—я информировал генерала Пуля, находившегося в Мурманске, о том, что не стоит долго тянуть с оккупацией Архангельска: задержка может привести к «печальным последствиям». «Восстание в Архангельске было намечено на 3 часа утра 31 июля, и офицеры союзных стран, знакомые с планом действий, были абсолютно уверены в том, что город перейдет в руки наших друзей без кровопролития в течение нескольких часов после того, как будет сделан первый шаг. Время начала восстания несколько раз менялось, в результате многие его участники были арестованы большевиками, а некоторые из них—расстреляны. Медлить больше нельзя». Несмотря на полную уверенность в первоначальном успехе восстания, главари заговора не были уверены в том, что смогут долго продержаться без подмоги. Вот почему, докладывает Линдлей, он «сделал все, чтобы уговорить генерала Пуля прибыть в Архангельск не позже чем через 48 часов после падения большевистского режима в городе». Генерал Пуль ответил, что он рассчитывал появиться в Архангельске «никак не ранее 6 августа». Линдлей высказал глубокую озабоченность в связи с таким решением и доложил об этом представителям союзников. По их мнению, результаты задержки Пуля будут «катастрофическими», поэтому они решили отправиться в Мурманск в ту же ночь и лично воздействовать на генерала. Однако во второй половине дня Линдлей получил еще одно послание от Пуля. Генерал

¹ Report and Hearings of the Sub-Committee on the Judiciary, U. S. Senate, 65th Congress, document № 62, p. 949.

сообщал о том, что пересмотрел свое решение и немедленно отбывает в Архангельск со всеми силами, имеющимися в его распоряжении. Коллеги Линдлея были «совершенно удовлетворены» этой переменной в его планах¹.

В своем последующем докладе лорду Керзону о своей работе с июня 1918 по март 1919 года Линдлей добавляет, что, находясь в Архангельске, он беседовал с майором Макграгом и г-ном Харрисоном, которые тщательно готовились к восстанию в городе и прибытию Пуля. Они информировали его, что «Чаплин, офицер русского царского флота, завершил подготовку к свержению Советской власти в городе и сделал все необходимое для создания будущего просоюзнического правительства». Чаплин был «в отчаянии» от бесконечных отсрочек высадки союзников, потому что в случае восстания «он вряд ли сумеет удержать город дольше нескольких дней и противостоять силам, присланным на помощь большевикам».

Когда дипломаты отбыли, г-н консул Янг решил остаться на своем посту, а г-жа Янг отказалась покинуть мужа. Янг писал об этих последних днях перед вторжением союзников в город: «Что касается восстания, которое должно было быть поднято в Архангельске и о котором неосторожно сболтнул г-н Френсис, местное население ни о чем подобном и не помышляло. К этому восстанию подстрекал офицер русского царского флота, присланный из Петрограда. Он должен был обеспечить его организацию, поскольку эсеровские и другие антибольшевистски настроенные группы переметались между собой за власть. План восстания разрабатывался совместно московскими заговорщиками и представителями миссий союзников. В Архангельске было много зажиточных людей, тревожившихся за свои богатства и банковские вклады. Они готовились предать большевиков медленной пытке, но только если союзники будут держать их в это время связанными по рукам и ногам. Однако «широкое антибольшевистское движение» являлось таким же мифом, как и сказка о «лояльности» или «антигерманизме» белогвардейцев. «Народные массы» России были недовольны и остава-

---

¹ F.O. 175, Вох 7, доклад от 5 августа 1918 года.

* Нужно учесть, что, когда Янг пишет о «массах», он имеет в виду людей, принадлежащих к средним буржуазным слоям.

лись бы недовольными любым правительством, неспособным совершить чудо, вернуть одним росчерком пера довоенные экономические условия. Но классы, прятавшиеся за спиной белогвардейцев, боялись за свою шкуру еще больше, чем за свое имущество».

Как мы увидим, этот анализ Янга фактически совпадает с анализом американского вице-консула, приведенным в донесении от 1 июня, упомянутом выше. 30 июля Янг уговорил свою жену вместе с англичанами (штатскими служащими), которых ей удастся собрать, тихонько перебраться в деревню в шести милях от Архангельска.

Под давлением дипломатов союзников, о котором красноречиво свидетельствует донесение г-на Линдлея, генерал Пуль и адмирал Кемп буквально наскребли несколько сот человек и отправились с небольшой «армадой» в Архангельск. Согласно данным г-на Линдлея, изложенным в сообщении от 25 апреля 1919 года, цитированном выше, эта «армада» состояла из французского крейсера «Об» и британского легкого крейсера «Аттентив», плавучей базы гидропланов «Нирана», яхты адмирала Кемпа, двух захваченных союзниками русских эсминцев и транспортного судна. Янг записал: «Экспедиция была спасена от неизбежного уничтожения благодаря навигационному искусству молодого офицера на крейсере «Аттентив» и туману, позволившему пройти через «горло» Белого моря не замеченными сторожевыми постами, расположенными по обоим берегам. Первое сообщение об экспедиции архангельские власти получили поздно ночью 31 июля. Согласно ему, «военные корабли союзников бомбардировали Онегу и высадили десант». Только лишь после этого сообщения, как писал Янг, консулов союзников на короткий срок поместили под домашний арест в их собственных консульствах. «Перерезать железную дорогу Архангельск—Вологда у Обозерской, как это предусматривалось планом, не удалось из-за сопротивления красных. Эскадра союзников бомбардировала батарею в Мудьюге, неподалеку от входа в Северную Двину, из орудий и с воздуха. До того как батарею подавили, она успела поразить снарядом переднюю трубу крейсера «Аттентив», как раз над капитанским мостиком. Гидроплан с «Нираны» совершил полет над городом. Большевики были захвачены врасплох. Комиссар Кедров, присланный для укрепления руководства Архангельской губернии, находился в это время в

Москве, куда отправился с личным докладом. В большевистской организации действовали белогвардейские агенты, которые захватили важные посты с намерением предать большевиков. Последние, на мгновение поддавшись панике, покинули город¹. «После того как большевики покинули Архангельск, был разыгран спектакль «приглашения» союзников вступить в город. Приглашение было послано от каждого из соперничающих претендентов на власть: одно — от Н. Чайковского, «народного социалиста», другое — от банды офицеров из пресловутой «дикой дивизии», которая сразу же после ухода большевиков быстро захватила сейф военного штаба и начала делить между собой несколько миллионов рублей».

Г-н Линдлей в донесении, подтвердив поспешное отступление советских войск после облета города союзными самолетами 1 августа, добавляет следующее: «Как только большевики отступили, восстание, которое, как предполагалось вначале, должно было произойти за несколько дней до прибытия союзных войск, вспыхнуло, и в течение нескольких часов наши друзья стали хозяевами города... Ход событий со всей ясностью показал, что, если бы наши друзья восстали за несколько дней до прибытия союзников, Кедров и его наемники, по всей вероятности, сумели бы расправиться с ними до нашего вступления в город. Именно этого я и боялся, когда, проезжая через Архангельск две недели назад, настойчиво советовал тем, кто поддерживал связь с антибольшевистским движением, не начинать восстания до тех пор, пока не будет полной уверенности в том, что подкрепление от союзников прибудет через несколько часов после начала восстания... Нет сомнения в том, что среди фабричных

---

¹ Все, что тогда происходило в Архангельске, подробно описал М. С. Кедров в своей книге «За Советский Север». М., 1927, с. 95—97, 104—105, 114—121. Кроме того, факты, приведенные в воспоминаниях Янга, подтверждаются донесением, посланным, вероятно, капитаном Кромия из Петрограда через Стокгольм адмиралу Кемпу в Мурманск: «Полковник Сперанский, направленный большевиками на должность начальника штаба Петрозаводского округа, является членом организации Чаплина и хорошо мне известен. Он организует пункты для переправки новобранцев на Север и будет командовать отрядом, который, как было сказано... намерен по прибытии на фронт перейти на нашу сторону. Я придаю большое значение деятельности этого офицера и поддерживаю связь с офицерами местного призывного пункта, с тем чтобы отряд был направлен именно в Петрозаводск» (Ф. О. 371, vol. 3307, донесение от 8 августа 1918 года).

рабочих все еще имеется значительное число большевиков»¹. Успех вторжения был недолгим. «Через несколько дней советские войска, придя в себя после первоначальной паники и получив подкрепления с юга, сумели остановить и задержать силы союзников, которые успели продвинуться в направлении Вологды немногим больше четверти пути». Описывая месяцем позже само вторжение, Феликс Коул докладывал 10 сентября в госдепартамент, что толпа, приветствовавшая иностранные войска, состояла целиком из представителей буржуазии и зажиточного крестьянства. «Рабочий класс явно отсутствовал... Когда офицеры союзных войск проходили по улицам по направлению к правительственному зданию, отсутствие рабочих было еще заметней»². Действия новых властей вскоре показали, что недоверие к ним было вполне обоснованно. Генерал Пуль немедленно ввел военное положение и назначил французского офицера, полковника Донопа, военным комендантом города, а «народный социалист» г-н Чайковский назначил капитана Чаплина «командующим вооруженными силами верховного правительства Северного района». Среди приказов, изданных в первые недели, были приказы об отмене рабочего контроля на заводах (13 апреля), о замене советского флага на царский на военных и торговых судах (14 августа), о восстановлении военных трибуналов и смертной казни (30 августа), о возврате национализированного торгового флота прежним владельцам (2 сентября) и об отмене всех советских декретов, касающихся социального страхования (13 сентября). Действия генерала Пуля вызвали большое беспокойство в Вашингтоне. Государственный секретарь заявил британскому послу, что, если положение не изменится, Соединенные Штаты серьезно рассмотрят вопрос о дальнейшем нахождении своих вооруженных сил под командованием Пуля. В сердитом, но весьма характерном ответе от 15 сентября генерал обещал изменить свои методы управления городом по согласованию с г-ном Линдлеем, но заявил при этом: «Было бы роковой ошибкой предоставить свободу слова и дать возможность вести пропаганду

---

¹ F. O. 175, Box 7, донесение от 15 августа 1918 года.

² Ullman R. Op. cit., p. 236.

большевикам... Среди рабочего класса Архангельска большевики имеют много преданных последователей». Он возражал также против предоставления «свободы действий правительству, которое боится рабочих и угрожает им». Потворство такому правительству может привести к «бунтам, поджогам и забастовкам».

Действительно, военный переворот, совершенный Чаплиным 5 сентября с молчаливого согласия генерала Пуля, привел к отстранению правительства Чайковского от власти на 24 часа. Но это вызвало общую забастовку рабочих. В городе появились вооруженные отряды крестьян. Все происшедшее подтвердило, что заявление Соединенных Штатов имеет под собой основу. Чайковский встал во главе нового правительства, в котором была широко представлена буржуазия¹.

К этому времени, однако, Янг навсегда покинул Архангельск. Позже он писал о том, что пытался обсудить с Линдлеем вопрос о бесполезности оккупации еще до того, как она произошла. Однако Линдлей не проявил к его призывам интереса. Придя к выводу о «безнадежности» своих попыток убедить Линдлея, 4 июля Янг попросил предоставить ему отпуск. 8 июля Линдлей направил телеграмму в Лондон о том, что Янг нуждается в отпуске «в связи с переутомлением». Ответа, однако, не последовало. 9 августа Линдлей вновь телеграфировал, что Янгу требуется отдых по состоянию здоровья. 19 августа его помощник Сандерс телеграфировал в Лондон, что г-н и г-жа Янг отплыли 17 августа на «Эгбе» — торговом судне, в течение нескольких месяцев стоявшем в порту неразгруженным. На пути в Англию «Эгба» столкнулась с американским судном. На «Эгбе» образовалась большая пробоина. Это произошло в 2 часа ночи в 60 милях от Оркнейских островов.

Остается добавить, что с учетом последующих пополнений силы союзников в Архангельске к 26 марта 1919 года составляли: 13 100 англичан, 4820 американцев, 2349 французов, 1340 итальянцев и 1280 сербов, а также 11 770 русских, мобилизованных архангельским правительством. Эти данные были представлены палате

---

¹ Ф. О. 175, Вох 7, телеграммы от 9, 13 и 15 сентября 1918 года.

депутатов в Париже министром иностранных дел Пишоном.

Тяжелое моральное состояние Янга, вызванное несогласием с оккупационной политикой, усугублялось общим ухудшением здоровья. Среди его бумаг имеется свидетельство, датированное 27 сентября 1918 года, за подписью профессора медицины Эдинбургского университета. Янг страдал «диспепсией и нервным истощением с периодическими нервическими приступами и нуждался по крайней мере в двухмесячном отпуске».

ЧАСТЬ IV

12

В своих неопубликованных воспоминаниях Янг писал: «Я покинул Архангельск на первом же корабле, отплывавшем из этого порта после оккупации, и прибыл в Лондон в последний день августа. Я был первым британским должностным лицом, если не первым гражданином союзной державы, прибывшим в Англию после начала военных действий на Севере России. Этому предшествовало двух- или трехнедельное отсутствие связи даже с западными государствами». Фактически между Архангельском и Англией не было даже почтовой связи в течение шести месяцев. Все еще находясь во власти определенных иллюзий относительно политики правительства и не зная о декабрьском (предыдущего года) решении военного кабинета, Янг надеялся «довести до сведения правительства Его Величества подлинные факты о случившемся. Помимо того, что правительство действовало исходя из ложных представлений, было ясно, что многие наши действия в России совершались без его ведома и санкции. Если наши попытки свергнуть советское правительство потерпят провал (они, по моему мнению, несомненно его потерпят), Британия окажется в весьма затруднительном положении».

Сразу же по прибытии Янг отправился в министерство иностранных дел. Его бывший коллега по консульству, временно работавший в министерстве, провел его к сэру Джорджу Клерку, руководителю Северного отдела, занимавшегося русскими делами. Клерк был членом миссии лорда Милнера, посетившей Россию в 1917 году. Янг писал о нем: «Великосветские сплетники рассказывали о Клерке два анекдота. Говорят, что, прибыв в Россию, он принял одного видного царского сановника, находившегося среди встречавших, за проводника спального вагона и потребовал у него воды для бритья, а по возвращении в Англию за несколько дней до свержения самодержавия поставил свою подпись под

докладом, в котором говорилось, что никогда еще русский народ не был так предан императорскому трону, как теперь!»

Предположения Янга о том, что в отношении России допущена ошибка и что от имени Великобритании вершатся дела, о которых министерство иностранных дел не знает и которые могут вызвать «горькое разочарование» правительств союзников, были встречены «зловещим молчанием». Лицо сэра Джона прояснилось, когда Янг рассказал ему о протесте Чайковского против поведения британских военных властей, и он попросил изложить это в письменном виде. Янг так и поступил. Текст заявления Янга от 4 сентября заслуживает того, чтобы привести его полностью. Следует подчеркнуть, что в министерстве иностранных дел оно было воспринято с поразительным равнодушием. Это заявление указывает на сохранившиеся иллюзии автора о возможности «примирения» различных классов и партий в Советском государстве «на основе крестьянско-буржуазной политики», что видно из последних абзацев.

«1. В день моего отъезда из Архангельска (16 августа) меня посетил г-н Чайковский, глава временного правительства в городе. В ответ на мои просьбы он откровенно изложил свои взгляды относительно действий союзников в Архангельске.

Он считал абсолютно необходимым создание сильной русской гражданской власти в Архангельске, которую поддержат союзники. Временное правительство, которое он возглавлял, состояло из бывших членов Учредительного собрания* от северных и северозападных губерний (Вятской, Архангельской, Вологод-

---

* В ноябре 1917 года были проведены выборы в Учредительное собрание. В Москве, Петрограде, промышленных районах, на главных фронтах военных действий большинство голосов получили большевики. В других, главным образом окраинных и сельскохозяйственных районах, большинство голосов получили представители мелкобуржуазных партий. Они пытались использовать Учредительное собрание в контрреволюционных целях. В январе 1918 года Учредительное собрание отказалось утвердить декреты Советской власти и было разогнано. После этого депутаты Учредительного собрания приняли активное участие в формировании контрреволюционных «провинциальных правительств» в качестве «единственно законных представителей власти». Так было и во Временном правительстве Северной области, которое возглавил «народный социалист» Чайковский. На деле, однако, белогвардейские генералы и интервенты мало считались с этими «подлинно народными представителями».

ской, Новгородской и некоторых других) и, следовательно, могло претендовать на то, чтобы получить мандат.

Несмотря на это, сказал он, «военное командование союзников (т. е. генерал Пуль), видимо, не осознает этой необходимости и не упускает случая, чтобы либо проявить пренебрежение к русской гражданской власти, либо подорвать ее престиж». Пуль назначил одного французского офицера военным губернатором Архангельска, который приостановил, например, деятельность комитета, учрежденного временным правительством для расследования дел политических заключенных, попавших в руки большевиков до или после союзной оккупации.

Г-н Чайковский жаловался, что Пуль не ответил на письменную просьбу принять его и обсудить некоторые вопросы. Он даже не назначил ему аудиенцию. «Генерал Пуль считает себя верховной властью в Архангельске», — сказал он.

Требование командования союзников выделить помещения, которых и так не хватает, для размещения служб и персонала в городе, также тревожит временное правительство. Его члены достаточно деликатны, чтобы заявить твердо союзникам: «по одежке протягивай ножки». Это тем более прискорбно, что русские власти в Архангельске всегда, даже при царском режиме, отличались скромностью в частных и официальных запросах. Генерал Пуль начал с того, что реквизировал для себя и своего персонала самый большой и красивый частный дом, принадлежащий одному русскому гражданину, владельцу лесопильного завода. Даже большевики разрешили владельцам занимать часть этого дома. Только после того, как жена владельца сказала генералу Пулю, что он «хуже большевиков», он разрешил им сохранить за собой четыре комнаты. То же самое происходило в многочисленных военных ведомствах союзников. Были реквизированы здания школ, и в больших комнатах, где могли бы разместиться четыре или пять человек, часто можно было видеть стол, за которым сидел один офицер.

Вскоре после прибытия генерала Пуля на улицах стали расклеивать приказы за его подписью, начинавшиеся словами «я запрещаю». «Запрещаю» устройство собраний, даже на частных квартирах, без «предварительного одобрения» и вывешивание каких-либо флагов, кроме царских. Даже большевики проявляли уме-

ренность в использовании личных местоимений в приказах. Проведя кабель своего частного телефона под водой в гавани, капитан крейсера «Аттендив» издал приказ за своей подписью, гласивший, что ни одно судно «не имеет права» становиться на якорь вблизи крейсера (чтобы не повредить кабель).

14 августа в третьем номере новой газеты «Возрождение Севера», среди корреспондентов которой числятся Чайковский и несколько других членов временного правительства, появилась анонимная статья. В ней выражалось разочарование по поводу неопределенности и неискренности воззвания генерала Пуля к гражданам России. В заключительной части статьи действия союзников уподоблялись «колониальной политике... с той разницей, что африканцам не предлагают избрать собственную форму правления».

Согласно имеющейся у меня информации, к редактору был направлен французский офицер с требованием сообщить имя автора статьи. В этом ему отказали. Произошла бурная сцена.

Г-н Чайковский жаловался также на попытку военного командования союзников захватить без согласия местных властей весь имевшийся небольшой запас бумаги для издания русской газеты, которую Пуль намеревался поддерживать материально. Редактором ее собираются назначить Семеновича, в прошлом, по утверждению Чайковского, связанного со старым «Новым временем»¹ и, следовательно, придерживающегося иных политических взглядов, чем временное правительство».

2. Послы союзников прибыли в Архангельск с Мурманского побережья неделю спустя после вступления военных сил в город и в результате застали их уже «удобно расположившимися» на лучших местах. Представитель правительства Его Величества по гражданским вопросам все время занят безнадёжной «борьбой» (к сожалению, это неприятное слово отражает ситуацию) за законные действия. Он выступает против вмешательства адмиралтейства и организаций военного министерства в вопросы чисто гражданского характера.

Из высказываний приближенных генерала Пуля я сделал вывод, что, по их твердому убеждению, вся союзная организация должна находиться под контролем генерала Пуля. Когда я после высадки экспедици-

---

¹ «Новое время» — монархическая газета.

онных сил спросил у адмирала Кемпа, возможно ли возвращение дипломатического корпуса, он ответил: «Мы не допустим прибытия дипломатов».

Хотя г-н Линдлей был моим гостем в течение недели, он не был откровенен. Весьма печально, что Архангельск теперь более чем когда-либо являет собой водонепроницаемый отсек. Сотрудничество невозможно из-за соперничества между родами войск, ведомственных предубеждений и личного честолюбия. Однако я пришел к выводу, что Линдлей вместе с американским послом делал все возможное, чтобы отстоять законные права временного правительства перед лицом британских военных властей с их диктатом. Даже если он в этом преуспеет, много дорогого времени уйдет на разбор мелких интриг там, где должно существовать тесное сотрудничество. Единственным действенным средством было бы ограничение функций военного командования чисто военными делами, предоставив решение гражданских и хозяйственных вопросов русским гражданским властям при искренней поддержке, а не диктате со стороны представителей союзников.

Военная ситуация с быстрым приближением суровой северной зимы будет становиться все серьезнее, поэтому нельзя отвлекать военных от непосредственных дел и использовать их там, где они не имеют никакого опыта. Кроме того, существует опасность, что военные будут использованы в качестве орудия реакционеров и сторонников реставрации монархии. Это было бы пагубно для стабилизации обстановки на севере.

Временное правительство, несомненно, далеко от совершенства. Наверное, оно нуждается в обновлении и включении в свой состав людей практического склада. Союзникам не следует поддерживать какую-то одну партию. Они преуспеют наилучшим образом, попытавшись примирить классы и партии на основе крестьянско-буржуазной политики, подкрепленной энергичной экономической деятельностью. Только такая деятельность может удовлетворить народные массы.

4 сентября 1918 года

(Подпись) Д. Янг, британский консул, Архангельск»¹.

Чиновники министерства иностранных дел, конечно хорошо знавшие, что вся деятельность британских

¹ F. O. 371, vol. 3339, p. 110—112.

военных властей в России ведется в тесном сотрудничестве с «реакционерами и сторонниками реставрации монархии», ограничивались попросту тем, что делали пометки на заявлении Янга. «Этот доклад о неблагоприятных поступках военных властей довольно грустно читать, но без сомнения, иметь дело с русскими совершенно невозможно» (Е. Н. С.). «Министр уже видел этот доклад» (Дж. Д. Грегори). Простая пометка на заявлении Янга — «Х» (лорд Хардинг).

Они, возможно, считали, что и с Янгом, питавшим иллюзии относительно британской политики в России, «иметь дело совершенно невозможно». Когда, представив вышеприведенный документ сэру Джорджу Клерку, Янг обратил его внимание на особые обстоятельства, объясняющие вторжение большевиков в здание английского посольства в Петрограде и убийство капитана Кроми (о чем сообщалось тем утром в газетах), а также на то обстоятельство, что вооруженные силы союзников начали военные действия без объявления войны, сэр Джордж был «также многозначительно молчалив, как и при первой нашей встрече». Но когда Янг, уходя, «выразил наивное желание вскоре представить свой обычный отчет о событиях предыдущего месяца», который, как он считал, «мог бы помочь правительству Его Величества узнать правду о ситуации в России, он встревожился и строго запретил представлять какой бы то ни было отчет». Это очень удивило Янга. Он не мог понять, почему вопрос о представлении доклада, еще даже не написанного, так встревожил ответственного чиновника министерства иностранных дел. «Может быть, он счел, что секретный архив этого министерства — совсем неподходящее место для хранения подобного доклада?» С одной стороны, писал Янг, можно было предположить, что Клерк говорил от имени г-на министра Керзона, с другой стороны — что от министра утаивали важную информацию.

Во всяком случае, Янг в то время не послал никакого доклада в министерство, хотя он подготовил его на тот случай, если таковой потребуется. Суть доклада, как показывает документ, сохранившийся в его бумагах, заключалась в том, что «представителям британского военного командования было разрешено с санкции правительства Его Величества или без таковой участвовать в бесчестных и опасных заговорах заодно с антисоветскими русскими группировками». Члены этих

группировок руководствовались корыстными интересами. Цель заговоров, организуемых под защитой дипломатического иммунитета, состояла в свержении Советской власти в стране, гостеприимством которой британские представители пользуются и население которой они формально заверили в том, «что правительства союзников не имеют намерений вмешиваться во внутренние дела России». Такие методы, утверждал Янг, «несовместимы с правдивым и достойным поведением»¹.

Кроме того, Янг был уязвлен тем, что его все время держали в неведении относительно политики, проводимой правительством, и он до самого начала интервенции мог лишь гадать о ней. «Если британское правительство решило действовать прусскими методами, то следовало бы по крайней мере разослать всем поглощенным работой британским представителям в России секретный циркуляр, извещающий их о том, что официальные заявления относительно справедливости, чести и гуманности и т. д. не должны приниматься всерьез, поскольку они предназначены всего лишь для пропаганды».

Янг, вероятно, понял, что настал наконец подходящий момент обратиться в министерство иностранных дел по личному вопросу. Он находился на консульской службе уже одиннадцать лет, из них три года в Архангельске, где он все еще официально числился вице-консулом, хотя фактически исполнял в полном объеме обязанности консула и ему полагались и соответствующий ранг, и значительно более высокий оклад. В Мурманске один военный служащий, «словно с неба свалившийся на эту должность» в 1916 году, был немедленно произведен в консулы, в то время как Янг продолжал пребывать в том же ранге, что и три года назад².

После этого письма 25 октября он был временно принят (на три или четыре месяца) в министерство в русскую секцию отдела внешней торговли на ставку консула.

В течение последующих недель, по мере того как война с центральными державами быстро приближалась к концу, кампания в прессе против Советской России и

---

¹ Заявление министерству иностранных дел, подготовленное Янгом и отправленное 4 марта 1919 года.

² F. O. 369, vol. 1022, письмо от 23 сентября 1918 года сэру У. Кларку.

в поддержку интервенции союзников заметно ожесточилась. В это время Янг получал письма от своих друзей в Архангельске, которые оказывали воздействие на его взгляды. Ниже приводятся выдержки из писем Янгу Г. Д. Вискеманна, исполняющего обязанности вице-консула в Архангельске.

21 августа. «...Реквизиция домов и квартир продолжается и вызывает большое недовольство... Самое трудное — это подобрать жилье для дураков с должным учетом порядка их старшинства...»

9 сентября. «... Набор в военные части жалкий, и совершенно очевидно, что те, кто вступает, делают это только ради получения пищи и одежды... Штатские буржуи теперь, когда их шкура в относительной безопасности, а банковский счет выглядит немного краше... не делают ничего, чтобы помочь делу. Зарплата произвольно снижается, а взамен выдаются пайки. Жены буржуев еще более отвратительны, чем их мужья. Все происходящее они рассматривают как досадное недоразумение, поскольку нет больше шоколада по 60 рублей за плитку, в связи с тем что лавку, в которой продают сладости, пришлось закрыть из-за ужасающей спекуляции этим и другими товарами...»

18 сентября. «...Не в силах описать события после моего последнего письма... Совершаются перевороты и контрперевороты, происходят стачки, исчезают правительства и так далее... Никогда не знаешь, существует правительство или нет, впрочем как бы то ни было, это не имеет особого значения. Кемп делает еще одну попытку выпроводить всех женщин и детей, подданных союзных держав, но я, кажется, усмирил его... Я создал похоронное бюро для ухода за кладбищем и могилами, но мы с трудом справляемся с поставкой гробов — почти исключительно для несчастных янки, которые мрут как мухи от инфлюэнции...»

4 октября. «...Ради всего святого, не возвращайся сюда, по крайней мере пока происходит этот фарс... Ты никогда не видел такой заварухи в своей жизни... Мы совсем потеряли голову из-за этой «испанки», унесшей жизни 70 американцев...»

3 ноября. «...Как много я мог бы и должен был бы написать, но, полагаю, будет лучше, если воздержусь. Достаточно сказать, что тебе очень повезло и ты не видишь всего, что здесь творится... Если они хотят послать тебя в Россию накануне новой экспедиции,

постарайся, чтобы это были юг и Одесса... Ты не представляешь себе, что здесь происходит. Последние события таковы: только что прислали новые, красиво отпечатанные денежные знаки, каждый банкнот, большой и малый, буквально усеян двуглавыми орлами, имперскими коронами и монограммами «Николай II», не говоря уже об обычных гербах старых приспешников — Финляндии, Польши и т. д. Это ли не лучшая агитация среди населения за большевиков? Власть имущие рвут на себе волосы... Почти на каждом судне половина команды лежит в лежку, а на одном — 16 матросов и 2 офицера протянули ноги... Говорю тебе, в похоронном бюро работают сверхурочно, а на кладбище скоро не останется свободных мест».

Феликс Коул, теперь американский консул и жертва тех же иллюзий, что и Янг, писал в том же тоне 5 октября. Он сообщал о попытке военного переворота в сентябре, после месяца оккупации, которая «начисто отбила охоту восторгаться союзниками. Прекрасная возможность поладить с Россией — демократической Россией — была утрачена, и утрачена безвозвратно». Министры правительства хотели уйти в отставку, но он отговорил их: этот акт подтвердил бы, что «большевики правы в отношении интервенции». Правительство осталось, но «презираемое всеми и бессильное, жалкий фиговый листок нашей оккупации...»

Именно под воздействием этих писем и в свете чудовищной дезинформации в прессе о Советской России Янг пришел к выводу, «что правительство Его Величества в действительности не знало всей правды. Из уважения к правительству Его Величества и из почтения, обязательного для каждого должностного лица, я не мог даже на мгновение допустить, что оно, зная правду, решилось на вторжение в Архангельск». Поэтому он пошел на «сознательное нарушение дисциплины», которое, как ему казалось, «быстро привлечет внимание министра иностранных дел».

Не менее искренним, чем его замечание о «почтении», которое он обязан проявлять в отношении министра иностранных дел, было его решение предложить задуманную им статью газете «Дейли мейл», которая была рупором наиболее яростных приверженцев интервенции. Лишь после того, как Янг написал статью и она была отвергнута, он отдал ее в газету «Геральд». Об этом его просили Б. А. Лэнгдон-Дэвис и У. Н. Юэр, редактор иностранного отдела газеты. Оба они, так же

как и Янг, были выпускниками Кембриджа, с которыми он встретился в «клубе 1917», основанном левыми социалистами после Октябрьской революции. Поэтому эти двое были особенно заинтересованы в статье Янга.

13

Статья, написанная Янгом для «Геральд», помещена в качестве пролога к этой книге. Из текста статьи видно, как на протяжении мучительных месяцев 1918 года менялось настроение Янга: сначала он испытывал огорчение, потом негодование, которое в итоге сменилось замешательством.

Ни одна английская газета не осмелилась прокомментировать статью Янга или хотя бы упомянуть о ней. Даже либеральные газеты, выступавшие с критикой интервенции, вроде «Манчестер гардиан», «Вестминстер газетт», «Дейли ньюс» и ее вечернее приложение «Стар» промолчали о статье в «Геральд». Это было естественно в тогдашних условиях, когда пресса все еще сильно ощущала воздействие условий военного времени. Кроме того, эти газеты поддерживали на выборах либо консерваторов, либо коалицию консерваторов и либералов, либо либералов-асквитовцев* и боялись, как бы публикация такого «подрывного» документа не оттолкнула от них избирателей. Сказанное, бесспорно, применимо и к таким уважаемым еженедельникам, как «Нью стейтсмен», слегка критиковавший интервенцию, или «Спектейтор», безусловно поддерживавший интервенцию.

Лишь два основных социалистических еженедельника сообщили о выступлении Янга. «Лейбор лидер», орган Независимой рабочей партии, опубликовал 19 декабря статью под заголовком «Восстановление порядка в России», в которой приводилось много цитат из публикации Янга. В редакционной статье Филип Сноуден с гневом писал: «Наше правительство состоит в союзе со всеми реакционными силами в России, и единственной целью нашей оккупации является свержение правительства, поддерживаемого подавляющим большинством русского народа, потому что характер

---

* Asquithians (англ.) — асквитовцы. Сторонники политики Г. Г. Асквита (1852—1928) — одного из лидеров Либеральной партии, возглавлявшего в 1908—1916 годах правительство Великобритании.

этого правительства совершенно не устраивает имущие классы стран-союзниц... Британское правительство и его союзники пишут страницу истории, которая будет одной из самых позорных из когда-либо написанных». Газета «Кол», орган британской социалистической партии, опубликовала выдержки из статьи Янга на первой полосе и сопроводила их комментариями одного из лидеров социалистической партии Е. С. Файрчайлда, также заклеившего политику Британии. «Уоркерс дредноут» Сильвии Панкхерст,* длительное время выступавший против интервенции, тем не менее держался своей особой сектантской позиции, обрушившись на «Геральд» за его антисоциалистическую политику и не упомянув статью Янга.

Статья Янга в «Геральд», конечно, была замечена чиновниками министерства иностранных дел. Телеграмма г-на Линдлея из Архангельска сэру Эрику Драммонду гласила: «Я только что прочел в «Геральд» от 14 декабря дезинформирующую и предосудительную статью, написанную Дугласом Янгом, недавно уехавшим из Архангельска. Не можете ли вы сообщить мне, где он сейчас находится?» Ответ пришел от лорда Керзона: «Г-ну Янгу предложено представить объяснения по поводу упомянутой статьи, до их представления он отстранен от службы. Письма в газету «Таймс», опубликованные в номерах от 19 декабря и 6 января, также написаны им»¹.

Вслед за шоком, вызванным статьей в «Геральд», в официальных кругах разразился грандиозный скандал в связи с публикацией в газете «Таймс» писем адмирала Кемпа и Дугласа Янга. Через две недели должны были состояться всеобщие выборы. 13 декабря 1918 года «Таймс», которая, естественно, была в первом ряду сторонников интервенции, опубликовала статью Кемпа, написанную специально в связи «с приближающимися выборами» и в связи с тем, что «значительная часть членов лейбористской партии выступала против интервенции и за вывод войск союзников из Северной России».

Кемп писал, что «тысячи граждан стран-союзниц спасаются бегством», в то время как Мурманску «угро-

---

* Сильвия Панкхерст (1882—1960). В период создания Коммунистической партии Великобритании возглавляла одну из левацких группировок. За сектантскую деятельность исключена из КПВ.

¹ F.O. 175, Box 2, телеграммы от 9 и 25 декабря 1919 года.

жает немецкое наступление из Финляндии». Вначале Советское правительство, которое существует «de facto», якобы одобрило интервенцию союзников. Когда Советское правительство изменило свою позицию, «возможно под давлением немцев», власти на местах отрезались от него и «решили связать свою судьбу с союзниками», поэтому оккупация Архангельска «была неизбежна». Советское правительство «фактически объявило войну союзникам». Граждане из союзных держав были заключены в тюрьмы, подвергались ужасающе жестокому обращению и во многих случаях официально приговорены к смертной казни, а британского военно-морского атташе убили «солдаты регулярных войск Российской республики». «Вход в архангельский порт кораблям союзников был воспрещен», тогда как город находился на «границе голода», а Советское правительство в это время продавало военное снаряжение и «сотни тысяч тонн» угля немцам «для использования против союзников на Западном фронте». Теперь интервенты ниспослали населению оккупированных территорий «счастье упорядоченного правления под эгидой русской национальной администрации». Кемп требовал оккупации Кронштадта, Петрограда и Москвы и «выдачи союзникам Ленина и главных комиссаров». Он утверждал, что, прослужив «длительное время» в России, с 1915 по 1918 год, он хорошо осведомлен о «происходящих ныне событиях».

Голословные по своей сути утверждения Кемпа о большевиках мало чем отличались от тех, которые в течение месяцев не сходили со страниц английской прессы. Но его заключительная фраза переполнила чашу терпения Янга, и буквально на следующий день он опубликовал ответ Кемпу в «Таймс». Он оспаривал утверждение Кемпа, будто тот что-либо знает об Архангельске при большевиках. Адмирал покинул город 17 декабря 1917 года, затем приехал лишь на несколько дней в июле и не возвращался в Архангельск вплоть до прибытия экспедиционных сил союзников 2 августа. Янг утверждал, что является единственным британским официальным лицом, достаточно компетентным, чтобы высказать авторитетное мнение о положении в Архангельске за весь период от 17 декабря до 7 августа.

Он высказал мысль, что позиция Советского правительства могла измениться «потому, что „мы перешли от антигерманской политики к политике откровенно

антисоветской»». Он отметил, что арест британских подданных и убийство Кроми произошли после оккупации, а не до нее. В действительности положение англичан даже в Москве, как об этом заявил личный секретарь Локкарта, «стало стесненным, лишь начиная с 4 августа». Далее Янг утверждал, что «в Англии существует мнение, согласно которому наше поведение в отношении Советского правительства не отвечает английским понятиям справедливости и чести». В частности, действия «некоторых британских представителей в России» дают советским властям «веские основания подозревать нас в том, что мы их обманываем и ведем двойную игру». В качестве примера Янг напомнил Кемпу о беседе с руководителями Архангельского совета, на которой они оба присутствовали. Разве не говорил Кемп о том, что действия союзников на Белом море «не направлены против Советского правительства». А несколько дней спустя советские руководители поставили в известность Янга и Кемпа «об актах произвола, совершенных военно-морскими силами союзников на западном побережье Белого моря, в том числе о расстреле трех членов Кемского совета». Это сообщение было подтверждено неопровержимыми фактами. Янг утверждал, что во время переговоров об обмене товаров советские власти были готовы пойти ему навстречу. Всякая возможность достижения «модус вивенди» рухнула как карточный домик после высадки союзников.

Высадка оказалась безуспешной. «Мы должны благодарить бога, что там не было немцев, поскольку советские войска без чьей-либо помощи сумели оттеснить нас назад к Архангельску. Единственный ее результат состоит в том, что она отрезала 150 тысяч жителей в Архангельске от 150 миллионов русских. Жителям города пришлось поступать в соответствии с нашими требованиями». Янг предложил союзникам сесть за стол переговоров и подвергнуть наши действия в отношении России «проверке на пробном камне» предложений президента Вильсона*.

---

* В январе 1918 года американский президент В. Вильсон выступил с так называемыми 14 пунктами мирной программы, в которой говорилось о праве на самоопределения народов, об отказе от тайной дипломатии, о свободе торговли и т. д. На деле политика американского империализма находилась в разительном противоречии с этой программой.

Публикация этого письма получила отклики в прессе. В газете «Стар» в тот же день появились выдержки из него под заголовками: «Грубые ошибки союзников в России», «Британский консул проливает свет на обстановку», «Акты произвола». 18 декабря Милнер, военный министр, опубликовал статью, в которой оправдывалась интервенция, а 23 декабря в «Дейли ньюс» появился ответ на эту статью. Стиль этой публикации был явно схож со стилем письма Янга в «Таймс».

28 декабря, когда ответ Кемпа Янгу был напечатан, министерство иностранных дел начало обсуждать, что следует предпринять. Еще раньше лорд Керзон записал: «Г-н Янг — способный чиновник, проделавший полезную работу и в Архангельске, и в других местах своего назначения. Он, конечно, вправе придерживаться любого мнения. Действительно, в письме содержится много такого, что требует серьезного рассмотрения. Однако я полагаю, что г-н Янг должен был изложить свои соображения министерству иностранных дел. Мне кажется, что предание гласности своего мнения подобным образом подрывает всякую дисциплину и противоречит и практике, и традициям государственной службы. Растущая критика английскими социалистами и наших действий в России может несколько затруднить принятие в отношении г-на Янга таких мер, какие он заслуживает, однако мне кажется, что нельзя позволить чиновнику, поступившему таким образом, оставаться на государственной службе». А вот что писал лорд Хардинг: «Я думаю, г-ну Янгу следует сказать, что его поступок, а именно то, что он выступил в прессе по вопросам политики, не проконсультировавшись предварительно с министерством иностранных дел, несовместим с правилами, которыми руководствуются чиновники государственных служб»¹.

Вероятно, эти должностные лица тогда еще не знали, что Янг пытался сделать именно то, на чем они настаивали, — «изложить свои возражения министерству иностранных дел», и что ему в совершенно недвусмысленных выражениях было в этом отказано.

В своем ответе адмирал Кемп прибег к тону, как об этом писал Янг в последующем письме, «который был бы более уместен на шканцах или в классной комнате». Кемп назвал письмо Янга «вредным, направленным на подрыв национальной политики, грудой неверных пред-

¹ F.O. 371, vol. 3350.

положений и инсинуаций и смутных намеков на конкретные события». В частности, он утверждал, что ничего не знал о намерении союзников оккупировать Архангельск, когда там беседовал с советскими представителями, и что его заверения касались только Мурманского побережья, а также что он, кроме того, предупредил о том, что «любые приказы, полученные от правительств союзников, будут проводиться в жизнь». Что касается разоружения красногвардейцев в Кемпи, то на этот счет имелась «взаимная договоренность», и три члена Кемского совета были застрелены при «оказании вооруженного сопротивления». Янг, признал он, был прав в отношении даты смерти Кроми, но его собственные (Кемпи) утверждения о дурном обращении с гражданами стран-союзниц были верны. Советское правительство «явно начинало проводить прогерманскую политику», в то время как позиция британского правительства «была до конца ясной», и ему не известен ни один случай, когда бы британское правительство вело «двойную игру». Большевики в Архангельске были «трусливыми бандитами», сбежавшими с многими миллионами рублей, украденных из государственных и частных фондов. Россия голодала не из-за оккупации Архангельска, а из-за того, что «в результате анархии была прервана транспортная связь и утрачены источники снабжения». Советское правительство неоднократно провозглашало себя «поборником анархии и сторонником истребления высших классов», писал Кемпи.

В заключение Кемпи заявил, что единственно возможные отношения между советскими руководителями и британским правительством—это отношения между «преступником и судьей», и добавил, что прежняя программа действий союзников в России должна включать «контроль в течение некоторого времени над всеми средствами транспорта и связи и над экономической системой России в целом».

Читатель может сам сделать выводы на основании документов, рассмотренных выше и дающих полную картину о целях, методах и самой подготовке интервенции как вдоль границ России, так и во внутренних ее районах о том, насколько утверждения Кемпи соответствовали действительности. Дуглас Янг мог не знать многого, но он знал самые главные факты и на них построил свой последующий ответ, напечатанный в «Таймс» 6 января 1919 года.

Янг отметил, что Кемпи признал **свою** неправоту

только по одному пункту вопроса о безопасности британских подданных, который, вероятно, должен был повлиять на общественное мнение накануне выборов. Адмирал утверждал, что «до вторжения союзников в Архангельск с британскими подданными обращались плохо». Янг писал, что в ответ на «заявление Кемпа в Архангельске от 6 июля о целях присутствия там союзников, какое бы значение он в него ни вкладывал, советские власти немедленно откликнулись на него и разрешили подданным союзных держав выехать из Архангельска». Британские граждане в городе не только не подвергались преследованию, но им были предоставлены многие привилегии. «Если бы они могли высказать свое мнение», они стали бы жаловаться не на большевиков, а на сбежавших представителей союзных держав. Кемп, может быть, припомнит, как в беседе с руководителями Архангельского совета между 6 и 11 июля он сказал, что, по его личному мнению, британскому правительству следует признать правительство Советской России. Не желая отвечать на все другие «нелепости» и искажения Кемпа, он хочет подчеркнуть тот факт, что «события в Мурманске вынудили советские власти сплотить свои ряды как в Архангельске, так и повсюду в России». Вопреки мнению Кемпа Янг писал, что русские не являются нацией трусов и что их кратковременная растерянность была «вызвана неожиданной бомбардировкой города самолетами союзников, против которых у них не было никакой защиты», а также тем, что среди командного состава в Архангельске было много бывших царских офицеров, с самого начала намеревавшихся изменить большевикам. Через неделю после высадки русские остановили продвижение союзников и продолжают их удерживать. Смешно было бы ожидать от советских властей, что они отдадут казну и банковские фонды в наше распоряжение. Между тем казачьи офицеры после ухода большевиков «присвоили и поделили между собой несколько миллионов рублей, принадлежащих государству».

Еще не настало время, пишет в заключение Янг, осветить «всю отвратительную деятельность британских представителей, с которой Советское правительство не пожелало мириться; но такое время придет». При этом он предостерегал от «искажения и замалчивания фактов».

Много лет спустя, касаясь вопроса об обращении с британскими подданными в Архангельске, Янг писал:

«Слово британского консула для местных властей было почти законом. Консульское свидетельство обеспечивало британскому подданному немедленный и полный иммунитет. Местные должностные лица делали все, что было в их силах, для обеспечения питанием и жильем граждан Британии и других союзных держав, прибывавших из внутренних районов России».

Намеревался или нет адмирал написать третье письмо — неизвестно. Газета не публиковала больше никаких материалов такого рода. Вполне возможно, что Кемп получил совет официальных властей прекратить свои выпады. Позже, 8 апреля 1919 года, сэр Рональд Грэм, временно исполняющий обязанности заместителя министра иностранных дел, в беседе с Янгом по поводу его письма в «Таймс» высказал мнение, что, возможно, первый ответ Кемпа на письмо Янга от 19 декабря «был предварительно санкционирован правительством Его Величества» (запись беседы, составленная Янгом).

Публикация писем, конечно, вызвала большую сенсацию, в частности среди трудящихся Англии. Они оказали большую поддержку только что возникшему движению «Руки прочь от России!». Из беглого знакомства с передовыми статьями либеральных газет видно, что критика «русской политики» правительства усилилась. В конце февраля 1919 года письма, которыми обменялись Кемп и Янг, были изданы в виде брошюры Народным бюро информации о России, созданным несколькими социалистическими организациями в Англии. Брошюра была озаглавлена: «Британский консул отвечает на антибольшевистскую клевету». Она получила широкое распространение. Автор этих строк, демобилизованный из армии через несколько дней после появления в газете последнего письма Янга, помнит, каким успехом пользовалась брошюра. На собственном экземпляре Янга имеется надпись, сделанная его рукой: «Эта брошюра была издана без моего непосредственного участия. Д.Я.».

Реакция в министерстве иностранных дел на эту публикацию была крайне враждебной. В то же время протесты общественности Англии против интервенции, которые приобретали все более решительную форму, сдерживали руководство министерства иностранных дел от расправы с Янгом.

Еще 31 декабря 1918 года, до появления заключительного письма Янга, одно высокопоставленное должностное лицо (сэр Виктор Уэллслей) сделало следу-

ющую запись в одном из документов, хранящихся в архиве: «Г-н Янг заслуживает по меньшей мере сурового порицания, и я лично думаю, что он должен быть уволен, но я, конечно, не могу сказать, насколько такие действия будут правильными в данных обстоятельствах». Это мнение разделяли г-н Дж. Д. Грегори и сэр Джордж Клерк. Кто-то из чиновников министерства добавил: «Я думаю, конечно, что он должен быть уволен, если нет возражений политического характера». Лорд Керзон высказал следующее мнение: «Дело с публикацией в «Таймс» можно было бы уладить, потребовав от г-на Янга объяснений, но статья в «Геральд» возмутительна. С другой стороны, вполне вероятно, что г-н Янг действует очертя голову и стремится обрести дешевую популярность. Быть может, для начала следовало бы уведомить его, если его отпуск кончился, что он назначается на другой пост, не в России, и проследить, как он себя там поведет».

Управляющий делами в министерстве иностранных дел написал: «Это дело кажется мне возмутительным. Чтобы поддержать в ведомстве какую-то дисциплину, с Янгом надо поступить решительно. Я думаю, следует потребовать, чтобы г-н Янг представил объяснения, и предупредить его, что до получения от него удовлетворительных объяснений он будет отстранен от службы»¹.

Появление второго письма Янга поставило все точки над «i», и 25 января 1919 года лорд Керзон, исполняющий обязанности главы министерства иностранных дел в отсутствие г-на Бальфура, распорядился, чтобы Янгу было отправлено уведомление по поводу его статьи и двух писем, которые содержали «критику политики правительства Его Величества относительно обстановки в России и поведения британских официальных лиц, коим проведение этой политики было доверено». Чиновники, состоящие на службе правительства Его Величества, не имели права (Янг вряд ли мог находиться в неведении на этот счет) выступать в прессе со своей точкой зрения по вопросам политики. В соответствии с этим Янгу предлагалось представить объяснения относительно своего поведения и сообщалось, что до получения удовлетворительных объяснений он отстраняется от исполнения своих обязанностей в качестве чиновника консульской службы.

---

¹ F.O. 371, vol. 3350, p. 370—371

О замешательстве, в котором пребывало руководство Янга, говорит тот факт, что в черновике уведомления, подготовленном Уэллслеем, имелась следующая фраза: «Я хочу указать на то, что вы могли бы в любое время представить министерству изложение ваших взглядов касательно политики правительства Его Величества в России, которые были бы с вниманием рассмотрены министром». Но фразу вычеркнули по причине, которая станет понятной читателю, если он вспомнит, что Янг писал о своей беседе в министерстве по возвращении из Архангельска, когда ему рекомендовали не представлять никакого «изложения собственных взглядов».

Янг не исполнял никаких консульских функций с конца октября 1918 года и, отметив это в своем ответе министерству от 28 января 1919 года, поставил вопрос, должен ли он приостановить свою работу в отделе внешней торговли. Это вызвало новый взрыв негодующих замечаний в министерстве иностранных дел: «Г-н Янг тщетно пытается увильнуть» (Дж.Д.Г.); «Это попросту увертка» (Х.Е.С.); «Отстранение, несомненно, означает прекращение оплаты и приостановление исполнения официальных функций» (управляющий делами); «Конечно» (В.В.)¹. Соответствующее уведомление было передано ему 7 февраля 1919 года личным секретарем лорда Керзона.

В это самое время, писал он три года спустя, «я столкнулся со сложными личными проблемами. Моя жена получила сообщение о смерти матери в России. Горечь этого известия усугублялась сознанием того, что земельная и иная собственность, которую она бы унаследовала, была для нее потеряна в результате революционных событий. Я в свою очередь в споре с министерством иностранных дел, казалось, стоял перед дилеммой: идти ли мне до конца с тем, что я считал своим общественным долгом, или же склониться перед силой обстоятельств», т.е. восстановиться на службе, являвшейся источником существования. В это время обсуждалось предложение о встрече на Принцевых островах в Мраморном море, близ Стамбула, исходившее от Верховного совета союзников. Союзники обращались ко всем воюющим в России группировкам с призывом принять участие в мирной конференции на

---

¹ F.O. 369, vol. 1213, документ 16013.

Принцевых островах*. По мнению Янга, это давало некоторую надежду на скорое прекращение гражданской войны и интервенции в России и делало дальнейшие шаги с его стороны «излишними». Поэтому 4 марта 1919 года он направил свои объяснения в министерство.

В промежутке между этими событиями у руководства министерства иностранных дел появилась еще одна, неизвестная Янгу, причина досадить ему. 25 февраля правительственный инспектор торгового флота сэр Джозеф Маклей написал Бальфуру письмо «О работе в Архангельске в начале 1918 года г-на консула Янга, которая достойна самой высокой похвалы». После того как персонал военно-морского флота был отозван 18 декабря 1917 года, Янг встал на защиту британских торговых интересов. В частности, он стал заниматься вопросами перевозок. «Дело не только в том, что положение г-на Янга по политическим причинам было трудным, но и в том, что большая часть обязанностей, которые он взял на себя, полностью выходила, по нашему мнению, за рамки обычной консульской работы и была связана с переговорами об использовании русских судов, о погрузке и разгрузке и с другими делами, касающимися морского транспорта. В результате деятельности консула сэкономлены значительные денежные средства для правительства Его Величества». В письме содержалась просьба к Бальфуру поддержать ходатайство перед министерством финансов о выплате Янгу специальной денежной премии в размере 200 фунтов стерлингов¹.

В сложившихся обстоятельствах эти деньги были бы для Янга весьма кстати. Несомненно, именно в силу этих причин предложение пришлось не по вкусу в министерстве иностранных дел. «В обычной ситуации оно могло бы стать предметом обсуждения. Теперь об этом не может быть и речи»,—такова была первая реакция одного из чиновников министерства Х. Е. Са-тоу на письмо из Архангельска. Другой чиновник Джордж Клерк писал: «Предложение министерства торгового флота является неуместным, так как никто не сомневается в ценности работы г-на Янга. Мы подожд-

* Конференция на Принцевых островах не состоялась, хотя Советское правительство согласилось на участие в ней при условии, что размер территориальных уступок будет определяться фактическим положением воюющих сторон. Перспективы конференции складывались явно не в пользу контрреволюционных группировок, и они при поддержке Франции отказались от участия в ней

¹ F.O. 369, vol 1213, документ 31457.

дем его объяснений. И если они окажутся, как я надеюсь, приемлемыми, мы поддержим предложение министерства торгового флота». Теперь понятно, почему сэру Джозефу Маклею был послан ответ с просьбой несколько повременить с этим вопросом¹.

4 марта 1919 года Янг представил свои объяснения. Копия документа сохранилась в его личных бумагах. Суть документа уже была изложена на предыдущих страницах. Но некоторые важные положения, пожалуй, заслуживают того, чтобы их выделить. Янг писал, что Кемп допустил неточности с «целью воздействовать на общественное мнение». Эти «неточности» Янг хотел исправить. Британское правительство допустило «существенную ошибку», сочтя, что антивоенная политика Советского правительства, «продиктованная главным образом экономическим истощением», являлась уже в силу самого факта прогерманской. Советское правительство, стремясь к достижению соглашения об экономическом сотрудничестве с союзниками, готово было смириться с действиями Британии против врага на Севере России «при условии, что эти действия не будут вестись через его голову и без его санкции». Однако «безответственным представителем британского военного командования» было дозволено вступать в бесчестный и опасный сговор с антисоветскими группировками «с разрешения или без разрешения правительства Его Величества». Эта деятельность, хорошо известная советским властям, а также подготовка союзниками чехословацкого мятежа и восстания в Ярославле подорвали доверие советской стороны и к словам, и к действиям союзников. Янг сам, несмотря на телеграммы, отосланные в Лондон в июне и июле 1918 года, не получил ясных указаний о британской политике. Он был удивлен, когда ему по возвращении в Англию не разрешили представить доклад министерству иностранных дел, хотя к этому времени «провал Архангельской экспедиции стал очевиден». Теперь он понимает, что правительство, по-видимому, не хотело слышать ни о чем, что «не дискредитировало бы Советское правительство». Этот его вывод подкреплялся кампанией в прессе, использовавшей «недостовверные и пристрастные свидетельства», дабы подготовить общественное мнение к интервенции в большом масштабе, в то время

---

¹ После того как извинение Янга было принято, Керзон дал согласие на выплату премии (10 мая).

как могла бы быть достигнута «мирная договоренность с Советским правительством». Учитывая, что британское правительство применяло «методы, не совместимые с честными действиями», он хотел открыть глаза общественности на поведение союзников в России. И хотя Янг знал, что, поступая таким образом, он нарушает дисциплину и может потерять средства к существованию, он решил пойти на это, поскольку «ставил истину выше традиции и человеческие жизни выше чисто формальных соображений». Янг добавил, что до него и другие лица, получающие государственное жалование, публиковали статьи и письма, выступали с лекциями о положении в России, которые основывались на опыте их деятельности в качестве официальных представителей в этой стране. Его проступок, по-видимому, состоит не в самом факте публикации, а в том, что его мнение отличается от мнения министерства иностранных дел. Он утверждал, кроме того, что политика, которую он отстаивал, была в последующем принята мирной конференцией*.

Вся беда Янга состояла в том, что он не знал о решениях кабинета от 21 декабря и, следовательно, не понимал того, что действия Британии в отношении Архангельска составляли лишь часть комплексного плана, о котором компетентные британские власти, политические и дипломатические, а также в не меньшей степени военные, были осведомлены и который поддерживали. Поэтому обвинения в том, что методы, применяемые в Архангельске в отношении Советской России, «не отвечали английским традициям справедливых и честных действий», были неуместны в послании Янга в одно из главных ведомств, с самого начала ратовавшего за такие методы.

Реакцию ответственных чиновников министерства на послание Янга можно было предвидеть. Из архивных документов видно, что они, однако, опасались ответственности Англии, проявляющей все большее беспокойство политикой Англии в России.

«Единственное оправдание, которое он выдвигает, состоит в том, будто ему было сказано, что от него не требуют никакого отчета. Если нам придется отка-

---

* Имеется в виду Парижская мирная конференция, созванная для выработки мирного договора между союзниками и Германией и открывшаяся 18 января 1919 года. Янг неправильно понял направленность проекта договора, который был подписан позже, 28 июля 1919 года в Версале.

заться от услуг г-на Янга, то я лично огорчился бы, поскольку он очень способный человек» (Е. Ф. Гай, начальник консульского отдела, 8 марта), «Дискутировать с ним бесполезно... Меня смущает только одно: что будет, если его уволить? Он может представить события в Архангельске в пробольшевистском освещении, и было бы весьма невыгодно иметь его не у дел. Он начнет выступать против антибольшевистской пропаганды, которую мы ведем». Ему можно было бы «зажать рот», оставив его на работе при том условии, что он более не поведет себя дурно» (Дж. Д. Грегори, 3 апреля). Сэр Джордж Клерк отметил, что Янг посетил его. Клерк утверждал, что он настойчиво просил Янга представить доклад тогда, «когда он почувствует себя хорошо. Я знал, что его мнение отличается от мнения наших военных властей». Тем не менее имело место «грубое и преднамеренное нарушение долга», и руководство проявит снисходительность, если «разрешит ему подать в отставку». Сэр Рональд Грэм в записи от 4 апреля подчеркивает тот факт, что Янг, «несомненно, пишет грамотно», хотя его доводы не относятся к делу. Однако на Грэма «произвели большое впечатление его способности быстро ориентироваться в любой ситуации», Сэр Рональд предложил объявить ему выговор. В тот же день лорд Керзон сказал: «Беда в том, что, в сущности, он оказался прав». В отношении выпада Янга против генерала Пуля Керзон пишет: «Кажется, всеми признано, что этот офицер создал там достойную сожаления неразбериху». Он согласился, чтобы Грэм выслушал Янга и принял от него извинения¹.

Ни в одном из комментариев этих официальных лиц не содержалось и намека на признание ошибок в политике британского правительства по отношению к России, что, в сущности, составляло основное содержание объяснительного письма Янга.

5 апреля 1918 года Янг получил приглашение явиться к сэру Рональду Грэму. Встреча состоялась 8 апреля. В своем неопубликованном отчете Янг писал: «Сэр Рональд Грэм был настроен дружелюбно, но, казалось, чувствовал себя неловко. Упомянув в исключительно лестных выражениях о моей службе в Архангельске и моей предшествующей работе, он дал понять, что я могу сохранить свою должность, если формально выражу свои сожаления по поводу проступка, состояв-

¹ F.O. 869, vol. 1213, документ 36519.

шего в том, что я высказал свое мнение публично без согласия министра. Он не коснулся обстоятельств, которые вынудили меня так поступить, и рассматривал вопрос исключительно как вопрос дисциплины». Поразмыслив и приняв во внимание, что было сделано предложение о созыве конференции на Принцевых островах, Янг 10 апреля направил извинительное письмо по поводу «серьезного нарушения служебной дисциплины». Прошло около трех недель, прежде чем 30 апреля 1919 года он получил уведомление от лорда Керзона. «Тон его весьма отличался от дружелюбного тона, в котором беседовал со мной заместитель министра». Керзон пригрозил отстранить Янга «от службы Его Величеству» в случае повторения такого грубого проступка. Несколько дней спустя министерство торгового флота выплатило Янгу причитающиеся 200 фунтов стерлингов.

Однако вскоре снова возник конфликт между Янгом и министерством иностранных дел. Янг должен был направиться вице-консулом в Новороссийск, «где его услуги срочно требовались», а 9 мая министерство иностранных дел сообщило Янгу, что до отъезда он должен немного поработать в русско-скандинавском секторе отдела внешней торговли, «чтобы ознакомиться с последними событиями в районах Черного моря». Всем было известно, что именно в этих районах союзники оказывали всестороннюю поддержку генералу Деникину после того, как он и другие белогвардейские лидеры отвергли приглашение на Принцевы острова. Следовательно, новое назначение означало — и министерство иностранных дел понимало это не хуже самого Янга — «участие в движении», которое он считал «не только безнадежным, но и аморальным делом». Позже Янг писал, что, если учесть опыт его работы в Архангельске, это было «движение», в котором он «не мог участвовать, не запятнав своей чести». Быть может, именно по этой причине ему и была предложена эта должность.

Янг решил отклонить предложение министерства иностранных дел. Он испытывал сильное переутомление. 15 мая Янг попросил предоставить ему отпуск без сохранения содержания на шесть месяцев, «для того чтобы отвлечься и отдохнуть от официальных обязанностей всякого рода». Этот жест, в сущности, был донкихотским, ибо по уставу министерства иностранных дел ему полагалась половинная оплата. Лорд

Керзон был не настолько благороден, чтобы напомнить Янгу соответствующий пункт устава. Мелочное злопмятельство, которым он славился по отношению к сотрудникам рангом ниже его, возобладало над остальными чувствами лорда. В письме, посланном 10 июня,— потребовалось почти четыре недели, чтобы его сострять,— Янгу от имени Керзона сообщалось не только о предоставлении шестимесячного отпуска без сохранения содержания, но и о том, что «этот период не будет ему зачтен при исчислении будущей пенсии». С этого момента Янг потерял не только источник доходов, но и право на получение пенсии. В сущности, он был британским гражданином, свободным от обязательств перед каким-либо официальным институтом, и менее всего перед министерством иностранных дел. Но он всячески избегал любой общественной деятельности.

Однако в течение лета планы союзников о соединении их вооруженных сил на севере России с армией Колчака, наступавшей с востока, потерпели полный провал. Мало того, что продвижение их сил, как уже говорилось выше, было остановлено сравнительно недалеко от Архангельска, среди русских воинских частей, созданных под эгидой союзников, произошло несколько бунтов, в ходе которых были убиты британские офицеры. В американских частях также наблюдались несомненные признаки недовольства. К тому же Красная Армия нанесла Колчаку тяжелое поражение, и части его войск повсюду отступали. Более того, выяснилось, что несколько новых батальонов, направленных в мае из Англии в Архангельск якобы для помощи при эвакуации английских частей, в действительности предназначались для пополнения сил союзников. Вместо подготовки к эвакуации предполагалось продолжать кампанию на протяжении зимы 1919/20 года. Поэтому движение «Руки прочь от России!» в Англии стало расширяться, особенно после того, как конференция лейбористской партии в конце июня приняла резолюцию, которая призывала объединить усилия с Британским конгрессом тред-юнионов и положить конец интервенции, «используя все возможности»¹.

В этой ситуации, полагая, что он находится на положении частного гражданина, Дуглас Янг 6 августа 1919 года написал письмо премьер-министру Ллойд

---

¹ W.P. and Z. Coates. A History of Anglo-Soviet Relations. London, 1943, p. 141—145.

Джорджу, Он сослался на все свои телеграммы министерству иностранных дел в июне и июле 1918 года, когда он «защищал интересы Британии в качестве консула Его Величества в Архангельске и ощущал в полной мере ответственность за свои действия». Янг напомнил, все случилось так, как он и предупреждал. Далее он писал: «Положение войск союзников в Архангельске, по-видимому, вызывает большое беспокойство правительства Его Величества. Я убежден в том, что Советское правительство не имеет намерения наносить союзническим войскам какой-то военный разгром; мирная эвакуация означала бы моральную победу Советской России, которая бы полностью ее удовлетворила. Решение о такой эвакуации, по крайней мере на словах, было принято правительством Его Величества, и, следовательно, нет препятствий для его осуществления. Однако отправка новых войск в Россию и безуспешная попытка, о которой сообщается в сегодняшних газетах, оккупировать Онегу являются не чем иным, как проявлением нашей агрессии, что влечет за собой ужасающее кровопролитие и разрушения. Эта агрессия может рассматриваться как провокация и приведет только к тому, что большевистское руководство потеряет всякое терпение и начнет действовать вопреки собственным и нашим интересам».

Вот уже более года, продолжал Янг, «мой голос звучит подобно гласу, вопиющему в пустыне. Министерство пренебрегает мной и считает довольно опасным безумцем, а коллеги по дипломатической службе относятся ко мне как к „славному парню с причудами“».

Но даже в теперешнем своем положении Янг готов предложить свои услуги для обеспечения бескровной эвакуации. Он считает ее пока что возможной. Рискуя жизнью, он может попытаться попасть через Архангельск в Вологду или даже Москву. Янг готов пойти на этот риск «не ради правительства, чья слепота и безрассудство в основном способствовали возникновению теперешней ситуации, а во имя интересов моей родины, чувства гуманизма и всеобщего мира». Британские генералы и адмиралы до сих пор явно терпели неудачу в России, но не потому, что они плохо знают свое дело, а потому, что «они совершенно не разбираются в психологии другого народа». Янг приложил копию своего письма министерству иностранных дел от 4 марта.

Следует отметить, что еще раньше, чем Янг отпра-

вил письмо в министерство, У. Х. Бакклер, атташе американского посольства в Лондоне, посетил Литвинова в Стокгольме и сообщил, что, по словам советского представителя, «большевики без сомнения в любое время согласятся на перемирие на Архангельском фронте»¹.

Тон заключительной части письма Янга вряд ли можно считать вежливым в тогдашней ситуации. Однако выражения Янга были гораздо мягче по сравнению с выражениями, обычно употреблявшимися противниками интервенции.

По всей вероятности, судьбу письма Янга решило то, что в те месяцы казалось крупнейшим за все время событием в гражданской войне,— победа белых армий на юге России и на Украине в июне, июле и августе. Столкновения в районе Архангельска были всего лишь каплей в море по сравнению с перспективами, которые, казалось, эти победы открывали.

Так или иначе, Ллойд Джордж послал Янгу формальное уведомление о получении письма и переправил его без каких-либо пометок лорду Керзону. В министерстве иностранных дел на голову Янга посыпались новые порицания.

«Отправка г-на Янга в Архангельск не принесет ничего хорошего»,— писал 1 сентября 1919 года генерал-майор Твейтс, начальник военной разведки, которому, вероятно, был передан на заключение вопрос о новом назначении Янга. «Не положено консулу обращаться непосредственно к премьер-министру по общим вопросам политики и по поводу его назначения, минуя министра иностранных дел. За такой поступок консулу, как правило, полагается строгий и заслуженный выговор. Однако вся предшествующая деятельность г-на Янга показала, что а) он является ценным государственным чиновником и б) что он человек, которого выговорами или увещеваниями невозможно заставить соблюдать правила поведения и подчиняться дисциплине. Поскольку его способности общепризнаны, то министерству следует пока закрыть глаза на его причуды и терпеть его до тех пор, пока не представится возможность избавиться от него» (г-н О'Малей). Он советовал не посылать ответа. Г-н Дж. С. Тилли писал: «Не думаю, что нам следует увольнять его за то, что он

---

¹ W.P. and Z. Coates. Op. cit., p. 162—163.

писал премьер-министру и предложил свои услуги, хотя тон его письма исключительно наглый».

Другие деятели в министерстве были более решительны. Дж. Д. Грегори 8 сентября записал: «Г-н Янг неисправим. У него нет никакого представления о правилах приличия. Конечно, обратиться к премьер-министру не так предосудительно, как выступить в прессе за спиной своего министерства. Но и этот его поступок показывает, что он не подчиняется дисциплине...» «Снисходительность,—написал он в заключение,—оказала бы деморализующее воздействие»¹.

Очевидно, государственные чиновники были обеспокоены тем, как бы Янг не выдвинул неоспоримый довод о том, что гражданское лицо имеет право обратиться к главе правительства по вопросу национального значения. Более того, он внес предложение, которое явно могло навлечь на него самую большую опасность, и при этом не ставил вопроса о каком-либо «назначении» или вознаграждении. Но они знали также, что вопрос о дисциплине—несмотря на то что дисциплина была, по существу, не нарушена, поскольку Янг находился в то время вне службы,—представлял собой весьма удобное основание для лорда Керзона, чтобы разделаться с человеком, который, в сущности, ставил под сомнение необходимость войны против большевиков, политику, которую Керзон активно проводил в жизнь.

Так оно и случилось. Комментарий Керзона был таков: «С меня хватит г-на Янга. Я не намерен возвращать его на службу». Уместно напомнить, что к этому времени армия Деникина достигла Орла и находилась всего в каких-то 200 милях от Москвы. По мнению британского правительства, падения советской столицы следовало ожидать через несколько дней. Поэтому 9 октября лорд Керзон распорядился направить Янгу письмо и напомнить, что он уже имел объяснения в связи с его публикациями в прессе. В этом письме было сказано, что Янг теперь повинен не только в новом нарушении дисциплины, выразившемся в том, что, будучи сотрудником министерства иностранных дел, он, обойдя министра, позволил себе обратиться непосредственно к премьер-министру, но и в том, что в своем письме г-ну Ллойд Джорджу допустил дальнейшую критику политики правительства Его Величества и

---

¹ F.O. 369, vol. 1213, письмо Янга от 6 августа 1919 года и пометки на нем 1—9 сентября 1919 года.

позволил себе более резкие высказывания. «Если бы вы являлись частным лицом, то были бы вольны высказывать в прессе или где угодно свои взгляды, но ваше положение иное, и, поскольку вы занимаете должность на государственной службе, на вас распространяются те же правила дисциплины, что и на других государственных служащих. Из того, что произошло, министру иностранных дел ясно, что, пока вы придерживаетесь своих взглядов, вам будет трудно в будущем, как это было и в прошлом, следовать общим правилам, поэтому ваше дальнейшее пребывание на консульской службе невозможно и можно считать, что оно окончилось».

Нигде в этом напыщенном письме лорд Керзон не указывает, какое же правило запрещает «государственному служащему» обращаться с письмом к премьер-министру своей страны по вопросу не ведомственному, а относящемуся к национальной политике. Непонятно, почему он сравнивает это письмо с прежними публикациями статей и письмами Янга в прессе.

Так одним росчерком пера был положен конец карьере Янга. Он лишился также прав на пенсию, уже заработанную. Позже он, кажется, серьезно размышлял о передаче своего дела «в различные апелляционные органы». В письме министерству иностранных дел 29 апреля 1920 года он запросил, следует ли рассматривать решение лорда Керзона как окончательное. На это 8 мая 1920 года лорд Керзон ответил утвердительно. Хотя разгром белых армий был к этому времени завершён, 25 апреля 1920 года началось широкое наступление поляков на Советскую Россию. 7 мая сам король послал поздравительную телеграмму польскому маршалу Пилсудскому якобы по случаю годовщины польской конституции 1791 года, а в действительности, и все это прекрасно понимали, по случаю успешного начала наступления. В тот момент сторонники войны в британском кабинете, очевидно, испытывали подъем. Возможно, что именно по этой причине Янг не предпринял действий, о которых писал в апреле. Однако он не оставил каких-либо определенных объяснений в своих бумагах относительно своего решения.

Следует, во всяком случае, отметить, что в то время в Великобритании не существовало крупных профсоюзов государственных служащих, на которые Янг мог бы опереться в поисках поддержки. Они возникли много лет спустя. Длинный перечень фактов, подтвер-

ждающих его лояльность, был отправлен Янгом в министерство иностранных дел 21 августа 1921 года (когда с Советской Россией были установлены отношения де-факто). В силу своего воспитания и будучи твердо убежденным в традиционной порядочности британских официальных лиц, Янг все это время надеялся на то, что в конечном счете лорд Керзон пересмотрит свое решение. Янг даже подчеркивал в своем письме, что «отказывается от приглашений выступить публично с трибуны и отклоняет выгодные предложения опубликовать историю интервенции так, как ее знает», поскольку руководствуется только добрыми намерениями в своих действиях. Но это письмо не дало никаких результатов. Из министерства иностранных дел пришло лишь краткое сообщение, гласившее, что лорд Керзон «отказывается пересмотреть вопрос о вашем приеме на службу и не хочет продолжать переписку».

Приложение к главе 13

Мы хотели привести здесь данные о мятежах и дезертирстве среди русских войск, сформированных под эгидой и с материальной помощью британских военных властей в Архангельске, в дополнение к фактам, приведенным в письмах, полученных Дугласом Янгом из России.

Справедливости ради отметим, что в архивах имеются упоминания о многих случаях индивидуального дезертирства из частей Красной Армии в период оккупации. Но Красная Армия в 1918 году и даже в начале 1919 года находилась на самой начальной стадии организации и становления. В Архангельской губернии среди ее частей имелись хорошо обученные и экипированные, а также политически подготовленные отряды, состоявшие из промышленных рабочих, матросов и солдат-большевиков. Но большинство как добровольцев, так и мобилизованных, составляли вооруженные крестьяне, набранные наспех во множестве деревень, разбросанных среди обширных лесов района. Они вначале еще не все были сторонниками большевиков. Более того, среди советских командиров имелись бывшие царские офицеры, чьи симпатии были на стороне противника, и они, как об этом свидетельствуют документы, вели себя соответственно.

В вооруженных силах союзников в Архангельске

могли предложить лучшее питание и одежду. Кроме того, как англичане, так и царские офицеры были в большинстве случаев опытными военными. Славяно-британский легион состоял, по условиям, на 50 процентов из англичан. Мятежи среди частей, находившихся под контролем союзников, носили в основном политический характер в отличие от одиночного дезертирства из противоположного лагеря.

Нижеприведенная таблица, составленная на основе архивных документов, дает более обстоятельную картину (пусть и не совсем полную) мятежей и дезертирств среди военных частей, сформированных союзниками, чем те немногие данные из писем Вискеманна или работ, посвященных истории этого периода.

№	Дата	Род войск	Характер действия	Источник
1.	29 августа 1918	Славяно-британский союзнический легион	Одно из подразделений открыло огонь по своим офицерам и дезертировало	W.O. 95.5419
2.	29 октября 1918	Новобранцы в казармах им. Александра Невского	Отказались выйти на парад. Причина: 1) офицеры продолжают носить знаки отличия царского времени; 2) не хотят воевать за английского короля; 3) не желают отдавать честь; 4) требуют больших порций	Там же
3.	3 декабря 1918	1-й Архангельский полк	Взбунтовался (13 зачинщиков расстреляны)	Там же и W.O. 33.950
4.	30 декабря 1918	2-я рота 1-го Архангельского полка	Атака сорвалась из-за отказа наступать (у Тарасово)	W.O. 95.5419
5.	21 января 1919	Мобилизованный русский батальон	Оказался бесполезным, одна рота фактически отказалась наступать (Шенкурск)	Там же

№	Дата	Род войск	Характер действия	Источник
6.	25 апреля 1919	2-й батальон 3-го Северорусского полка	9 русских офицеров убито, всего отсутствует 300 человек. Противник ночью сумел проникнуть в Тулгас. Шгаб и казармы были окружены (Тулгас)	Там же
7.	27 апреля 1919	Пулеметная рота русского Шенкурского батальона	Убили 2 офицеров, разбежались. Некоторые перешли в Красную Армию. Число перешедших—около 150.	W.O. 33,966
8.	14 мая 1919	1-я рота 8-го Северорусского полка	Отказались погрузиться для отправки вверх по реке. «2 офицера убиты. К сожалению, вынужден был 15 человек расстрелять, но роты в строю». 2-я рота разоружена (Пинега)	Там же, а также W.O. 95 (приложение)
9.	7 июля 1919	3-я рота 1-го батальона славяно-британского легиона, а также пулеметная рота 4-го Северорусского полка	Преднамеренный мятеж в 2 часа ночи, 4 брит. 4 рус. офицера убиты. 2 брит. 2 рус. офицера ранены. 200 человек сбежали к большевикам. Подавлен огнем речной флотилии. 11 человек расстреляны, остальные заключены в тюрьму. Батальон разоружен, реорганизован в рабочий батальон, как и 2-й бгл. славяно-брит. легиона (Топса-Троицкая область)	W.O. 33,940 W.O. 33,967A W.O. 95,5419
10.	21 июля 1919	5-й Северорусский полк	«Взбунтовался в час ночи». 3000 пехотинцев, 1000 из др. под-	Там же

№	Дата	Род войск	Характер действия	Источник
			разделений перецели к большевикам». Весь Онежский фронт в руках Красной Армии (Чикучево)	
11.	22 июля 1919	2-я и 3-я роты 6-го Северорусского полка	12 солдат дезертировало к большевикам. 2-я рота того же полка была разоружена и 4 человека расстреляны.	W.O. 95.5419
12.	3 августа 1919	Русские части на пароходе «Уоргон Белл», недавно прибывшие из Онеги	Убит английский матрос. Мятежники переведены на британский военный корабль «Фокс» (Архангельск)	Там же
13.	24 августа 1919	1-й Северорусский полк	1 сержант и 10 солдат дезертировали с винтовками в Красную Армию	Там же
14.	24 августа 1919	1-й Северорусский полк	Мятеж 20 солдат. Был послан «Монитор-26». Мятежники доставлены в Архангельск (Красная Горка, Двинский фронт)	Там же
15.	26 августа 1919	4-й Северорусский полк	Солдаты говорят, когда англичане уйдут, они перебьют своих офицеров и разойдутся по домам	Там же
16.	27 августа 1919	3-я рота (4?) Северорусского полка	Отказались подчиниться приказу выйти на парад.	Там же
17.	28 августа 1919	8-я рота 4-го Северорусского полка	16 солдат дезертировали с винтовками (Вага)	Там же
18.	29 августа	1-я, 2-я, 3-я, 5-я роты 4-го Северорусского полка	Массовое дезертирство из русских частей с оружием и без него. Роты разоружены.	Там же

В Архангельске в 1967 году были опубликованы две книги: сборник воспоминаний о событиях 1918—1919 годов «В боях за Советский Север» и сборник документов «Борьба за торжество Советской власти на Севере». В них описываются некоторые из этих мятежей.

К 22 июля 1919 года генерал Айронсайд, командующий войсками союзников в северной России, уже телеграфировал военному министерству: «Состояние русских войск таково, что все мои усилия по укреплению русской национальной армии обречены на неудачу. Необходимо теперь же эвакуироваться как можно скорее, если только численность британских сил здесь не будет увеличена» (W.O. 33.967A). Меморандум, составленный начальником имперского генерального штаба на основании докладов, подобных цитированным, гласил, что «обстановка в Архангельске радикально изменилась... Мы не сумели создать надежную русскую армию... Теперь мы ничего не выиграем, задержав британские войска в Архангельске хотя бы на один день дольше, чем это необходимо» (W.O. 33.950).

Таким образом, правота Дугласа Янга, осуждающего вторжение в Архангельск, с лихвой подтвердилась событиями, последовавшими через год после его отъезда.

ЧАСТЬ V

14

Теперь Янг оказался в ситуации, в какую он раньше никогда не попадал. Он не только потерял источник существования (800 фунтов стерлингов в год плюс пособие), но также и возможность получить пенсию. Кроме того, он чувствовал моральную ответственность за свою русскую жену и ее горничную, которых привез в Англию в 1918 году. Его теща недавно умерла, а значительная земельная собственность, которая перешла бы к г-же Янг до революции, была потеряна, как и сбережения Янга в русских облигациях. Сбережения, имевшиеся в английских банках, быстро таяли, и ему пришлось против воли принять великодушную помощь от своего отца. Он делал все возможное, чтобы заработать на жизнь: писал статьи и очерки о России, читал лекции, выполнял работу для Красного Креста, даже разводил кур в своем маленьком хозяйстве в деревне. О некоторых из его трудностей дает представление переписка Янга с редактором журнала одной общественной организации—Союза в поддержку Лиги наций*. Редактор этого журнала обратился к нему в октябре 1919 года с просьбой написать статью о возможности приема России в Лигу и о позиции, которую следует занять в отношении белогвардейских лидеров—Колчака и Деникина, если им не удастся свергнуть Советское правительство или, наоборот, если им это удастся. Янг написал статью, в которой объяснил, почему Лига наций должна сделать противоположное тому, что союзники делают в России вот уже пятнадцать месяцев. Редактор уведомил Янга о получении статьи, но затем решил не публиковать ее. Он посоветовался с полковником Джоном Уордом, в

---

* Лига наций—объединение государств, возникшее в 1919 году по инициативе президента США В. Вильсона. В нее вошли главным образом страны Антанты. Победенные в первой мировой войне страны и Советская Россия не были приглашены.

прошлом профсоюзным деятелем, и решил, что не будет брать на себя ответственность за статью, в которой изложены политические взгляды Янга. Он решил ее оставить как материал для будущего справочника Союза. Янг уговаривал его опубликовать статью, указывая, что полковник Уорд был в составе британских вооруженных сил в Сибири, где сблизился с другом адмирала Колчака и, следовательно, не годился в судьи. Он (Янг) согласен, если нужно, поставить свое имя под статьей. Но редактор отказался. Этот случай наглядно отражает настроения некоторых слоев Англии в 1919 году, когда речь заходила о России.

В общем, как только возникала какая-то перспектива получить работу или хотя бы опубликовать статью в любом издании общего характера, она тут же исчезала, когда становился известным «послужной список» Янга в министерстве иностранных дел. И все же он не прекращал вести свою кампанию против интервенции, а в последующие годы и против ее «антисоветского наследия».

Между прочим, в мае 1922 года он все еще надеялся на возможность получить по конкурсу место в одном университете, несмотря на то что сам лорд Керзон был его почетным членом. Конечно, из этого ничего не вышло. Министерство иностранных дел продолжало относиться к Янгу враждебно. Об одном из характерных примеров такого отношения можно узнать из сохранившейся записи в его бумагах. «Нью лидер», орган лейбористской партии, опубликовал в конце декабря 1923 года статью Янга о русско-британской торговле, явившуюся ответом на необоснованное утверждение коммерческого приложения к газете «Таймс», будто препятствием для торговли являлась государственная монополия на внешнюю торговлю в СССР, а не отсутствие дипломатических отношений между странами, установить которые призывали лейбористы. Янг отметил в статье, что есть все возможности для развития торговли и что именно «необдуманная интервенция» союзников усугубила экономические трудности, возникшие после революции, и на время сильно подорвала платежеспособность страны. Он настаивал на том, чтобы правительство Британии прекратило «официальную ссору с Советским правительством». В архивах министерства иностранных дел осталась копия статьи Янга. К ней было сделано примечание, из которого следовало, что, хотя утверждение Янга «пра-

вильно», тем не менее его «весьма ограниченный и пристрастный взгляд на положение вещей» хорошо известен министерству¹.

Для морального состояния Янга в эти тяжелые для него годы было важно сознание собственной правоты в оценке событий в Архангельске, а также поддержка со стороны многих здравомыслящих людей в Англии. Вискеманн писал ему 10 декабря 1918 года: «Я не буду особенно распространяться о местных делах. По-видимому, кому-то у вас не нравятся мои представления, или, вернее, наши, по известному вопросу, которые, к несчастью, противоположны представлениям правительства Его Величества. Твоя лебединая песня, конечно, вполне оправданна, но никто не обратит на нее внимания. Тошнотворна — вот слово, характеризующее нашу британскую печать». 14 декабря Вискеманн пишет, что среди русских войск, сформированных союзниками, произошел мятеж, который, по его мнению, был неизбежен, и 13 человек расстреляли. Даже когда союзники благодаря усиленному снабжению оружием, продуктами питания и одеждой сумели весной сколотить какое-то подобие русской армии, Вискеманн 7 мая 1919 года писал: «Я не сомневаюсь в том, что вся затея рухнет, словно карточный домик, как только мы сможем отсюда. Для многих письма в «Таймс» звучат как откровение — во всяком случае, большинство отзывается о них с одобрением». Вискеманн и Коул пытались как-то примириться с совершившимся фактом интервенции, с которым Янг в свое время примириться никак не мог. Теперь, когда союзники сформировали новые русские батальоны, оба придерживались линии «идти дальше до самого конца». Они, по-видимому, не сомневались в том, что вскоре войска союзников соединятся с Колчаком. Но этого, как известно, не произошло, потому что некоторые из этих вновь образованных батальонов перебили своих и английских офицеров и перешли на сторону Красной Армии. Примерно 29 июля 1919 года Вискеманн писал, что «ситуация оставляет желать лучшего, и бог знает, к чему все это приведет». Он предвидел свой «вынужденный и внезапный отъезд». Тем временем действия властей приняли «форму белого террора». 14 августа Вискеманн писал о странных денежных знаках, усыянных царскими эмблемами, о которых он упоминал в

---

¹ F.O. 371, vol. 3338, 2 января 1924 года.

письмах ранее. Некоторые эмблемы были вытравлены механическим способом, но не все. «После кропотливой работы весной по введению наших мерзких денежных знаков в обращение... теперь мы трудимся как проклятые, чтобы изъять их из обращения и как-то уничтожить». Десять человек трудились над этим «незаконным детищем казначейства». А последнее письмо Коула Янгу от 17 августа 1919 года содержало признание: «Твои худшие опасения относительно этого предприятия (интервенции) оправдались». Вскоре войска союзников начали унижительную эвакуацию из Архангельска.

В архивах министерства иностранных дел хранится примечательный документ, который наглядно иллюстрирует точку зрения и Вискеманна, и Янга на поведение союзников в Архангельске. Он не датирован, но, очевидно, относится к самому началу 1919 года. Текст, написанный на почтовой бумаге Ассоциации молодых христиан*, гласит, что англичане «непопулярны в этом краю» (имеется в виду Архангельск). Причиной этому является «надменная и повелительная» манера поведения. «Мы не должны чувствовать себя здесь как завоеватели и должны помнить, что было бы с Англией, если бы не жертвы русских в первые два года войны. Мы должны проявлять к их женщинам максимум уважения и учтивости. Русские пытались искоренить пьянство. Должны ли мы примером своей невоздержанности отбросить их к отправной точке их усилий? Мы не должны злоупотреблять гостеприимством. Один русский господин в Архангельске спросил, почему английские офицеры, которых он приглашает отобедать, всякий раз предлагают ему виски и сигареты по весьма высокому ценам? Лица, ведущие пропагандистскую работу, по большей части являются «коммерсантами с довоенным опытом». Их кругозор узок, поэтому не следует привлекать таких людей к пропагандистской работе. Нам следует прекратить рассуждения о большевизме».

Этот документ подписан Ф. Комлоши. Его преподобие Френсис Комлоши, кавалер ордена Военного креста, капеллан вооруженных сил 1916—1918 годов, а затем главный капеллан 29-й дивизии, посетил Архангельск и записал свои впечатления. Он учился в той же

---

* Young Men's Christian Association (англ.)—Ассоциация молодых христиан занимается популяризацией религии среди молодежи.

школе, что и пишущий эти строки, и был посвящен в духовный сан в 1904 году, как свидетельствует церковный справочник за 1920 год, т. е. был священником с большим опытом.

Еще одним документом, интересным для нас, является письмо из Архангельска начальнику военной разведки в Лондоне, датированное 27 апреля 1919 года. В нем говорится о том, что листовки, подписанные руководителем Союза британских моряков Хавелоком Вильсоном, сыграют «весьма полезную роль среди рабочих, мобилизованных и сражающихся на стороне большевиков». Теперешнее поколение может не знать, каков был политический облик г-на Хавелока Вильсона. Он стоял настолько правее тред-юнионистского движения в Англии, что находился в постоянном конфликте даже с самыми умеренными коллегами, возглавлявшими другие тред-юнионы. Нелепое предположение военной разведки в Архангельске, возможно, свидетельствует о политической «мудрости» военщины.

Оба документа, очевидно, были переданы на рассмотрение г-ну Линдлею 3 мая 1919 года. Он докладывает министру иностранных дел Бальфуру: «Надлежащей сферой для приложения сил военных является деятельность, которой они могут принести значительно больше пользы делу пропаганды, чем гражданские лица своими речами и листовками. Пока что, насколько я знаю, наши офицеры и солдаты не проявляли грубости к населению. Однако достойно сожаления распространение пьянства и организованной эксплуатации населения как нашими офицерами, так и солдатами, которые продают по непомерным ценам продукты, ввезенные правительством Его Величества для нужд вооруженных сил и для питания населения губерний». Командующий группой войск решительно закрывал глаза на подобную практику. Однако Линдлей боялся, что представители других союзнических сил в Архангельске окажутся «более щепетильными в этом отношении»¹.

Как бы то ни было, все, что доходило из Архангельска до Янга и подтверждало правильность его точки зрения, мало его утешало в свалившихся на него несчастьях. Гораздо большей для него поддержкой служили благожелательные письма, которые он получал в Великобритании.

---

¹ F.O. 175, Box 12, содержит оба документа.

Ниже приводятся выдержки из некоторых писем, полученных им после публикации статьи в «Геральд» и первого письма в «Таймс». Д. А. Руффман, бывший русский подданный, член королевского географического общества, 19 декабря 1918 года писал о «большом интересе и удовлетворении», которые испытал, прочтя «Геральд» и «Таймс». Хотя он сам пострадал от большевиков, тем не менее он должен признать, что союзники ведут неправильную политику в России. «Многие британские должностные лица, вернувшиеся из России и знающие, возможно, больше того, о чем Вы написали, не осмелились выступить в печати, как это сделали Вы». 22 декабря он получил письмо от Дж. Прилукера, автора популярных книг о царской России, в котором говорилось: «Я с глубоким интересом и сочувствием прочитал Ваше мужественное и откровенное заявление, касающееся действий союзников в Северной России. Я могу лишь надеяться, что у общественности откроются наконец глаза на действительное положение вещей... и она потребует нового политического курса». Д. М. Стивенсон, активный деятель рабочего движения, в письме из Глазго от 24 декабря поздравлял Янга и надеялся на то, что «поведение нашего правительства в России... если оно будет полностью осознано, вызовет осуждение большинства народа». Еще одно письмо пришло в апреле 1919 года от молодого врача Джорджа Х. Пирсона, который ходил в форменной одежде Красного Креста и был арестован в Архангельске в июле 1918 года по подозрению в шпионаже: «Я, наверно, никогда не забуду, с каким тактом и вниманием Вы вели себя как по отношению ко мне, так и к тем, кто меня «захватил» и чье отношение ко мне, учитывая обстоятельства, не могло быть лучшим. Я всем сердцем разделяю Вашу точку зрения».

Янг стал, как уже упоминалось выше, членом «Клуба 1917», где он встретился с видными лейбористскими деятелями, такими, как лидеры независимой лейбористской партии Филип Сноуден и Дж. Рамсей Макдональд, г-н К. Р. Эттли, полковник Дж. Веджвуд, Гарольд Ласки, К. М. Джд, актриса Эльза Ланчестер, Г. Дж. Уэллс и другие, с большим сочувствием воспринявшими историю Янга. В конце августа 1920 года Конгресс тред-юнионов и лейбористская партия выступили совместно под лозунгом всеобщей забастовки, чтобы заставить правительство Ллойд Джорджа отка-

заться от своего намерения начать новую войну против России. Янг послал экземпляр написанного им очерка об Архангельске Р. Л. Оутвейту, члену парламента, в прошлом известному деятелю либеральной партии. После войны он перешел в лейбористскую партию. Оутвейт писал: «Я прочел рукопись с величайшим интересом. То, о чем вы пишете, отвратительно и постыдно. Если бы я осмелился высказать критическое замечание, то сказал бы, что хочу видеть эту контратату доведенной до конца». Вскоре после этого известный либерал профессор Джильберт Мэррей писал, что очерк Янга, «кажется, подтверждает некоторые наихудшие подозрения. Ваше собственное положение должно было быть исключительно мучительным, практически почти невыносимым».

Янг поддерживал тесные отношения с Е. Д. Морелем, ведающим в руководстве лейбористской партии иностранными делами. Он был непримиримым противником союзнической политики в отношении Советской России. 9 мая Янг послал ему меморандум об интервенции, угроза которой внезапно возникла вновь в связи с пресловутым «ультиматумом Керзона»*. Когда лейбористская партия всерьез занялась рассмотрением вопроса об урегулировании отношений между Великобританией и СССР, Янг 27 декабря 1923 года направил Морелю еще один меморандум о займе Советскому правительству. Особенное внимание он уделил советским контрпретензиям, которые противопоставлялись аннулированным займам царской России, напомнив, как русская армия в 1914—1915 годах ценой огромных жертв спасла Париж и порты пролива, вторгшись в Восточную Пруссию**. Двумя днями позже, отвечая

---

* В мае 1923 года Керзон, теперь министр иностранных дел в консервативном правительстве Болдуина, убедившись в тщетности попыток изолировать СССР на международной арене, попытался спровоцировать войну против СССР, предъявив Советскому правительству провокационную ноту-ультиматум.

** Когда началась первая мировая война и войска Германии быстро продвигались в направлении Парижа, союзники запросили помощи у России. В августе 1914 года Россия начала плохо подготовленное наступление в Восточной Пруссии, закончившееся тяжелым поражением. В кампании 1915 года Германия решила покончить с Россией, бросив против нее основные свои силы, но окончательных своих целей не достигла. На Западном фронте в этот период наблюдалось относительное спокойствие. Французские и английские войска получили передышку.

на ряд дополнительных вопросов Мореля относительно пропаганды, ведущейся Ассоциацией британских кредиторов России, Янг отметил, что в финансовых вопросах «большевики заслуживают большего доверия, чем их предшественники». Он настаивал на том, чтобы лейбористское правительство назначило «комиссию по расследованию причин, приведших к открытому разрыву с Советским Союзом в 1918 году». В частности, он просил, чтобы Макдональд заполучил реестр всех входящих и исходящих писем министерства иностранных дел, где все письма нумеруются и подшиваются, поскольку боялся «исчезновения» всех обличающих документов.

С приходом к власти первого лейбористского правительства Янг получил большую свободу для публичного выражения своих взглядов ввиду явно растущих симпатий к его доводам о пересмотре враждебной политики консервативного правительства к Советскому Союзу и об установлении нормальных дипломатических отношений между двумя странами. Обещания установить эти отношения содержались в предвыборном манифесте лейбористской партии. В феврале 1924 года Макдональд был вынужден их выполнить под давлением нажимом со стороны профсоюзов и лейбористов — членов парламента.

18 февраля 1924 года Янг направил в газету «Манчестер гардиан» письмо, в котором возражал против того, что она отвергла идею советской контрпретензии на компенсацию за уничтоженное во время вторжения союзников имущество и настаивала на компенсации за имущество, конфискованное (советскими властями.— *Ред.*) после начала интервенции. Этот либеральный орган, до того находившийся в оппозиции к политике тори в отношении СССР, как отметил Янг, «попросту уведомил о получении письма».

В конце марта в Глазго Янг прочитал две лекции о русско-британских отношениях, в которых он вскрыл экономические и политические причины интервенции и ее последствия и обосновал необходимость полного пересмотра политики в отношении СССР. Многие из тех, с кем автор этих строк беседовал в последующие годы, вспоминали, что вторжение в Архангельск Янг назвал «третьесортным военно-морским рейдом». Продуманный во всех деталях план этого «рейда», к

которому приложил руку г-н Джозеф Чемберлен*, был так же тщательно упрятан в архивах, как и все материалы о приготовлениях к интервенции в Архангельске.

Янг составил текст лекций по географии и этнографии России, которые сопровождались показом 70 диапозитивов по волшебному фонарю. Задуманные как неполитические, они часто приводили к оживленным политическим дискуссиям, которые произошли и в «школе по иностранным делам» в Глазго, и в Союзе лондонских водителей автобусов в Вестминстере 28 апреля 1924 года.

В мае лекция о Финляндии вылилась в острую дискуссию о необходимости установления дружественных отношений с СССР. Примеров подобных дискуссий можно было бы привести много.

В это время все громче стали раздаваться требования восстановить Янга в должности.

2 марта 1924 года Лэнгдон Дэвис обратился с письмом к новому заместителю министра иностранных дел в лейбористском правительстве, Артуру Понсонби, в котором напоминал ему о деле Янга. Он написал о том, как Янг в нарушение установленных правил опубликовал статью, в которой изложил то, что он считал правдой о происшедших в России событиях и которая была осуждена министерством иностранных дел. «Он был поддержан всеми нами в Союзе демократического контроля и всем оппозиционным лагерем того времени, но был, конечно, уволен министерством. Теперь, когда лейбористы находятся у власти, следует вспомнить о прошлых фактах. На карту поставлена не только репутация такого прекрасного и способного человека, как Дуглас Янг, но и всего лейбористского движения». Будет ли лейбористское правительство попросту продолжать политику тех британских руководителей, которых оно порицало в течение стольких лет, или же оценит по достоинству тех, кто искренне разделял ее принципы. Оценит ли оно, в частности, «героические усилия Янга». Ведь тогда «мы все его хвалили и говорили, что он поступил как честный

* Дж. Чемберлен (1836—1914)—английский политический деятель. Активно боролся за экономическое и политическое могущество колониальной Британской империи. В период англо-бурской войны был министром колоний в консервативном правительстве Солсбери.

человек». Обладая разносторонними познаниями о России, он мог бы сослужить добрую службу для министерства иностранных дел.

Четыре дня спустя Понсонби ответил, что «был не прав, когда не уделял внимания делу Янга», но что теперь он им займется. К 17 марта он смог добавить к этому, что он, кажется, «успешно разрешил вопрос о Янге», однако для улаживания формальностей «потребуется некоторое время». Должностной статус Янга также «неизбежно потребует урегулирования». К 31 марта Понсонби обнаружил, что «путь становится весьма ухабистым». Письменное указание Макдональда на сей счет, которое он представил соответствующим отделам, вызвало большое смятение. Понсонби ругали не за Янга, а потому, что «восстановление в должности представляет собой исключительное и щекотливое дело». Тем не менее Понсонби считал, что им не следует уступать. Подобно большинству лейбористских членов парламента того времени, Понсонби, возможно, недооценивал того трепета, который испытывал Макдональд перед чиновниками министерства иностранных дел.

В действительности по прошествии двух месяцев так ничего и не изменилось. Маргарет Уинтрингэм, член парламента от либералов, написала об этом в начале мая Понсонби и получила 12 мая заверение в том, что этим вопросом «занимаются». Лично он «высокого мнения о его (Янга) способностях». И все же 6 июня он мог сообщить Янгу только то, что он понимает его обеспокоенность задержкой дела, но что «восстановление представляет собой исключительно трудный и сложный вопрос». Сейчас Понсонби не может сообщить ничего определенного, «но дело находится у самого премьер-министра, и поэтому Янг не должен бояться, что оно будет «отложено». Ответ Понсонби прозвучал весьма уклончиво, и Янгу следовало готовиться если не к получению полного отказа, то, во всяком случае, к очень скромным результатам.

Наконец 2 июля 1924 года министерство иностранных дел по указанию Рамсея Макдональда сообщило Янгу, что он может вернуться на консульскую службу, но на жалованье, «не превышающее размер вашего постоянного жалованья, исключая любые временные надбавки в момент вашего увольнения». В переводе на обычный язык это означало, что Янг, формально

числившийся в Архангельске вице-консулом и лишь исполнявший обязанности консула, вернется к тому статусу, какой он имел в 1915 году, в начале его службы в Архангельске! Кроме того, «в соответствии с обычными правилами,—говорилось далее,—ваша предыдущая служба не будет учитываться при исчислении пенсии». Другими словами, отменяя решение лорда Керзона об увольнении Янга, Макдональд и подчиненные ему чиновники министерства иностранных дел оставляли в силе наказание, наложенное на Янга Керзоном. Та самая ситуация, которую Лэнгдон Дэвис так убедительно изложил в письме Понсонби в марте, возникла в июле. Макдональд предпочел политику тори.

Это был не единственный случай, когда Макдональд в 1924 году сделал подобное отступление к консервативным традициям. Нет оснований сомневаться и в том, что именно потому, что вопрос касался отношений с Советской Россией, премьер-министр и министр иностранных дел Макдональд принял участие в затянувшемся и отвратительном акте мелочного издевательства над Янгом.

Однако Янгу было трудно продолжать борьбу в его положении. Как он писал своему старому другу по министерству иностранных дел в январе 1943 года, «мои небольшие сбережения таяли день ото дня. На меня легла тяжелая обязанность обеспечить куском хлеба мою русскую жену, тестя и горничную, потерявших родину и все, что у них было. Я вынужден был поступиться своими принципами, и Понсонби взял меня обратно».

Итак, 7 июля 1924 года он ответил министерству иностранных дел, что принимает предложение на указанных условиях «с должной признательностью». Последовала еще двухмесячная задержка, пока 28 августа не завершились последние формальности, и только после того, как Янг напомнил о себе, ему наконец сообщили, что хотя первоначально предполагалось направить его на работу в Россию, но, поскольку пока еще преждевременно посылать туда британских консулов, его отправят в Софию исполнять обязанности вице-консула.

24 октября Янг выехал из Лондона в Болгарию. Это было всего за пять дней до всеобщих выборов, на которых лейбористы потерпели поражение, и консерва-

тивное правительство вернулось к власти. Таким образом, восстановление Янга на службе, даже с потерей одиннадцати лет стажа, с 1907 по 1918 год, произошло вовремя, поскольку новый министр иностранных дел, несомненно, решил бы дело Янга исходя из отношения к нему Керзона.

ЧАСТЬ VI

15

Когда Янг получил назначение в Софию, Болгария все еще находилась в тисках белого террора, установившегося в результате переворота, который был спровоцирован в предыдущем году царем Борисом и его приспешниками из числа крупных землевладельцев и финансовых магнатов. После подавления восстания рабочих и крестьян в сентябре 1923 года, которое возглавляла коммунистическая партия, репрессии особенно усилились. Кроме того, наиболее реакционное ядро вооруженных сил, на которые опиралось болгарское правительство, составляли бежавшие из Советской России белогвардейские офицеры из денкинских и врагелевских армий, разгромленных Красной Армией.

Таким образом, Янг окунулся в атмосферу, несколько схожую с той, которая была уготована ему в Новороссийске в 1919 году.

Однако в 1924—1925 годах, особенно после победы консерваторов на недавних выборах в Великобритании, подобная атмосфера господствовала во всей Восточной Европе, и у Янга не было иного выбора, как приоритетиться к ней. В июне 1925 года он вновь был назначен исполняющим обязанности консула. Возможно, он легко включился в знакомый ему круг обязанностей. Конечно, его роль в Болгарии была значительно более скромной, поскольку в Софии имелась британская миссия с аккредитованным посланником. Янг стал почетным председателем Софийского клуба английского языка и много времени посвящал организации библиотеки клуба. Год спустя после назначения во время очередной проверки работы консульства генеральным инспектором министерства иностранных дел его работа была высоко оценена, и Янг 24 декабря 1925 года получил благодарственное письмо от сэра Остина Чемберлена, ставшего теперь министром иностранных дел.

Однако второй год пребывания Янга в Софии был омрачен семейными неприятностями. Его жена Варвара болезненно переживала, что Янг после столь обещающего начала карьеры остался на долгое время без работы. Она была глубоко потрясена тем, что ее муж выступал за улучшение отношений с Советским правительством, к которому она относилась враждебно, считая его виновным в утрате фамильных владений. Вскоре после приезда в Болгарию она стала посещать общество белоэмигрантов в Софии и всячески избегала контактов с членами английской колонии. В 1925 году Варвара отправилась навестить свою тетку в Белград. Больше Янг ее не видел. В 1926 году она уехала в Париж с одним бывшим царским офицером, за которого вышла замуж, как только Янг дал ей развод в 1929 году. Характерно для Янга то, что он построил в Варне для ее отца, с которым он поддерживал очень хорошие отношения, небольшой домик и назначил ему денежное пособие, которое тот и получал до самой смерти в 1937 году. Себе Янг купил там же виллу, надеясь поселиться на ней после ухода в отставку.

Через некоторое время после развода Янг женился вновь. Его жена Нина Сергеевна Гриневич была дочерью бывшего предводителя дворянства в Полтавской губернии, крупного помещика и члена Думы. Его владения в Константинограде (Полтавский уезд) составляли около 5 тысяч га. Нина Сергеевна в 17 лет вышла замуж за офицера деникинской армии, умершего в Польше от тифа при отступлении белых в 1920 году. В том же году она оказалась в Болгарии. Здесь она встретила вначале своего отца, нашедшего работу ночного сторожа на фабрике. Позднее приехала ее мать, на попечение которой был оставлен в России двухлетний сын Нины Сергеевны. Сама Нина работала в Софии в межсоюзнической контрольной комиссии, а затем в консульстве Соединенных Штатов Америки. Янг впервые встретился с ней на приеме в декабре 1925 года. Он стал навещать эту семью, жившую в тесной мансарде. Янг приносил пластинки классической музыки для ее родителей и «всегда что-нибудь из еды», — вспоминала г-жа Янг много лет спустя, рассказывая об их бедственном положении в те дни. Янг обвенчался с Ниной Сергеевной в русской церкви в Софии в октябре 1929 года.

Очевидно, испытания, которым подвергли Янга представители британского истеблишмента, не поколе-

бали его «аполитичности». Его принципы остались прежними благодаря поддержке лейбористов, и он остался все также расположен к старой русской аристократии.

Во время своего медового месяца они совершили круиз по Средиземному морю. Начав свое путешествие в Венеции, они добрались до побережья Черного моря. В Варне их встретил вице-консул с телеграммой о назначении Янга консулом в испанский город Малагу. Он прослужил там с конца 1929 до весны 1933 года.

Прекрасный климат Малаги и хорошие условия жизни показали им ниспосланным раем, особенно г-же Янг после нескольких лет бедности, тревожений и тяжелого физического труда. Консульская служба Янга в Малаге была отмечена двумя примечательными событиями. 1 апреля 1931 года британский авианосец «Глориос» столкнулся с французским пароходом «Флорида», груженным бананами. В момент столкновения 27 самолетов авианосца с 42 членами экипажей находились в воздухе. Один английский матрос был убит. Пилоты получили приказ приземлиться в Малаге. На «Флориде» «было много жертв» («Таймс ло рипортс», 13—16 июля 1931 года). Поскольку в эти дни отмечался церковный праздник, многие ведомства не работали. Посол в Мадриде не смог найти ни одного чиновника в соответствующих министерствах, чтобы урегулировать вопрос о неожиданном прибытии летчиков, такая же неудача постигла и Янга в Малаге. Янг был вынужден сам добиваться разрешения на посадку самолетов у администрации аэропорта, в то время как его жена бегала по магазинам, чтобы купить пилотам необходимую одежду: они летали в одних шортах и безрукавках. Янг в качестве консула справил панихиду в единственной англиканской церкви в Испании. Ситуация была чрезвычайно сложной, и посол писал ему: «То, что Вы сумели управиться в одиночку, делает Вам честь». Дань его «такту и оперативности» воздали министр иностранных дел Артур Гендерсон, а 28 июля 1931 года адмиралтейство выразило ему благодарность за урегулирование многочисленных вопросов, которые возникли.

Другое событие в жизни Янга в Малаге относится ко времени свержения испанской монархии и установления республики. Малага была одной из цитаделей республиканцев, и Янг, очевидно, дал ценный анализ происходивших там событий, за что 29 июня 1932 года получил благодарность от Гендерсона. Глава консуль-

ского отдела министерства иностранных дел в частном письме одобрил действия Янга и охарактеризовал его как «отличного служащего».

Из Малаги он был переведен в Швейцарию, в Базель, где исполнял обязанности консула с апреля 1934 до декабря 1939 года.

Этот город в Швейцарии имел такое же значение для британской политики, какое в свое время имел Архангельск. Во-первых, Базель находился фактически на границе между Швейцарией и Германией. В 1933 году в Германии власть захватил Гитлер. Легальные и нелегальные связи с Германией пролегли через Базель, поэтому ему отводилась особая «политическая» роль. Во-вторых, здесь находился один из самых важных финансовых учреждений военного периода — Банк международных расчетов, учрежденный в 1930 году британским, французским, итальянским, бельгийским, японским и германским центральными банками совместно с самыми крупными американскими банками Морганов. На консульство были возложены новые обязанности. В нормальных условиях оно должно было бы подчиняться британской миссии, но миссия находилась в Берне, поэтому многие вопросы приходилось решать самостоятельно.

Янгу часто приходилось заниматься делами беженцев от нацистского режима, преимущественно евреев, которые переправлялись тайно через границу. Британское правительство, дабы не ущемить собственных интересов, установило квоту на выдачу виз. Однако у Янга было отзывчивое сердце, и он, не считаясь с ограничениями, выдал значительно больше виз, чем было положено. В докладе генерального инспектора о работе консульств министерства иностранных дел от 29 июля 1939 года отмечается, что Янг выдал полдюжины родезийских виз беженцам из Германии. Это было сделано из «добрых побуждений», однако задержка с ответом на требование британского министра представить отчет (13 января 1939 года) «свидетельствует о недостатке здравомыслия» (непроизвольный отголосок комментариев по поводу позиции Янга двадцать лет назад, но весьма естественный в период, когда британское правительство проводило свою политику умиротворения нацистов)*.

---

* Политика «умиротворения» или, другими словами, поощрения агрессии фашистских государств в восточном направлении, то есть

Что подразумевалось под этим «недостатком здравого мышления», видно из одного сохранившегося письма. Некий М. Невяский занимался устройством еврейских беженцев. Спустя годы он писал вдове Янга¹: «Многие обязаны ему своей жизнью, хотя они не знали его и никогда в глаза не видели... Все это он делал так осторожно, тихо и разумно, что в течение целых четырех лет (1934—1937) я был убежден, что он не знает и не подозревает, что происходит в его консульстве в Базеле, а ведь я бывал там почти каждый день. Лишь в 1962 году, 25 лет спустя, он написал мне в ответ на мое письмо: «Я все знал о Вашем сотрудничестве с персоналом консульства на Якобштрассе. Я знал все, но молчал. Как пацифист и антинацист я испытывал большую радость от того, что мы могли оказать помощь этим ни в чем не повинным обреченным людям».

Деятельность Банка международных расчетов, занимавшегося, в частности, вопросами репарационной политики союзников, наложила на консульство специальные обязанности «представительства». Среди гостей на официальных приемах у Янга в эти годы бывали Монтегю Норман (Английский банк), Шахт (Дойче банк) и их коллеги, а также ведущие финансисты швейцарского банковского мира. Кроме того, в Базеле часто встречались представители таких крупных химических трестов, как Ла Рош и Гейгер (имперский химический трест). Их также приходилось время от времени принимать в доме Янга. На г-жу Янг ложилась большая часть организационных обязанностей, поэтому, писала она, в отличие от других мест назначения Янг «не был в состоянии в Базеле отложить ни одного пенни». Вновь Янг стал председателем местного Клуба английского языка, хотя он не мог уделить ему много времени.

Надо было, конечно, выполнять и обычные консульские обязанности. В этой связи представляет некоторый интерес письмо лорда Галифакса от 8 ноября

против СССР. Проводилась правительствами Великобритании и Франции при активной поддержке США. Высшим «достижением» этой политики являлся мюнхенский сговор, в результате которого Чехословакия была отдана в руки Гитлера. Нападение фашистской Германии на Польшу 1 сентября 1939 года и объявление Англией и Францией войны Германии означало формальный конец политики «умиротворения».

¹ Д-р М. Невяский г-же Нине Янг, 24 мая 1967 года.

1938 года. От имени министерства иностранных дел он передавал Янгу «благодарность за составление единого реестра циркуляров министерства учреждениям консульской службы Его Величества». Было бы очень полезно пересмотреть стандартные инструкции консулам. Упомянутый выше генеральный инспектор отмечает, что даже внешний вид консульства улучшился, «потому что г-н консул Янг требует чистоты и опрятности в служебных помещениях...», а это благотворно влияет на стиль «работы персонала консульства». Янг «поддерживает связи с банкирами и руководителями промышленности»,— утверждает инспектор. Г-жа Янг обладает «более жизнерадостным характером, чем ее муж, и она, очевидно, пользуется успехом в обществе».

Однако он сделал вывод, что Янг «более не соответствует должности на этом пограничном посту». Можно понять такое мнение. Уже в 1936 году, как писала его жена, Янг пришел к убеждению, что приближается вторая мировая война. Он перестал даже изредка ездить через границу в Германию. Янг был также уверен в том, что Болгария при ее теперешних правителях займет в войне сторону Германии и что он, следовательно, не сможет, как он надеялся, удалиться от дел, когда придет время, на свою маленькую виллу в Варне. Поскольку Янгу полагался шестимесячный отпуск за время работы в Базеле, он использовал его для посещения Южной Африки. Там у него были друзья. Он отправился туда, чтобы найти какое-нибудь подходящее место, куда бы он мог приехать до того, как разразится война. Янг дал 100 фунтов стерлингов своей жене, чтобы она съездила в Европу и навестила своих многочисленных родственников—русских эмигрантов, поскольку другой возможности для этого могло и не представиться, в случае если начнется война или если Янги уедут в Южную Африку. Все чаще его стали охватывать пессимистические настроения. Инспектор, например, писал: «Я нашел г-на Янга в состоянии крайней нервной депрессии, страдающим от бессонницы и меланхолии. Местный врач поставил его недомоганию следующий диагноз—циркулярная депрессия. Поскольку г-н Янг, казалось, потерял самообладание и способность принимать решения, моей первой заботой было убедить его взять отпуск. Он уехал в отпуск в Южную Францию в начале этого месяца на четыре недели».

Косвенный намек на причину его депрессии содержится в письме Янга в министерство иностранных дел от 14 сентября 1939 года. Министерство сообщило ему о том, что имеется возможность его перевода на пост генерального консула в Луанду. Янг написал, что он готов отправиться туда, однако хотел бы предварительно использовать остаток своего отпуска. «С окончанием умиротворения* я как бы возродился и чувствую себя способным не только отстоять «форт» до прихода подмоги, но также при наличии соответствующего персонала довести эту работу до успешного завершения, по крайней мере не хуже, чем какой-нибудь новичок». За этим следовал абзац, который в обстановке господствующей враждебности к СССР вполне мог бы показаться опасным рецидивом «причуд» Янга, свойственных ему в прошлом. «Теперь, когда осложнения в отношениях с Россией периода 1918—1919 годов сгладились, почему бы не забыть прошлое** и не соединить действенность с великодушием?»¹

Вновь в своем отношении к СССР Янг проявил значительно большую прозорливость, чем многие его современники. Реакция на его письмо была весьма сдержанной: «Мы не можем принимать во внимание чувства г-на Янга». В соответствии с этим он получил в октябре предложение поработать в Луанде, «в Южной Африке, куда вы намереваетесь удалиться после отставки». В декабре 1939 года Янги отправились из Базеля в Англию. В Луанду они прибыли в мае 1940 года. Там у них была удобная резиденция, но у Янга вначале не было вице-консула. Поэтому в течение нескольких месяцев его жена вынуждена была помогать ему «разбирать зашифрованные телеграммы, часто до 2 часов ночи».

27 декабря 1940 года Янг ушел в отставку. Он покинул Луанду и направился в Кейптаун. Пять месяцев спустя чета Янгов поселилась в Сомерсет-Уэсте — маленьком, уютном городке, в котором преобладало английское население. Сомерсет-Уэст находился примерно в пяти милях от моря, в сельской местности, между предгорьями двух горных хребтов.

* Имеется в виду политика «умиротворения».

** Янгу, по-видимому, было неизвестно, что Советское правительство неоднократно делало дипломатические шаги навстречу западным державам с целью предотвратить войну, но все его попытки найти общий язык с «умиротворителями» были безуспешны.

¹ F.O. 371, vol. 3338.

Пенсия, установленная Янгу в мае 1941 года министерством финансов, была довольно скромной и составляла 235 фунтов стерлингов в год плюс единовременное пособие в размере 699 фунтов. Он находился на консульской службе с 1908 года, всего 34 года с вычетом пяти лет. Но даже из 29 лет активной деятельности лишь 17 лет — с 1924 года — были учтены при исчислении пенсии. Янг никогда не имел частных доходов и лишь после смерти отца унаследовал 8 тысяч фунтов стерлингов. С началом второй мировой войны приобретенную виллу в Варне можно было считать утраченной. 31 декабря 1940 года Янг направил в министерство иностранных дел просьбу пересмотреть вопрос о его правах на пенсию. Ему холодно ответили, что поскольку он согласился на восстановление на службе в 1924 году с условием, что его предыдущая служба (1907—1919) не будет учитываться при уходе на пенсию, то теперь, к сожалению, невозможно пересмотреть дело¹.

Г-жа Янг была вынуждена искать работу. Вскоре она устроилась в департамент военной цензуры в Кейптауне, где она проработала четыре года, до окончания войны.

Янгу сразу же бросилась в глаза разница между жизнью африканцев и жизнью белых. Он писал в 1943 году своему другу: «Если Луанда плюс Гонконг, Малайя, Сингапур, не говоря уже о Ямайке, Кении и т. д. (довоенные скандалы теперь весьма кстати забыты), представляют собой британскую империю и нашу священную опеку над местным населением и т. д. и т. п., тогда чем скорее будет ликвидирована британская империя, тем лучше». Подобные мысли высказывал другой англичанин, Уилфрид Скауэн Блант, в прошлом дипломат. Он прекрасно видел, что означало в действительности «бремя белого человека»². Но конечно, в шестьдесят лет, не имея средств Бланта и озабоченный собственными трудностями, Янг физически не мог предпринять крестовый поход Бланта.

Янг теперь отдавал свое время заботам о саде. «У меня не часть разделенного общей стеной домика, как

---

¹ Письмо министерства иностранных дел К 4185/1509/236 от 2 мая 1941 года.

² Я позволю себе сослаться на лекцию о Бланте в моей книге «British Foreign Policy and its Critics» (London, 1969).

это бывает на второсортных приморских курортах, а участок почти в один акр с просторным и комфортабельным домом. В центре участка, даже несмотря на отсутствие солнечного света, растут бугенвиллеи, фруктовые деревья и т. д., которые могут вызвать зависть жителей «лучшей» части Чизлхэрста. Чертова дюжина моих кур обеспечивает круглый год в среднем 7 яиц в день, цена которых колеблется от 1 шил. и 6 пен. до 4 шил. и 6 пен. за дюжину... И вот я тружусь более или менее счастливо от зари до зари, чтобы сделать по крайней мере этот маленький уголок божьего мира лучшим, чем я его знал»,—писал Янг. Доходы от участка давали возможность немного увеличить скудную пенсию. Он занялся также починкой мебели, реставрацией картин. Понемногу Янг приобретал предметы старины, совершая в этих целях длительные поездки по окрестным фермам. В Базеле он начал собирать старинные монеты и продолжал заниматься этим в Сомерсет-Уэсте, где содействовал созданию нумизматического общества. Его гостиная славилась своими массивными шкапами с коллекциями старинных монет. Он одевался небрежно, с точки зрения людей викторианской эпохи. Однако его изречение «каждый знает, что я джентльмен» звучало вполне в викторианском стиле. Друзья Янга вспоминают, что его карманы всегда были набиты конфетами для африканских детишек. В биографическом справочнике о хобби Янга написано: «Размышления и чтение, собирание предметов старины, декоративное садоводство». И в 84-летнем возрасте, как упоминалось выше, он наслаждался чтением латинской поэзии.

Что касается размышлений, то приведенный выше отрывок из письма Янга о колониях Британской империи дает о них представление.

В этом же письме можно прочесть следующее: «Как жаль, что существует эта «злополучная подозрительность» между Англией и ее теперешним «доблестным союзником»*. Хотя простые англичане вряд ли питают эту подозрительность». Он был убежден в том, что интересам Британии был нанесен непоправимый ущерб глубоко укоренившейся враждебностью правящих классов к России с 1917 года и что эта враждебность продолжает наносить вред. Эту тему он не раз затраги-

---

* Имеется в виду СССР.

вал в письмах в южноафриканские газеты, когда они поносили Советский Союз. Если в его руки попадали более или менее достоверные книги об СССР и его истории, он серьезно обсуждал их со своими близкими друзьями.

Один из его друзей, педагог, писал о Янге¹:

«Я впервые обратил внимание на этого высокого худого человека в начале 50-х годов. Белая козлиная борода и манера держаться прямо выделяли его среди других. Шапочное знакомство переросло в дружбу. Постепенно я узнал о необычайной истории его жизни.

Взаимный интерес к политике и истории дипломатии поощрял его говорить о своем прошлом. Спустя много лет, когда Янг проникся достаточным доверием ко мне, я получил его рукопись о великих событиях, к которым он был причастен.

Это произошло в 1954 году. Как-то вечером я приступил к чтению рукописи с чувством странного приятного возбуждения. Дуглас Янг сказал мне, что никто не видел этих страниц со времени его восстановления в министерстве иностранных дел в 1924 году. Я закончил чтение ранним утром. У меня создалось впечатление исторической значимости документов, которые я держал в руках.

Я спросил автора: почему же теперь, когда страсти, связанные с прискорбным решением вторгнуться в Северную Россию, уже в значительной мере улеглись, он не опубликовал свой материал? Он ответил, что все еще считал себя связанным обязательством перед министерством иностранных дел, принятым им при его восстановлении, не передавать в прессу любые материалы о событиях, в которые был вовлечен.

Он был джентльменом эдуардианского времени* и поступал соответственно. Принципы морали, господствовавшие в мире до 1914 года, наложили отпечаток на его идеи и нормы поведения. Ему были присущи преклонение перед ученостью, высокие моральные принципы, необыкновенная честность. Янг умел сохранять верность данному слову. Две мировые войны двадцатого века вселили в него ужас перед

---

¹ Лесли Уэбб Эндрю Ротштейну 12 апреля 1971 года.

* Период правления Эдуарда VII (с 1901 по 1910 год), который характеризовался отходом от строгой викторианской морали.

бессмысленным насилием. Однако он не был пацифистом.

Янг и в Африке продолжал оставаться английским джентльменом, а благодаря своему браку даже отчасти и российским интеллигентом. Он бегло говорил и писал по-русски. В его внешности и характере находили нечто чеховское. Хотя он был либералом по своим склонностям, неверно считать его поборником полного равноправия. Во многих отношениях он был аристократом. Однако на первое место он ставил ответственность и долг и лишь на второе — привилегии. Вот почему он отошел от многих традиционных представлений правящего класса Британии и стал в ряды радикалистов.

В последние годы его жизни часто давала знать о себе болезнь. Когда мне удалось повидаться с ним, он вновь и вновь возвращался к вопросу о своих записках. Захочет ли кто-нибудь опубликовать их?»

В 1965 году в возрасте 83 лет у Янга случился первый сердечный приступ. С этого времени он был прикован к постели. Тем не менее он иногда отваживался спуститься из спальни на верхнем этаже. 5 апреля 1967 года он потерял сознание из-за возникшего в мозгу тромба. Он находился в бессознательном состоянии в течение трех недель. Наконец 30 апреля Янг на короткое время пришел в сознание и принял причастие от приходского священника англиканской церкви в Сомерсет-Уэсте. Вечером он скончался. Его пепел был захоронен в колумбарии англиканской церкви.

Последние недели он посвятил разбору своих бумаг, которые были найдены в полном порядке.

«Я, конечно, никогда не был подхалимом, во всяком случае с 1918 года», — писал он в 1943 году одному своему другу. Эти слова определяют поворотный пункт в его жизни и дают возможность говорить о Дугласе Янге как об одном из замечательных людей своего времени. Честность, добросовестное и преданное служение родине — этим принципам традиционной британской гражданской службы неукоснительно следовал Янг вплоть до 1918 года. Затем в ходе стремительно развивающихся событий 1918 года Янг обнаружил, что во имя патристической службы от него требуют совершать бесчестные дела под видом добропорядочных и идти нечестными путями вместо прямых. Именно необыкновенная честность заставила его восстать против

того, что его хотели заставить сделать. В России периода интервенции были и другие иностранцы, решительно выступившие против вмешательства в дела республики. Среди них — американцы Джон Рид, Альберт Рис Вильямс, Луиза Брайант и Бесси Битти, англичане Артур Рансом и Морган Филипс Прайс, француз Рене Маршан, но никто из них особенно не пострадал из-за своих разоблачений. Были также люди, занимавшие полуофициальное положение в России: члены французской военной миссии капитан Жак Садуль и лейтенант Пьер Паскаль, глава миссии Красного Креста полковник Раймонд Робинс, затем Уильям Буллит*, посланный в Россию государственным секретарем США Лансингом с одобрения Ллойд Джорджа. Но Садуль как социалист имел возможность найти в России убежище на несколько лет от преследований в своей стране до наступления лучших времен. Робинс был преуспевающим бизнесменом, который мог вернуться к своим обычным делам без особенных осложнений. Буллит имел возможность погасить свое отвращение к официальному отступничеству в праздности среди роскоши и развлечений, пока его собственные убеждения не изменились в приемлемом для американского истеблишмента направлении.

Янг раньше всех выступил со своим решительным протестом: он мог пострадать больше, чем кто-либо из них, — и он пострадал. Как и Локкарт в те дни, он знал, что «происходят общественные сдвиги, историческое значение которых, возможно, по своим масштабам превзойдет значение Французской революции». Но Локкарту, как он сам об этом пишет, «не хватило нравственного мужества уйти в отставку и занять позицию, которая навлекла бы ненависть огромного большинства соотечественников»¹. Янг хорошо знал, чем он рискует. Он сказал Ф. Мейнеллу, тогдашнему редактору «Ге-

---

* Уильям Буллит — американский дипломат, входил в состав делегации США на Парижской мирной конференции. В 1919 году Буллит возглавил миссию, направленную в Советскую Россию после отказа стран Антанты и США от идеи созыва конференции на Принцевых островах. Миссия прибыла в Россию с целью выяснить, на каких условиях Советское правительство согласно начать переговоры о прекращении военных действий. В результате переговоров был выработан проект мирных предложений, однако контрнаступление Колчака изменило планы Англии и США. Миссия Буллита была фактически дезавуирована.

¹ *Memoirs of a British Agent. London, Renguin, 1950, p. 284—285.*

ральд», что он, вероятно, будет уволен за свою статью от 14 декабря 1918 года. Но он пошел на этот риск. Комментарии руководителей министерства иностранных дел на его бумагах показывают, что если его не сделали объектом «ненависти» соотечественников, то только потому, что заправила британской внешней политики знала: большинство соотечественников будет больше оскорблено неправдой о военной интервенции, чем нарушением Янгом дисциплины и бесстрашным разрывом с традицией¹.

---

¹ Это, кстати, наглядно подтвердилось несколько месяцев спустя, когда подполковник Джон Шервуд Келли, кавалер ордена Креста Виктории, был предан военно-полевому суду за его письмо в прессу и в Конгрессе тред-юнионов, где он разоблачал «архангельскую экспедицию помощи», которая в действительности была послана для того, чтобы начать новое наступление против Красной Армии.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Участие в интервенции против молодой Советской республики составляет одну из самых позорных страниц истории британского империализма, несмотря на неоднократные попытки буржуазных историков представить ее в наиболее выгодном для Англии свете. Публикуется все больше работ, в которых пробивает себе дорогу правда об интервенции. В этом плане книга английского историка-марксиста Э. Ротштейна «Когда Англия вторглась в Советскую Россию», носящая яркий разоблачительный характер, представляет особую ценность.

События, изложенные в книге, относятся главным образом к начальному этапу интервенции стран Антанты в Советской России. Они рассматриваются через призму личности английского консула в Архангельске Дугласа Янга, поэтому Э. Ротштейн освещает не все стороны предыстории интервенции. Тем не менее из приведенных им фактов становится ясно, что с самого начала речь идет об интервенции, которую развязали правящие круги Великобритании.

Нужно иметь в виду, что книга написана для зарубежной аудитории, поэтому советскому читателю может показаться, что многие события, хорошо ему известные, автор излагает излишне подробно, а факты, связанные с подоплекой интервенции в самой Великобритании и движением под лозунгом «Руки прочь от России!», освещены меньше и более отрывочно. На страницах книги приводятся выдержки из огромного количества архивных документов, которые стали доступны английским историкам в последние годы. Они проливают свет на некоторые закулисные стороны подготовки интервенции. Вместе с тем язык и стиль документов, особенно исходящих от дипломатических ведомств, весьма своеобразны, замысловаты, избыточны условностями. Необходимо учитывать антисоветское содержание многих документов. Э. Ротштейн, как

правило, подвергает все источники тщательному разбору, добываясь исторической правды. Автор анализирует большое число работ по истории интервенции. Он часто дает выдержки из книг Дж. Кеннана, Р. Уллмена и других исследователей, взгляды которых неоднократно подвергались критике в советской литературе*. Э. Ротштейн, привлекая новые источники, полемизирует с западными фальсификаторами истории интервенции и гражданской войны в СССР, с фактами в руках опровергает их концепции о «случайности» и «непреднамеренности» интервенции.

Для того чтобы лучше понять события, изложенные Э. Ротштейном, необходимо кратко осветить историю интервенции в СССР.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции вызвала бешеную злобу свергнутых эксплуататорских классов и их пособников. Международный империализм с самого начала увидел в революции 1917 года смертельную угрозу всей системе сложившихся отношений капитализма. Империалисты не могли примириться с тем, что революция разорвала путы кабальной зависимости России от иностранных держав, ликвидировала иностранные займы, передала народу фабрики и заводы.

Революция произошла в тот момент, когда империалистические державы, разделенные на два враждующих лагеря, сражались на фронтах первой мировой войны. С одной стороны выступали страны Антанты во главе с Англией и Францией, с другой — коалиция государств, возглавляемая державами Центральной Европы: Германией и Австро-Венгрией. До Октября на стороне Антанты вела войну Россия, причем на ее плечи легло основное бремя войны. Революция лишила возможности использовать ресурсы России в целях продолжения мировой империалистической бойни, поскольку Советское государство с первого дня своего существования сделало борьбу за мир основой своей внешней политики.

Декрет о мире, принятый на II съезде Советов, провозгласил задачу достижения справедливого и демократического мира «без аннексий и контрибуций». Декрет произвел огромное впечатление на народы воюющих стран, измученные войной. 21 ноября

---

* См., например: Критика буржуазной историографии советского общества. М., 1972.

1917 года Советское правительство выступило с важной инициативой — заключить перемирие на всех фронтах и начать переговоры о мире. Страны Антанты не откликнулись на это предложение, но Германия и ее союзники, испытывавшие все большие трудности, пошли на переговоры.

Причина молчания стран Антанты заключается в том, что империалисты Англии, Франции, США, Японии рассчитывали задушить Советскую власть в России в самом зародыше. Они стремились изолировать Советскую республику, лишить ее продовольственных и сырьевых ресурсов. Монархисты, буржуазные националисты, представители мелкобуржуазных партий, маскировавшие свою деятельность «социалистическим флагом», стягивали свои силы на окраинах, в национальных районах, откуда они, опираясь на помощь интервентов, рассчитывали двинуться против Советской власти. Подняли мятежи казачьи атаманы: Каледин на Дону, Дутов на Урале и Семенов на Дальнем Востоке. Контрреволюционную деятельность развернули националистические правительства и группы на Украине, в Молдавии, в Закавказье и в Средней Азии. Например, созданная еще до Октября, в период пребывания у власти Временного буржуазного правительства, украинская националистическая Центральная рада, опираясь на поддержку как Антанты, так и держав Центральной Европы и при прямом пособничестве русских контрреволюционеров, активно боролась за сохранение буржуазного строя. Через Украину на Дон и Кубань стекались силы контрреволюции. На деньги Антанты там происходило формирование Добровольческой армии под крылом бежавших сюда генералов Корнилова и Алексея.

Обо всех этих событиях говорится в книге Э. Ротштейна. Становится очевидным, что уже на данном этапе речь идет об интервенции, хотя еще в замаскированной форме. Через свои посольства и миссии, консульства и представительства, отделения иностранных фирм под видом деятельности благотворительных обществ шло усиленное снабжение врагов Советской власти деньгами и оружием. Важным этапом подготовки открытой интервенции явилась неоднократно упоминаемая на страницах книги секретная конференция стран Антанты в Париже 21—22 декабря 1917 года, где рассматривался план вторжения в Советскую Россию. В соответствии с этим планом правительства Антанты действовали на протяжении всего описываемого пери-

ода. Об этом не был поставлен в известность английский консул в Архангельске Д. Янг, что послужило стержнем всего повествования.

Хотя в период триумфального шествия Советской власти надежды империалистов не оправдались и силы контрреволюции повсеместно потерпели поражение, тем не менее революционный процесс на окраинах и в национальных районах протекал значительно медленнее. Ярким примером этого явилась история установления Советской власти в Архангельске. Положение осложнялось тем, что эти районы в большинстве своем были крестьянскими. Мелкобуржуазная стихия оказывала в них сильное влияние на рабочих, затрудняя сплочение их рядов. Большевики и эсеры чувствовали для себя здесь более твердую почву под ногами. Иностранцы миссии и представительства активно поддерживали и организовывали непосредственно враждебную Советской власти деятельность. Свидетелем этой деятельности был Д. Янг — английский консул в Архангельске.

В течение длительного времени страны Антанты в качестве постоянного повода для вмешательства в дела России выдвигали предлог о ее защите против вторжения германских войск. Переговоры о мире, которые начала 9 января 1918 года советская делегация, исчерпав все возможности привлечь к ним бывших союзников России, проходили долго и трудно. Германия преследовала на переговорах свои империалистические цели, стремясь воспользоваться ситуацией и захватить как можно больше территорий, продовольственных и сырьевых ресурсов, в которых она сильно нуждалась. Условия мира, предлагаемые Германией, были несправедливыми и грабительскими. Трудности положения Советской России заключались и в том, что она еще не имела своей армии, а старая армия разваливалась и не годилась для защиты интересов страны. Страны Антанты, внутренняя контрреволюция и левацкие элементы в партии и правительстве всячески препятствовали заключению мира.

В своих переговорах с Германией Советское правительство встало на защиту интересов не только народа своей страны, но и народов всех воюющих стран. Стремясь не повлиять на расстановку сил воюющих государств, советская делегация специально оговаривала в качестве одного из условий мира отказ от переброски войск Германии и Австро-Венгрии на другие

театры военных действий. С этой точки зрения державы Антанты не могли иметь претензий к Советскому правительству.

Однако 10 февраля 1918 года по вине Троцкого переговоры оказались сорванными. Через неделю войска Германии и Австро-Венгрии начали наступление против Советской республики, оказавшейся в очень трудном положении. Все силы и средства были мобилизованы на борьбу с врагом. Рабочие и крестьяне поднялись на защиту своей власти. Получила первое боевое крещение под Нарвой и Псковом Красная Армия.

Державы Антанты попытались использовать германское наступление для того, чтобы добиться официального согласия Советского правительства на ввод их войск в пределы России. Некоторые даже лицемерно предлагали помочь в организации армии для отражения наступления. Дипломатические представители стран Антанты выехали в Вологду, где занялись совсем несвоей для дипломатов деятельностью, о чем свидетельствуют показания Д. Янга.

Советское правительство не могло не понимать, что вся эта деятельность означает не что иное, как дальнейшие шаги по наращиванию интервенции и поощрению контрреволюционных элементов, поэтому оно отвергло предложения Антанты. В то же время, не имея возможности продолжать войну с Германией, Советское правительство вынуждено было пойти на заключение мира на еще более тяжелых и унижительных условиях. Мир был заключен 3 марта 1918 года в Брест-Литовске.

Заключение мира вызвало крайнее озлобление в руководстве Антанты. На специальной конференции премьер-министров и министров иностранных дел было решено не признавать Брестский мирный договор и перейти к открытой интервенции. В качестве первоочередных объектов вторжения интервенты выбрали окраинные районы России. Этот выбор опять же не был случайным. Окраины привлекали внимание стран Антанты тем, что в условиях продолжавшейся войны они более других районов были доступны для вторжения. Здесь было больше элементов, служивших социальной и политической опорой контрреволюции. Кроме того, еще при Временном правительстве здесь были созданы военные силы из бывших военнопленных и интернированных граждан, в том числе чехословацкий корпус на

Украине, отряды чехов, сербов, итальянцев на севере, в Сибири и на Дальнем Востоке.

Большие надежды Антанта возлагала на чехословацкий корпус. Он начал формироваться до Октябрьской революции. Для его организации в Россию прибыл один из руководителей Чехословацкого Национального совета* Масарик. Командование Антанты первоначально планировало перебросить корпус во Францию, но по мере нарастания революционных событий планы Антанты изменились. На секретном совещании, о котором пишет и Э. Ротштейн, было принято решение использовать легионеров чехословацкого корпуса против Советской республики.

Наступление германских и австро-венгерских войск застало корпус на Украине. Реакционное командование корпуса заключило перемирие с немцами и перебазировалось в глубь России, в район Пензы, оголив фланги оборонявшихся советских войск.

Советское правительство, не зная о решении Антанты, по-прежнему прилагало огромные усилия, чтобы обеспечить эвакуацию корпуса. В феврале 1918 года велись переговоры в Киеве об отправке корпуса во Францию через Владивосток. В переговорах участвовали и представители Антанты, которые сделали все, чтобы с самого начала торпедировать достигнутое соглашение. Агенты Антанты, контрреволюционные офицеры и реакционное командование корпуса шли на организацию прямых подлогов и провокаций, чтобы вызвать выступление чехословацких частей против Советской власти. Велась разнузданная антисоветская агитация. Антанта обязалась взять корпус на содержание, если он выступит как «авангард союзнического наступления» в глубь России. Предполагалось поддержать это наступление организацией заговоров и мятежей в Поволжье, на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке.

Ввиду происходящего Советское правительство предложило удалить из корпуса контрреволюционно настроенных русских офицеров, а части корпуса разоружить, оставив им только то оружие, которое необходимо для самообороны. Тогда реакционное командова-

---

* Чехословацкий Национальный совет был создан в Париже в 1915 году чехословацкой буржуазией и ставил своей целью образование независимого чехословацкого государства. Руководители организации — Бенеш, Масарик, Штефаник — впоследствии стали видными деятелями буржуазной Чехословакии.

ние корпуса распространило провокационный слух о том, что Советское правительство приказало остановить эшелоны и заключить легионеров в концентрационные лагеря. Поэтому, дескать, необходимо силой оружия достичь морских портов и выехать за границу. 25 мая 1918 года вдоль Транссибирской магистрали, по которой следовали чехословацкие войска во Владивосток, начался мятеж. Мятеж, однако, был поддержан не всеми легионерами. Многие перешли на сторону Советской власти.

Мятеж чехословацкого корпуса явился для стран Антанты новым предлогом для эскалации интервенции. Под лицемерным прикрытием необходимости взять под защиту солдат чехословацкого корпуса в различных районах страны высаживались все новые контингенты войск Англии, Франции, США, Японии. Все сильнее разгоралась гражданская война.

В условиях продолжавшейся империалистической войны страны Антанты не могли выделить достаточно сил для вторжения, поэтому основные надежды они возлагали на чехословацкий корпус и на Японию. Япония имела к тому же свои собственные империалистические интересы на Дальнем Востоке. Всячески подталкиваемая Антантой, Япония 5 апреля 1918 года начала высадку своих войск во Владивостоке, а за ней следом высадились войска английских и американских интервентов.

Основное внимание в книге уделяется истории интервенции на Севере. Северу в планах Антанты придавалось вначале очень большое значение. Здесь находились два крупных порта: Мурманск и Архангельск.

Интервенция началась с высадки английских и американских войск в Мурманске. Эсеровско-меньшевистское большинство Исполкома Мурманского совета заключило с Антантой «словесное соглашение», согласно которому интервенты получили возможность высадить в Мурманске десант якобы для защиты города от германского флота. В Мурманск стали прибывать все новые и новые корабли с войсками. Мурманский район явился плацдармом для организации интервенции, захвата Архангельска, Вологды и последующего продвижения в глубь России для соединения с чехословаками и другими контрреволюционными силами.

На новой конференции стран Антанты 3 июня 1918

года было принято решение о расширении масштабов интервенции. Буржуазная пресса в один голос вопила о необходимости «выполнить обязательства» и характеризовала интервенцию как «выполнение союзнического долга». В своих планах расширения интервенции Антанта строила расчет и на местные контрреволюционные силы. Планируя, например, захват Архангельска, интервенты наводнили его своими агентами, готовили контрреволюционный мятеж. 3 июля был захвачен г. Кемь в Карелии и расстреляны руководители местного Совета. 20 июля интервенты высадились на Соловецких островах и оттуда готовили десант на Онегу. 2 августа началась высадка интервенционистских войск в Архангельске. Одновременно в городе начался мятеж, организованный английским шпионом, бывшим офицером царского флота Чаплиным. Советский гарнизон в Архангельске был очень мал—не более 800 солдат и матросов*—и не мог оказать серьезного сопротивления крупномасштабному вторжению. В городе было сформировано марионеточное правительство во главе с «народным социалистом» Чайковским, с которым оккупанты, однако, очень мало считались.

Другой стороной деятельности Антанты в этот период была повсеместная организация заговоров и мятежей во внутренних районах страны. Особенную активность развил дипломатический корпус стран Антанты в Вологде. Сюда со всех концов России прибывали за указаниями представители контрреволюционных организаций. Отсюда под видом «английских», «французских» и т. д. граждан рассылались легионеры, белогвардейцы в Архангельск, в Мурманск, в Поволжье. При прямой финансовой поддержке союзнических миссий был организован контрреволюционный «Союз защиты родины и свободы», возглавляемый эсером Савинковым. В его финансировании приняли участие и представители Чешского Национального совета, через Масарика передавшие Савинкову крупную сумму денег. Об этом рассказывает Э. Ротштейн на страницах своей книги. Кровавый мятеж в Ярославле и других городах Верхней Волги явился результатом подобных действий. Чтобы пресечь их, Советское правительство предложило дипломатам стран Антанты переехать в Москву, однако последние отказались выполнить это и просле-

---

* История гражданской войны в СССР, т. 3, М., 1957, с. 177.

довали в Архангельск. О дальнейшей их судьбе упоминается в книге.

В августе 1918 года в Москве был раскрыт так называемый заговор послов во главе с английским генеральным консулом Локкартом. Заговорщики рассчитывали путем подкупа красноармейских частей организовать в Москве восстание, арестовать членов Советского правительства и отправить их в распоряжение интервенционистских войск в Архангельск. Разоблачение и ликвидация заговора составляют одну из славных страниц истории ВЧК.

Одновременно в Петрограде был раскрыт еще один заговор, нити которого тянулись в английское консульство. В его подготовке приняли участие многие белогвардейские офицеры. Возглавлявший заговор английский военно-морской атташе капитан Кроми был убит в завязавшейся перестрелке. У заговорщиков изъяли оружие, фальшивые документы, оформленные на «английских дипломатов», «английских граждан», а также компрометирующую переписку.

Далеко не последнюю роль играли агенты Антанты в развязанном летом 1918 года белогвардейском терроре. Непосредственное участие в его организации принимал английский шпион Рейли.

Империалисты, высаживая войска на Севере и Дальнем Востоке, поощряя внутреннюю контрреволюцию, пытались замкнуть кольцо интервенции и на юге страны. Генералы Денстервиль и Маллесон, упоминаемые Э. Ротштейном, стояли во главе групп интервенционистских войск, предназначенных действовать соответственно в Закавказье и Туркестане. События на Юге составляют не менее позорную и печальную страницу в истории интервенции, чем события в Архангельске.

Август 1918 года является кульминационным моментом в книге Э. Ротштейна. Иностранная интервенция стала действительно главной угрозой существованию Советской России. В. И. Ленин, оценивая обстановку этого времени, писал: «Внешний враг Российской Советской социалистической республики, это — в данный момент англо-французский и японо-американский империализм. Этот враг наступает на Россию сейчас, он грабит наши земли, он захватил Архангельск и от Владивостока продвинулся (если верить французским газетам) до Никольска-Уссурийского. Этот враг подкупил генералов и офицеров чехословацкого корпуса. Этот враг наступает на мирную Россию так же зверски

и грабительски, как наступали германцы в феврале, с тем, однако, отличием, что англо-японцам нужен не только захват и грабеж русской земли, но и свержение Советской власти для «восстановления фронта», т. е. вовлечения России опять в империалистическую (проще говоря: разбойничью) войну Англии с Германией»*.

Вторжение в Архангельск, описанное Э. Ротштейном, казалось бы так легко начавшееся, имело бесславный конец. С высадкой английских, французских и американских интервентов в городе начались массовые облавы, аресты среди населения. Для расправы с политзаключенными интервенты создали военный суд. Множество карательных отрядов действовало в городе и окружающих его районах. Тюрьмы и концентрационные лагеря были переполнены. «Лагерь смерти» на острове Мудьюг навеки останется зловещим символом интервенции.

Одновременно с интервенционистскими войсками в Архангельск нахлынули представители иностранных монополий, которые организовали грабительский вывоз из России леса, льна, пушнины и нанесли огромные убытки экономике страны.

Против интервентов на Севере развернулась настоящая народная война. Боевыми действиями советских отрядов руководил тот самый Павлин Виноградов, заместитель председателя Исполкома Архангельского совета, с которым часто встречался английский консул Д. Янг. Наступление интервентов в глубь страны было быстро остановлено.

В сентябре 1918 года был создан Северный фронт, во главе которого стал М. С. Кедров, старый большевик, активный участник борьбы за Советскую власть на Севере. Впоследствии он написал книги, посвященные этим событиям. Они помогли Э. Ротштейну дать подробный анализ ситуации в Архангельске, когда там находился Д. Янг. М. С. Кедров действовал по непосредственным указаниям В. И. Ленина.

Упорные бои на Северном фронте закончились в январе 1919 года тяжелым поражением интервентов и белогвардейцев под Шенкурском. Их войска стали откатываться к Архангельску. Усилилось их внутреннее разложение, участились случаи массового дезертирства. Об этом рассказывают документы, приводимые Э. Ротштейном.

---

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 38.

Окончание первой мировой войны, казалось бы, открыло державам Антанты новые возможности для усиления интервенции. И действительно, на первых порах можно видеть рост военной активности на юге, в Прибалтике, в Сибири. Увеличилась численность интервенционистских войск, усилилось снабжение белогвардейских армий Колчака, Деникина, Юденича. Из Архангельска на юг перебравлся главнокомандующий британскими интервенционистскими силами генерал Ф. Пуль. Однако надеждам стран Антанты не суждено было сбыться. С окончанием войны исчез тот формальный предлог, который они выдвигали для вмешательства во внутренние дела России и зачастую обманывали общественное мнение. Во всей своей неприглядности стали ясны истинные цели империалистов. По этому поводу В. И. Ленин говорил уже в декабре 1918 года: «Несмотря на то, что война официально еще не закончена, мы уже теперь имеем во Франции и Англии признаки чрезвычайно высокого роста рабочего движения и перемену позиций тех политиков, которые стояли на шовинистской точке зрения, а теперь выступают против своего правительства за попытки вмешательства в русские дела»*. Д. Янг, о котором рассказал Э. Ротштейн, принадлежал к числу таких политиков.

Военные поражения, понесенные Антантой в ходе интервенции, быстрое революционизирование войск и развитие движения под лозунгом «Руки прочь от России!», грозно нараставшее повсеместно, заставили Антанту эвакуировать свои войска. Это еще не означало конца интервенции, но крах ее был уже близок.

А. К. Соколов, кандидат исторических наук

---

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 396.

Оглавление

В. В. Овчинников. Причастность к теме	5
Предисловие автора	12
Пролог	14
Часть I	20
Часть II	55
Часть III	86
Часть IV	117
Часть V	151
Часть VI	163
Послесловие	176

Эндрю Ротштейн

**КОГДА АНГЛИЯ ВТОРГЛАСЬ
В СОВЕТСКУЮ РОССИЮ...**

ИБ № 9545

Редактор *Т. Л. Комарова*

Художник *И. С. Клейнард*

Художественный редактор *В. А. Пузанков*

Технический редактор *И. К. Дергунова*

Корректор *Н. А. Лукахина*

Сдано в набор 24.12.81. Подписано в печать 7.06.82.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 1. Гарнитура
таймс. Печать высокая. Условн. печ. л. 10,08. Уч.-изд. л.
10,01. Тираж 50 000 экз. Заказ № 3666. Цена 55 к.
Изд. № 32841.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство
«Прогресс» Государственного комитета СССР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, 119021, Zubovskiy bulvar, 17

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового
Красного Знамени Первая Образцовая типография имени
А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государствен-
ном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и
книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

Готовится к печати

ЛИЛОВ А.

Идеологическая борьба на современном этапе:

Сборник.

Пер. с болг.—М.: Прогресс, 1982 (IV кв.).—16 л.—В пер.: 1 р. 20 к. 20 000 экз. 11101. 0801000000

Автор—член Политбюро и секретарь ЦК БКП—на большом фактическом материале показывает несостоятельность буржуазной и маоистской идеологий, тщетность попыток Запада вызвать «эрозию» социалистического общества, расшатать единство партии и народа, подорвать сплоченность стран социалистического содружества.

Рекомендуется идеологическим работникам, широкому кругу читателей.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

Вышла в свет

КУШНИК Х.

Свидетель событий в Афганистане: Корреспонденции, документы, факты.

Пер. с нем.—М.: Прогресс, 1982 (I кв.).—12 л.—Дюссельдорф, 1980.—70 к. 50 000 экз. 11105. 0804000000

Автор—московский корреспондент газеты западно-германских коммунистов «Унзере дайт». Он рассказывает о попытках внутренней и внешней реакции повернуть вспять революционные преобразования в Афганистане. Многочисленные документы разоблачают подрывную деятельность США и Китая, развязавших антиафганскую и антисоветскую кампании, поддерживающих банды контрреволюционеров, забрасываемых с территории Пакистана.

Рекомендуется широкому кругу читателей.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

Готовится к печати

МАДЖИСТЕР С:

Политика Ватикана и Италия:

Пер. с итал.—М.: Прогресс, 1982 (IV кв.).—
22 л.—Рим, 1979.—В пер.: 1 р. 30 к. 10 000 экз. 11105.
0804000000

Автор этой книги, не имеющей аналогов в мировой научной литературе, на большом документальном материале знакомит читателя с деятельностью Ватикана и политикой пап — Пия XII, Иоанна XXIII, Павла VI. Углубленному рассмотрению подвергаются идеологические принципы, тактика и борьба за влияние различных католических сил в Италии. В контексте этой борьбы показана роль США в итальянских католических кругах, связи некоторых американских деятелей с руководством мирового католицизма.

Рекомендуется специалистам.